

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

26 2025
ЧАСТЬ V

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 26 (577) / 2025

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Константин Васильевич Мельников* (1890–1974), советский архитектор.

Константин Мельников родился в небогатой рабочей-крестьянской московской семье в 1890 году. В раннем возрасте Константин полюбил рисовать, поэтому сначала его отдали в иконописную мастерскую Прохорова в Марьиной роще, а затем устроили в дом выдающегося ученого и педагога, инженера Владимира Чаплина. Всего через два года обучения Мельникова приняли в Московский университет живописи, ваяния и зодчества, где он дважды поощрялся премией за архитектурные проекты.

С 1918 года молодой Константин разрабатывал проекты благоустройства столицы под руководством известных мастеров Алексея Щусева и Ивана Жолтовского. Начиная с работ в духе неоклассики, он постепенно искал способы создания новых архитектурно-художественных образов.

Во время обучения в МУЖВЗ Мельников по заданиям фирмы «В. Залесский и В. Чаплин» проектировал фасады первого в России автомобильного завода АМО (в настоящее время завод ЗИЛ).

Как один из лучших выпускников Мельников был приглашен в архитектурно-планировочную мастерскую строительного отдела Моссовета — там работали 12 мастеров, которые в шутку называли себя двенадцатью апостолами. В их числе были Жолтовский, Щусев, а также Веснин, братья Пантелеймон и Илья Голосовы, Ладовский и другие. Первым заданием для Мельникова стало проектирование поселка для служащих Алексеевской психиатрической больницы.

В начале 1920-х годов Константин отказался от всех традиционных стилей, не присоединился ни к одной архитектурной группе, а, наоборот, дистанцировался от всех, чтобы создать первое сооружение в фирменном новом стиле — деревянный павильон «Махорка» на Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке.

По проекту Константина Мельникова был сделан первый саркофаг для тела В. И. Ленина, где вождь пролежал с 1924 года до Великой Отечественной войны в здании мавзолея, спроектированном Алексеем Щусевым. Саркофаг был в форме четырехгранной удлиненной пирамиды и полностью выполнен из стекла.

В 1925 году архитектор принял участие в международной выставке в Париже, представляя свой проект — павильон СССР, выполненный из дерева с частично остекленными стенами. Павильон Мельникова заявил западу

о современных авангардных достижениях Советского Союза и прославил архитектора на международной арене.

После успеха в Париже у Мельникова наступил золотой период — он проектировал многочисленные рабочие клубы и другие общественные здания, а также жилые дома и крупные гаражи (Бахметьевский, ВАО «Интурист», гараж Госплана СССР).

Самой яркой работой Мельникова стал его собственный дом, построенный в 1927–1929 годах в Кривоарбатском переулке. Это был дом-скульптура, творческий манифест архитектора-художника XX века. Автор проекта отстранился от всех традиций домостроения и все придумал заново. В архивах Мельникова есть проект такого же дома, только из трех цилиндров — это был модуль, на основе которого он собирался строить целые поселки. Он ставил эксперимент на себе. Но поскольку модуль остался в единственном экземпляре и не повторился, он стал уникальным.

С конца 1930-х годов Мельникову стало труднее реализовывать новаторские идеи в архитектуре — его проекты стали все чаще критиковать, а со временем архитектора и вовсе изолировали от творческого процесса, но не арестовывали, потому что когда-то он проектировал саркофаг Ленина. С 1936 года Константин вместе с женой попал в жуткую нищету. Вся их одежда была изношена до предела. Единственный доход Константин получал, работая печником.

В 1949 году Мельникова пригласили преподавать в Саратов. Там он вместе с женой жил в профессорском общежитии, где у них была большая угловая комната.

В 1965 году Мельникову без защиты диссертации присвоили ученую степень доктора архитектуры, а в 1972-м — почетное звание заслуженного архитектора РСФСР.

Столетний юбилей архитектора ЮНЕСКО отметила тем, что объявила 1990 год годом Константина Мельникова. По результатам опроса членов Российской академии архитектуры и строительных наук, проводившегося в 2001 году, Константин Васильевич Мельников занял первое место среди выдающихся отечественных архитекторов XX века и третье — в мировом списке.

О жизни и творчестве Константина Мельникова было создано несколько документальных фильмов и написано множество книг, среди которых — широко известная среди специалистов и любителей архитектуры книга Галины Зеличенко «Константин Мельников и его дом».

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

- Кузьмина В. В.**
Понятие «правовая система» в юридической науке: основные подходы к определению и анализу 315
- Ларин А. Е.**
Проблемы исполнения алиментных обязательств с иностранным элементом 317
- Лебедев А. А.**
Гражданско-правовые способы защиты вещных прав по законодательству России и зарубежных государств 320
- Лебедев А. А.**
Способы защиты гражданских прав по законодательству Российской Федерации 322
- Лукьянов И. Д.**
Перспективы развития онлайн-образования в Российской Федерации в 2025–2026 годах... 325
- Лукьянов И. Д.**
Развитие правового механизма онлайн-образования в Российской Федерации: проблемы, вызовы и пути их решения 328
- Мамедгасанова С. И.**
Теоретико-правовая характеристика общества с ограниченной ответственностью в системе юридических лиц Российской Федерации 331
- Миронова А. И.**
Классификация доказательств в гражданском судопроизводстве 335
- Овчинникова В. А.**
Исковая давность: особенности правоприменительной практики 337
- Охлопков-Тордуянов К. В.**
К вопросу о культуре как конституционной ценности..... 339
- Писарик Д. М.**
Функционально-психологическая структура правосознания как одна из форм общественного сознания 341
- Подуфалый Д. В.**
Возмездная приватизация жилых помещений и долей в них, являющихся федеральной собственностью 342
- Помазков Р. В.**
Зарубежный опыт теоретического и практического решения проблем самозанятых и индивидуальных предпринимателей: сравнение с Россией 346
- Радченко В. Е.**
Проблемы процессуальных гарантий защиты прав подозреваемых и обвиняемых в рамках проведения допроса на стадии предварительного расследования 349
- Россошанский И. О.**
Информационные технологии в системе государственного управления Российской Федерации 351
- Россошанский И. О.**
Особенности информатизации на муниципальном уровне: проблемы и перспективы 353
- Сахно А. В., Матвеева С. В.**
Стимулирование исправления и перевоспитания осужденных к лишению свободы с помощью мер уголовно-правового поощрения..... 355
- Сергеев В. Ю.**
Разрешение споров, связанных с применением специального налогового режима — налога на профессиональный доход: анализ судебных решений..... 357
- Стегура Е. А.**
Иммунитет адвокатского высказывания 359
- Тюменцева Н. В.**
Применение Федерального закона № 214-ФЗ в строительном сегменте при работе с физическими лицами 361
- Усольцев А. Е.**
Цифровое право как отдельная юридическая отрасль: необходимость революционного подхода..... 363

Филиппова М. Ю.

Проблемы совершенствования
законодательства о правовом положении
иностранцев в Российской
Федерации 366

Филоненко А. В.

Классификация фактов, составляющих
предмет доказывания по гражданскому делу... 368

Цыганков А. В.

Ответственность органов и должностных
лиц местного самоуправления Российской
Федерации 371

Чернышев А. Н., Анисимова А. М.

Порядок признания гражданина
ограниченно дееспособным
по действующему законодательству 372

Чжао Е. С.

Механизмы защиты российских лиц
от негативного влияния международных
санкций на международный коммерческий
арбитраж, предусмотренные российским
законодательством..... 374

Churakova E. D.

International legal analysis of the
consequences of disappearing state territory
due to climate change 379

Щукова Д. Е.

Условия действительности сделок
по гражданскому законодательству
Российской Федерации 381

Щукова Д. Е.

Установление и оспаривание
дееспособности завещателя 383

Юферев В. С.

Актуальные проблемы исполнения
судебных решений органами местного
самоуправления..... 384

Якушева Л. М.

Изменение и прекращение гражданско-
правового договора как проявление
свободы договора 387

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Понятие «правовая система» в юридической науке: основные подходы к определению и анализу

Кузьмина Виктория Вадимовна, студент магистратуры

Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

Статья посвящена анализу фундаментального, но дискуссионного понятия «правовая система» в юридической науке. Основные подходы к его определению: институционально-функциональный, нормативно-ценностный (культурологический), системно-коммуникативный (динамический) и сравнительно-типологический. Для каждого подхода раскрывается его сущность, ключевые элементы, преимущества и недостатки. Проводится разграничение понятия «правовая система» со смежными категориями («система права», «правовая надстройка»), рассматриваются уровни ее анализа (национальный, региональный, семьи, глобальный). Обосновывается значение комплексного понимания правовой системы в условиях глобализации, регионализации и цифровизации права. Делается вывод о том, что множественность подходов отражает многомерность самого феномена права и предоставляет различные инструменты для его исследования.

Ключевые слова: правовая система, система права, юридическая наука, теория права, сравнительное правоведение, правовая культура, правовые институты, правовая семья, глобализация права.

Понятие «правовая система» (ПС) является одним из фундаментальных и одновременно дискуссионных в современной юридической науке. Оно служит ключевой категорией для сравнительного правоведения, теории права, социологии права и других юридических дисциплин, позволяя анализировать право не как совокупность изолированных норм, а как комплексный, динамичный и культурно обусловленный феномен. Однако единого, общепризнанного определения этого понятия не существует, что порождает множественность подходов к его трактовке. Целью данной статьи является систематизация основных подходов к пониманию «правовой системы» в юридической науке, выявление их сущностных характеристик и методологических оснований.

Сущность понятия и необходимость его введения

Традиционный догматический подход, фокусирующийся на анализе правовых норм и их систематизации («система права»), оказался недостаточным для описания реального функционирования права в обществе. Возникла потребность в более широкой категории, охватывающей не только нормы, но и механизмы их создания, реализации, интерпретации, правосознание, правовую культуру, институты. Понятие ПС призвано отразить право как живую, действующую, исторически сложив-

шуюся целостность, уникальную для каждого общества или группы обществ.

Основные подходы к определению «правовой системы»

В юридической науке можно выделить несколько ключевых подходов к пониманию правовой системы.

Институционально-функциональный подход

Данный подход рассматривает ПС как комплекс взаимосвязанных «правовых институтов» (законодательные, исполнительные, судебные органы, правоохранительные органы, адвокатура и т. д.), выполняющих специфические функции в обществе (правотворчество, правоприменение, правоохрана, правовоспитание). Акцент делается на структуре государственных и общественных институтов, обеспечивающих существование и действие права. ПС часто отождествляется с «юридической надстройкой» общества. Ключевые элементы: органы государственной власти, суды, прокуратура, законодательство, правоприменительная практика. Преимущества: четкость, наблюдаемость институтов, удобство для сравнительного анализа государственных механизмов. Недостатки: может недооценивать роль неформальных норм, правосознания,

культурных факторов; рискует свести ПС к государственному аппарату.

Нормативно-ценностный (культурологический) подход.

Суть данного подхода заключается в понимании ПС как единства правовых норм и правовой культуры (правосознания, правовых ценностей, традиций, менталитета). Право рассматривается как неотъемлемая часть культуры конкретного общества. Акцент переносится на духовную, ценностную основу права, его укорененность в историческом опыте и менталитете народа. ПС трактуется как «правовая традиция». Ключевые элементы: правовые нормы, доктрины, правовая идеология, правовая психология, исторически сложившиеся принципы, правовые обычаи. Преимущества: позволяет объяснить устойчивость правовых традиций, различия в восприятии права в разных обществах, роль неформальных регуляторов. Недостатки: трудность операционализации понятия «правовая культура» для строгого анализа; риск излишней культурной детерминированности, недооценки роли институтов.

Системно-коммуникативный (динамический) подход

В рамках этого подхода ПС трактуется как сложная, саморегулирующаяся динамическая система, элементами которой выступают правовые нормы, отношения, субъекты, акты, сознание, объединенные правовыми связями и коммуникациями. Акцент делается на функционировании системы, ее взаимодействии со средой (политикой, экономикой, культурой). Акцент: на процессах правотворчества, реализации права, правовой коммуникации, обратных связях, адаптации системы к изменяющимся условиям. Ключевые элементы: правовые нормы, правоотношения, субъекты права, правовые акты, правосознание, механизмы правового регулирования, обратная связь (реакция общества на право). Преимущества: наиболее комплексный взгляд, охватывающий статику (структуру) и динамику (функционирование) права; подчеркивает активную роль субъектов и взаимодействие с социальной средой. Недостатки: сложность модели; трудность выделения четких границ системы.

Сравнительно-типологический подход

Данный подход понимает ПС как классификационную единицу в сравнительном правоведении, используемую для группировки национальных правовых порядков в «правовые семьи» или «типы» на основе общности источников права, структуры, понятийного аппарата, исторических корней (романо-германская, англосаксонская, религиозные, традиционные ПС). Акцент делается на выявлении типологических признаков, позволяющих

отнести конкретное национальное право к той или иной крупной группе (семье). Сама ПС выступает как синоним национального права в сравнительном контексте. Ключевые элементы: источники права (роль закона, судебного прецедента), структура права (деление на публичное/частное, отрасли), роль судов, правовая доктрина, историческая эволюция. Преимущества: незаменим для макросравнения правовых массивов разных стран, выявления общих закономерностей развития. Недостатки: может нивелировать уникальные черты конкретных национальных систем; критерии типологии дискуссионны; проблема «смешанных» систем.

Дискуссионные аспекты и соотношение со смежными понятиями

Правовая система и Система права: Ключевое различие заключается в широте охвата. «Система права» — это внутренняя структура объективного права (деление на отрасли, институты, нормы). «Правовая система» — гораздо более широкое понятие, включающее наряду с системой права (нормативным элементом) правосознание, правовую культуру, правотворчество, правоприменение, юридическую практику, правовые учреждения.

Правовая система и правовая надстройка: Понятие «правовая надстройка» (в марксистской теории) уже, чем ПС, так как фокусируется преимущественно на государственно-организованных институтах и нормах, детерминированных экономическим базисом. ПС включает и негосударственные элементы (правосознание, обычаи), подчеркивает относительную автономию права.

Правовую систему можно рассматривать на различных уровнях:

- национальная ПС (право конкретного государства);
- региональная ПС (право группы государств, объединенных общими принципами, например, право ЕС, ЕАЭС);
- правовая семья (типа романо-германского или общего права);
- глобальная ПС (международное право и процессы глобализации права).

Современные тенденции и значение концепции

Современная юридическая наука тяготеет к комплексному пониманию ПС, интегрирующему элементы разных подходов. Особую актуальность приобретают исследования, учитывающие новые вызовы:

Глобализацию: взаимовлияние национальных ПС, формирование наднациональных правовых порядков, унификацию и гармонизацию права, что ставит вопрос о трансформации традиционных представлений о национальном суверенитете в праве.

Регионализацию: развитие мощных региональных интеграционных ПС (ЕС, ЕАЭС), создающих собственные

правовые нормы и институты, действующие напрямую или опосредованно в государствах-членах.

Цифровизацию: глубокое воздействие информационных технологий на все элементы ПС: возникновение новых источников права (электронные регламенты, смарт-контракты), изменение способов правоприменения (электронное правосудие, алгоритмическое принятие решений), обеспечение доступа к правосудию и юридической информации, появление новых объектов правового регулирования (большие данные, ИИ).

Заключение

Понятие «правовая система» остается центральной, но многогранной категорией юридической науки. Разнообразие подходов к его определению — институционального, культурологического, системно-динамического и сравнительно-типологического — не является недостатком. Напротив, это отражение сложности и многомерности самого феномена права. Каждый подход пре-

доставляет специфические инструменты для анализа, дополняя другие.

Современное понимание правовой системы предполагает ее рассмотрение как целостного, исторически обусловленного, динамически развивающегося комплекса. Этот комплекс включает правовые нормы, институты, отношения, культуру и деятельность субъектов. Он функционирует во взаимодействии с социальной средой и другими правовыми системами в условиях усиливающихся процессов глобализации, регионализации и цифровизации.

Изучение правовой системы, ее структуры, элементов, функций и закономерностей развития служит методологической основой для глубокого понимания сущности права, его роли в упорядочении общественных отношений, обеспечения стабильности и развития общества, а также для прогнозирования путей его эволюции в меняющемся мире. Комплексный анализ правовых систем различных уровней остается актуальной задачей юридической науки.

Литература:

1. Алексеев С. С. Общая теория права: В 2 т. Т. 1 / С. С. Алексеев. — М.: Юрид. лит., 1981. — 360 с.
2. Давид Р. Основные правовые системы современности / Р. Давид, К. Жоффре-Спинози; пер. с фр. В. А. Туманова. — М.: Междунар. отношения, 1996. — 400 с.
3. Марченко, М. Н. Правовые системы современного мира: учеб. пособие / М. Н. Марченко. — М.: Зерцало, 2001. — 400 с.
4. Марченко М. Н. Теория государства и права: учебник / М. Н. Марченко. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект, 2004. — 640 с.
5. Саидов А. Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности): учебник / А. Х. Саидов; под ред. В. А. Туманова. — М.: Юрист, 2003. — 448 с.
6. Тихомиров Ю. А. Курс сравнительного правоведения / Ю. А. Тихомиров. — М.: Норма, 1996. — 432 с.

Проблемы исполнения алиментных обязательств с иностранным элементом

Ларин Александр Евгеньевич, аспирант
Сибирский юридический университет (г. Омск)

Работы ученых из России внесли значительный вклад в исследование алиментных правоотношений в общем и соглашения об уплате алиментов в частности. Среди них — Н. И. Авдеева [1, с. 43], М. В. Антокольская [14] и другие эксперты, изучавшие различные аспекты этой темы. В частности, Е. П. Титаренко [2, с. 7] и Н. Ф. Звенигородская [3, с. 3] сосредоточились на вопросах, связанных с алиментными соглашениями, их заключением и расторжением. Несмотря на ценность их научных результатов, эти исследования не представляют собой полноценные монографии, но предлагают интересные подходы к решению отдельных вопросов, касающихся алиментных обязательств.

В исследовании А. Т. Ахметовой, Р. В. Сайгафарова и О. А. Поздняковой [4, с. 1152] основное внимание

было сосредоточено на интерпретации алиментных соглашений в рамках действующего семейного законодательства РФ. Авторы стремились определить ключевые аспекты понятия. В свою очередь, Е. А. Палей в работе, посвященной алиментным обязательствам, предложил собственное видение структуры и сущности данных правоотношений [5, с. 212]. Д. С. Коршунова подняла вопросы, связанные с алиментными выплатами, указывая на недостатки в законодательной базе в отношении соглашений об уплате алиментов в России [6, с. 92].

В ходе обзора научных работ становится ясно, что анализ проблемы часто ограничивается только отдельными аспектами, а многие из них исследованы не в полной мере.

Применительно к теме данной статьи также следует отметить исследования Ю. А. Артемьевой и Н. В. Иванов-

ской [7, с. 122], Л. М. Зейналовой [8, с. 32], О. А. Коломиец [9, с. 168; 10, с. 131], Т. А. Мосиенко и М. М. Меркулова [11, с. 136], Е. А. Усачевой и С. Ю. Чашковой.

Алиментные обязательства занимают важное место в системе семейного права, обеспечивая защиту интересов детей и других нуждающихся членов семьи.

В качестве методов исследования были применены: анализ, синтез, исторический, формально-юридический и сравнительно-правовой.

Основная цель анализа алиментных обязательств состоит в выявлении их общих принципов и выявлении проблем их исполнения. Это позволяет не только улучшить понимание собственного законодательства, но и заимствовать успешные практики из зарубежного опыта для повышения эффективности национальной системы.

Обязанности по выплате алиментов играют важную роль в жизни семей, в том числе и в тех случаях, когда один из родителей или супругов не является гражданином страны проживания, а ребенок имеет гражданство по происхождению. Важно подчеркнуть рост числа браков с участием иностранных граждан в России, что стало заметным с 1996 года и продолжает быть актуальным на данный момент.

В крупных городах России, таких как Москва и Санкт-Петербург, чаще всего регистрируют браки с участием иностранцев. Статистика показывает, что в столице ежегодно оформляется примерно 10 тысяч таких союзов, и число это растёт: если в 2002 году доля международных браков составляла 10,9 %, то в настоящее время она достигает до 15 %. В Санкт-Петербурге доля таких браков тоже значительна и составляет 7,3 % от общего количества заключённых брачных союзов [11, с. 136].

В последнее время отмечается рост числа аннулированных брачных союзов, в которых одной из сторон является иностранец. Такие отношения часто бывают проблематичными как во взаимодействии между партнёрами, так и в отношениях родителей с детьми.

Таким образом, соглашение об уплате алиментов играет ключевую роль в обеспечении стабильности материального обеспечения детей после развода родителей. Оно не только облегчает процесс урегулирования финансовых вопросов между бывшими супругами, но и способствует защите прав и интересов ребёнка. Важно помнить о необходимости тщательной проработки всех условий договора с учётом долгосрочных интересов всех участников процесса.

Иностранные граждане, приезжающие в Россию и вступающие в брак с местными, получают ряд семейных преимуществ, включая права родителя. Однако, столкнувшись с культурными различиями, нередко они принимают решение об окончании отношений. В таких случаях обычно женщина остаётся в России с детьми, а ее бывший супруг-иностранец может уехать из страны и избегать выплаты алиментов, особенно если между странами нет соглашения о судебном взаимодействии по семейным делам.

Исходя из данных обстоятельств, можно отметить сложности взимания алиментов с граждан других стран.

Российские нормы права позволяют заключать договор об алиментах в соответствии со ст. 99 Семейного кодекса РФ (далее — СК РФ). Нотариальное подтверждение такого соглашения является обязательным и приобретает статус исполнительного листа.

Положения СК РФ позволяют не только разведенным или женатым людям, но и родственникам более дальнего круга заключать договоры об алиментах. Дедушки и бабушки могут претендовать на помощь в воспитании внуков, в то время как воспитанники имеют право поддерживать своих попечителей. Пасынки и падчерицы также могут обеспечивать своих отчимов и мачех. В этом отношении российское семейное право более гибкое по сравнению с некоторыми иностранными законодательствами.

Часто, когда семейные узы разрываются, отношения между бывшими партнерами ухудшаются настолько, что это отражается даже на обязанностях по отношению к детям. Так, несмотря на оформление алиментных соглашений в РФ, иностранные граждане, уехав из страны, иногда прекращают выплаты. Случается, что родитель, имеющий иностранное гражданство, похищает ребенка и незаконно вывозит его за границу. Это приводит к конфликтам относительно места проживания ребенка и размера алиментов, даже если было заключено соответствующее соглашение.

В разных странах законы о семье содержат правила об алиментах, но они не всегда схожи. Это приводит к сложностям при получении алиментов, когда родственники живут в разных государствах. Проблемы могут возникнуть, например, при попытке признания и принудительного выполнения решений иностранных судов о выплате алиментов как в России, так и за рубежом. К тому же, не всегда удастся привлечь к ответственности того, кто должен платить алименты, но уклоняется от этого.

Российская Федерация активно участвует в международном сотрудничестве, будучи стороной свыше 50 международных двусторонних соглашений, которые касаются сотрудничества в области гражданского, семейного и уголовного права, включая договоренности с такими странами, как Эфиопия, Иран, Грузия, Греция, Албания и другие. Страна прилагает усилия для поддержки своих граждан в вопросах получения алиментов от лиц, проживающих за рубежом, для несовершеннолетних детей или супругов, не способных к самостоятельному обеспечению. Однако, несмотря на стремление обеспечить исполнение обязательств по выплате алиментов, включая арест имущества и счетов за пределами РФ, иногда это оказывается невозможным. Хотя, как правило, государства, которые являются участниками двусторонних договоров, соглашаются помогать в процессе получения алиментов от лиц, которые уклоняются от их выплаты.

Учитывая обозначенные проблемы, считаем возможным внести в законодательство РФ такие изменения, которые будут способствовать надлежащему исполнению

гражданами иностранных государств своих алиментных обязательств, возникших на территории РФ.

В частности, нами предлагается процедура выдачи разрешений на выезд из Российской Федерации иностранных граждан, исключительно после установления факта наличия или отсутствия у таких граждан детей, имеющих российское гражданство.

В случае наличия у иностранного гражданина детей, имеющих российское гражданство, такому родителю может быть вменена обязанность:

1) представить соглашение об урегулировании вопросов содержания ребенка со вторым родителем, остающимся на территории Российской Федерации (соглашение об уплате алиментов или заявление второго

родителя об отсутствии к выезжающему гражданину претензий, связанных с содержанием их общего ребенка);

2) при наличии документа, обязывающего содержать ребенка (алиментное соглашение или решение суда) — применять обеспечительные меры с целью надлежащего исполнения таких обязательств в будущем, например, внесение единовременной суммы денежных средств на счет ребенка, или предоставление иного имущества в качестве обеспечения исполнения обязательств (залога в пользу второго родителя), особенно в тех случаях, когда Российская Федерация не имеет действующего двустороннего договора с государством, гражданином которого является выезжающий родитель.

Литература:

1. Авдеева, Н. И. Ответственность за неисполнение обязательств по уплате алиментов /Н. И. Авдеева // Юридические исследования. — 2018. — № 10. — С. 43–50.
2. Титаренко, Е. П. Понятие и характеристика соглашений в семейном праве /Е. П. Титаренко // Семейное и жилищное право — 2005. — № 2. — С. 7–8.
3. Звенигородская, Н. Ф. Правовая природа договоров, заключенных членами семьи: вопросы теории и судебной практики /Н. Ф. Звенигородская // Российский судья. — 2011. — № 9. — С. 3–8.
4. Ахметова, А. Т. Понятие алиментных обязательств /А. Т. Ахметова, Р. В. Сайгафаров, О. Позднякова // Синергия Наук: междунар. электрон. журн. — 2018. — № 19. — С. 1152–1156.
5. Палей, Е. А. Алиментные обязательства в семейном праве Российской Федерации /Е. А. Палей // Таврический научный обозреватель. — 2016. — № 5–1 (10). — 212 с.
6. Коршунова, Д. С. Аспекты и проблемы алиментных обязательств в настоящее время /Д. С. Коршунова // Вестник современных исследований. — 2018. — № 12.6 (27). — С. 92–95
7. Артемьева, Ю. А. Договорное и законное регулирование алиментных обязательств по содержанию несовершеннолетних детей в Российской Федерации, США и странах ЕС /Ю. А. Артемьева, Н. В. Ивановская. — Москва, 2020. — 122 с.
8. Зейналова, Л. М. Юридическое решение конфликтных проблем в алиментных обязательствах: российский и зарубежный опыт /Л. М. Зейналова // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2022. — № 7. — С. 32–36.
9. Коломиец, О. А. Принудительное взыскание алиментов: зарубежная и отечественная практика /О. А. Коломиец // В сборнике: Наука молодых: вызовы и перспективы. Сборник материалов Всероссийской с международным участием научно-практической конференции в рамках мероприятий «Дни науки — 2022 год». — Великий Новгород, 2022. — С. 168–171.
10. Коломиец, О. А. Зарубежный опыт взыскания алиментов на несовершеннолетних /О. А. Коломиец // В сборнике: Дни науки и инноваций НовГУ. Материалы XXI Всероссийской научной конференции преподавателей, аспирантов и студентов НовГУ. В 4-х частях. Сост. и науч. редакторы О. В. Алексеева, Г. В. Волошина. — Великий Новгород, 2022. — С. 131–134.
11. Мосиенко, Т. А. Особенности заключения соглашения об уплате алиментов в России и за рубежом /Т. А. Мосиенко, М. М. Меркулов // Северо-Кавказский юридический вестник. — 2019. — № 4. — С. 136–142.
12. Антокольская, М. В. Правовое регулирование алиментных отношений в зарубежных странах /М. В. Антокольская // Семейное и жилищное право. — 2018. — № 1. — С. 39–42.
13. Артемьева, Ю. А. Оспаривание соглашения об уплате алиментов на несовершеннолетних детей /Ю. А. Артемьева // Проблемы экономики и юридической практики. — 2019. — Т. XV. — № 5. — С. 224–227.
14. Семейное право: учебник / М. В. Антокольская. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва : Норма: НИЦ Инфра-М, 2013. — 432 с.

Гражданско-правовые способы защиты вещных прав по законодательству России и зарубежных государств

Лебедев Артем Александрович, студент магистратуры

Научный руководитель: Чердакова Татьяна Борисовна, кандидат юридических наук, доцент
Московский экономический институт

В статье рассматриваются гражданско-правовые способы защиты вещных прав, применимые в законодательстве России и зарубежных стран. Проводится сравнительная характеристика таких способов. Оценивается актуальное состояние эффективности функционирования механизма защиты вещных прав в России, выявляются проблемы и предлагаются пути их решения, в том числе с возможностью использования зарубежного опыта.

Ключевые слова: гражданское право, защита вещных прав, способы защиты вещных прав, право собственности, ограниченные вещные права.

Civil law methods of protection of proprietary rights under the legislation of Russia and foreign countries

Lebedev Artem Aleksandrovich, master's student

Scientific advisor: Cherdakova Tatyana Borisovna, phd in law, associate professor
Moscow Economic Institute

The article discusses the civil law methods of protection of property rights applicable in the legislation of Russia and foreign countries. A comparative characterization of such methods is carried out. The current state of the effectiveness of the mechanism for the protection of property rights in Russia is assessed, problems are identified and solutions are proposed, including the possibility of using foreign experience.

Keywords: civil law, protection of property rights, methods of protection of property rights, property rights, limited property rights.

Защита вещных прав является ключевым элементом гражданско-правовых систем, обеспечивающим стабильность имущественных отношений. В России и зарубежных правовых системах сформированы различные подходы к охране вещных прав, отражающие особенности национального законодательства, исторические традиции и юридическую доктрину. Вещные права, включая право собственности, сервитуты, залоговые и иные ограниченные вещные права, защищаются с помощью специальных гражданско-правовых механизмов. Эти механизмы можно условно разделить на вещно-правовые (направленные на восстановление владения или устранение нарушений) и обязателенно-правовые (возникающие из договоров или деликтов) [2, с. 40].

В российской правовой системе защита вещных прав регламентирована ГК РФ (ст. 301–306), предусматривающим виндикационные (истребование имущества из чужого незаконного владения) и негаторные (устранение препятствий в пользовании имуществом) иски [1]. Аналогичные конструкции присутствуют в законодательстве многих зарубежных стран, однако их реализация и условия применения могут существенно различаться. В этой связи проведем сравнительную характеристику защиты вещных прав по Российскому и зарубежному законодательству:

– Романо-германская (континентальная) система (Германия, Франция, Швейцария). В Германии защита вещных прав базируется на виндикационном и негаторном исках. Немецкое право отличается строгой фор-

мализацией вещных исков и требованием добросовестности владельца. Во Франции защита строится на доктрине *possessoire* (защита владения) и *pétitoire* (защита права собственности), при этом суды активно используют принцип пропорциональности, ограничивая истребование имущества, если это нанесет несоразмерный ущерб добросовестному приобретателю [5, с. 30].

– Англо-американская система (Великобритания, США). В отличие от континентального права, здесь отсутствует четкое деление на вещные и обязательственные иски. Защита осуществляется через *trespass to land* (незаконное вторжение на землю), *conversion* (незаконное удержание чужого имущества) и *nuisance* (нарушение прав пользования). Судебная практика ориентирована на восстановление *status quo* и денежную компенсацию, а не на принудительное возвращение вещи [4, с. 480].

– Российская модель. Российское законодательство, сохраняя черты континентальной системы, допускает абсолютную виндикацию (ст. 302 ГК РФ), но с оговорками о защите добросовестного приобретателя. В отличие от Германии, где добросовестность должна быть доказана, в России бремя опровержения лежит на истце. Негаторный иск (ст. 304 ГК РФ) применяется широко, но его эффективность снижается из-за сложностей доказывания факта нарушения [3, с. 52].

В общем и целом, для удобства восприятия описываемого сравнения приведем некоторые его положения в таблице 1.

Таблица 1. Сравнительная характеристика защиты вещных прав в России и в зарубежных государствах

Критерий	Россия	Германия	Франция	Великобритания	США
Основные источники права	ГК РФ, ЗК РФ, ЖК РФ, ФЗ «О государственной регистрации недвижимости»	Гражданское уложение (BGB), Земельный кадастр (Grundbuch)	Гражданский кодекс (Code civil), Кадастр (Cadastre)	Common Law, Закон о собственности (Law of Property Act 1925)	Common Law, Единый торговый кодекс (UCC), законы штатов
Регистрация права	ЕГРН (единый госреестр недвижимости), обязательна для недвижимости	Grundbuch (поземельная книга), обязательна и очень детализирована	Кадастр (Cadastre) и реестр прав (Registre Foncier)	Земельный реестр (Land Registry), с 1990 г. — обязательная регистрация	Система записи актов (Recording System), различается по штатам
Способы защиты	Виндикационный иск, негаторный иск, иск о признании права	Виндикация, защита владения	Action en revendication (виндикация), защита владения	Иск о возврате земли (recovery of land), tort of trespass	Иск о возврате имущества и др.
Добросовестное приобретение	Возможно, если приобретатель не знал и не должен был знать о недостатках права (параграф 302 ГК РФ)	Добросовестный приобретатель защищен	Защищен при наличии «доброй совести» (bonne foi)	Защита ограничена, зависит от типа собственности	Зависит от штата
Сроки исковой давности	3 года (для вещных исков), 10 лет (для оспаривания сделок)	3 года для владельческих исков, 30 лет для виндикации	5 лет для движимости, 30 лет для недвижимости	6–12 лет в зависимости от типа иска	Зависит от штата (обычно 3–6 лет)
Приобретение права	Принцип старшинства регистрации (ст. 8.1 ГК РФ)	Принцип первый во времени — сильнее в праве	Приоритет по дате регистрации в реестре	Приоритет по дате регистрации в Land Registry	в праве) Принцип «первый во времени — первый в праве»

Таким образом, ключевые различия защиты вещных прав в России и в зарубежных государствах можно определить по следующим критериям:

- регистрация прав — В России и Германии строгая система регистрации, в США — децентрализованная (зависит от штата);
- добросовестное приобретение — В Германии и Франции сильнее защищен, чем в РФ и особенно в Великобритании;
- защита владения — В Германии и Франции владение защищено лучше, чем в РФ (где акцент на собственности);
- сроки давности — В РФ короче, чем во Франции и Германии (где до 30 лет).

В общем и целом, защита вещных прав в России и в зарубежных государствах имеет достаточно развитое правовое регулирование, однако на практике не всегда удается решить проблемы, которые присущи и институту защиты вещных прав в нашей стране. Например, это проблема злоупотребления вещными исками. В России нередки случаи, когда виндикация используется для передела собственности, а не для защиты нарушенного права. В зарубежных странах (например, в Швейцарии) суды

вправе отказать в иске, если его цель — недобросовестное обогащение.

К тому же существует проблема защиты добросовестных приобретателей. В отличие от Франции и Германии, где действует принцип пропорциональности, российские суды иногда формально подходят к вопросу о добросовестности, что приводит к несправедливым решениям.

Отметим и проблему недостаточной эффективности негаторных исков. Так, в США и Великобритании суды чаще применяют инъекции (судебные запреты), тогда как в России исполнение решений по негаторным искам затруднено из-за бюрократических барьеров.

С учетом выявленных выше проблем защиты вещных прав по законодательству России предлагаются мероприятия по их разрешению. Например, это введение презумпции добросовестности приобретателя с усилением доказывания со стороны истца. К тому же предлагается расширение судебного усмотрения при оценке соразмерности виндикации и развитие медиации, досудебных механизмов урегулирования споров о вещных правах.

Таким образом, защита вещных прав в России, сохраняя общие черты с континентальной системой, требует модернизации с учетом зарубежного опыта. Ключевыми

направлениями должны стать баланс между защитой собственника и интересами третьих лиц, а также повышение гибкости судебных решений. Внедрение элементов англо-

американского подхода (например, компенсаторной защиты) могло бы снизить нагрузку на суды и повысить эффективность вещно-правовой охраны.

Литература:

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 декабря 1994 г. N 32 ст. 3301.
2. Габолаев, Г. В. Обеспечительные меры защиты вещных прав и законного владения в рамках судебных споров / Г. В. Габолаев // Юридическая наука. — 2022. — № 1. — С. 40–42.
3. Слабоспицкий, А.С., Эльдерханов, М. А. Основные вещно-правовые способы защиты гражданских прав / А. С. Слабоспицкий, М. А. Эльдерханов // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. — 2022. — № 3. — С. 50–57.
4. Степул, Е. А. Гражданско-правовые способы защиты вещных прав по законодательству России и зарубежных стран / Е. А. Степул // Вестник науки. — 2023. — № 6. — С. 477–481.
5. Уразгалиева, С. М. Система гражданско-правовых способов защиты права собственности и других вещных прав / С. М. Уразгалиева // Вестник магистратуры. — 2021. — № 1–3. — С. 30–31.

Способы защиты гражданских прав по законодательству Российской Федерации

Лебедев Артем Александрович, студент магистратуры

Научный руководитель: Чердакова Татьяна Борисовна, кандидат юридических наук, доцент
Московский экономический институт

В статье рассмотрены различные способы защиты гражданских прав в рамках российского законодательства. Даны понятия термина «способы защиты гражданских прав». Исследованы особенности применения разных способов защиты, их целесообразность.

Ключевые слова: гражданские права, гражданские правоотношения, защита, способы, классификация.

Methods of protection of civil rights under the legislation of Russian Federation

Lebedev Artem Aleksandrovich, master's student

Scientific advisor: Cherdakova Tatyana Borisovna, phd in law, associate professor
Moscow Economic Institute

The article discusses various ways to protect civil rights within the framework of Russian legislation. The concepts of the term «ways to protect civil rights» are given. The features of the application of different methods of protection and their expediency are investigated.

Keywords: civil rights, civil law relations, protection, methods, classification.

Закрепление гражданских прав в правовой системе породило обязанность государства в их обеспечении и защите. Важность института защиты гражданских прав в современной России достаточно высока. Защита предполагает, что государство предпринимает все возможные усилия для того, чтобы все юридические и физические лица имели возможность для вступления в гражданско-правовые отношения. Однако на современном этапе в законодательстве отсутствует легальное определение гражданских прав, форм и способов защиты этих прав. Кроме того в доктрине гражданского права по данному вопросу единства мнений среди ученых нет, также как нет единообразного подхода к их классификации.

Если защита прав декларируется, но не подтверждается гарантиями государства и не устанавливаются пределы такой защиты для обеспечения баланса интересов сторон, то отсутствует эффект «справедливости», что приводит к возникновению и развитию таких негативных явлений как тотальный правовой нигилизм, недоверие граждан к государственным и социальным институтам, утопичность естественно-правовой концепции неотъемлемых прав и свобод человека и гражданина. Все изложенное обуславливает необходимость исследования современного состояния способов защиты гражданских прав в России [8, с. 101].

Способы защиты гражданских прав представляют собой важный аспект теории и практики гражданского

права. Данная категория правовых средств формирует механизм, посредством которого субъект может восстанавливать свое нарушенное право и защищать свои законные интересы.

Изначально обозначим, что существуют различные точки зрения в отношении классификации способов защиты. Рассмотрим их и уже потом исследуем понятия термина «способы защиты гражданских прав».

Классификация способов защиты гражданских прав на основе статьи 12 ГК РФ представляет собой структурированный подход к анализу и применению норм гражданского законодательства.

А. П. Вершинин, рассматривая способы защиты как юридические действия, с точки зрения их правовой природы выделяет материально-правовые, которые предлагает подразделять на пресекательные, восстановительные и штрафные, и процессуальные способы [4, с. 32]. В свою очередь, О. С. Иоффе и Е. Б. Осипов в зависимости от функциональной направленности условно выделяли регулятивные, предупредительные и охранительные гражданско-правовые способы, однако наполняли их разным содержанием [6, с. 55]. Если говорить о форме защиты, то Т. Ю. Кулик называет две формы, группы защиты прав гражданских правоотношений: юрисдикционную, а также неюрисдикционную форму. Форма обеспечения защиты по Т. Ю. Кулику — это ряд внутренних, согласованных мероприятий организационного плана, касающихся защиты интересов прав, охраняемых законом. Тут самозащита рассматривается в качестве неюрисдикционной формы [7, с. 78].

Варианты подходов в классификации мер направленных на защиту гражданских прав обуславливают и разнообразие точек зрения ученых по поводу определения понятия «способ защиты», тем более что легитимного определения в законодательстве не содержится. Так, большинство авторов характеризует способы защиты гражданских прав через понятие специальных меры, закрепленных или санкционированных законом. При помощи указанных мер собственно и производится необходимое воздействие и наступает желаемый результат. С. С. Алексеев в своей работе подчеркивает, что законодательно закрепленные специальные меры служат не только средством защиты, но и способом предотвращения правонарушений [3, с. 130]. Автор указывает, что чем более четко установлены специальные меры, тем выше уровень правовой защиты граждан и юридических лиц. При этом, согласно точке зрения О. Т. Долгова, необходимо указывать на необходимость судебного контроля за исполнением специальных мер [5, с. 60]. Он отмечает, что именно суды становятся инструментом, который обеспечивает реализацию этих мер на практике и защищает права истцов и ответчиков в соответствии с нормами закона.

Перечень способов защиты гражданских прав определен законодателем в статье 12 ГК РФ [1]. Он представлен как открытый, что позволяет гражданам использовать иные способы в зависимости от конкретных обстоятельств дела. Отметим, что в научной литературе

указанный перечень неоднократно подвергался критике, поскольку некоторые способы защиты взаимно перекрывают и дублируют друг друга, например, «признание права» и «восстановление положения, существовавшего до нарушения права, и пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения», которые близки по своему содержанию до степени смешения, что затрудняет их применение.

В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 в пункте 9 разъяснено [9], что в случае неправильного выбора истцом способа защиты, суд выносит на обсуждение вопрос о юридической квалификации правоотношения, по результатам которого истец может изменить искимые требования и потребовать применения другого способа.

Таким образом, Верховный Суд РФ, исходя из положений ст. ст. 45, 46 Конституции РФ и ст. 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, полагает невозможным отказать в иске по мотивам неприемлемости избранного истцом способа защиты. В связи с изложенным, на современном этапе развития защиты гражданских прав в РФ, большое значение имеет дискуссия о целесообразности выделения в отдельную группу так называемых «непоименованных» способов защиты гражданских прав и ее разграничение с иными способами защиты.

В научной литературе к иным способам защиты гражданских прав относят: кондикцию, виндикацию, защиту личных неимущественных прав и защиту исключительных прав (ст. 1251, 1252 ГК РФ); защиту чести, достоинства и деловой репутации (ст. 152 ГК РФ); приостановление исполнения обязательства (п. 2 ст. 328 ГК РФ); удержание вещи (ст. 359 ГК РФ); права покупателя, получившего некачественный товар (п. 1 ст. 475 ГК РФ); право продавца приостановить передачу (п. 5 ст. 486 ГК РФ); права заказчика при пороках качества выполненных работ (п. 1 ст. 723 ГК РФ), деликтный иск за недобросовестное вторжение в чужие договорные отношения к третьему лицу и т. п.

Непоименованными способами считают:

1) Принудительное прекращение юридического лица в результате принудительной ликвидации, реорганизации, а также в иных случаях его прекращения, однако в рамках Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» [2] принудительная реорганизация юридических лиц реализуется и как меры защиты, и как мера ответственности, что позволяет отнести указанный способ к специальным, поскольку он прямо назван в законе;

2) Понуждение к заключению договора (ст. 445, ст. 937 ГК РФ), хотя его можно трактовать как частное проявление присуждения к исполнению обязанности в натуре (ст. 12 ГК РФ), что исключает его из группы «непоименованных»;

3) Компенсация неимущественного вреда юридическим лицам, однако с октября 2013 г., в связи с внесением изменений в ГК РФ юридические лица за причинение

ущерба деловой репутации теперь не могут требовать компенсации морального вреда, что исключает указанный способ из способов защиты гражданских прав в целом;

4) Принесение извинения, однако Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 [10] допускает извинение как способ судебной защиты чести, достоинства и деловой репутации только в рамках заключенного ответчиком и истцом мирового соглашения, а не как обязательный способ восстановления субъективных гражданских прав потерпевшего;

5) Ряд авторов относит к способам защиты частные способы обеспечения обязательств, например, фидуциарный залог, обеспечительную уступку права требования и факторинг, гарантийное удержание, возвратный задаток и задаток в обеспечение предварительного договора, досрочный возврат кредита и т. п., что также представляется достаточно спорным.

Полагаем, что разделение способов защиты гражданских прав на способы, предусмотренные законодательством, и «непоименованные», т. е. те способы, которые нормами закона не предусмотрены, а выделяются практикой или наукой, противоречит действующей конструкции статьи 12 ГК РФ, устанавливающей императивное, правило о применении иных способов защиты, установленных только в законе.

Анализ доступной судебной практики и юридической литературы показал, что чаще всего субъекты защиты в кредитных отношениях в качестве способов защиты выбирают возмещение убытков, взыскание неустойки, взыскание процентов на сумму долга, компенсация морального вреда, обращении взыскания на залоговое имущество.

Как уже нами отмечено, один из наиболее часто применяемых способов защиты — взыскание неустойки. Одним из проблемных моментов применения данного способа являются положения ст. 333 ГК РФ о том, что размер неустойки может быть уменьшен. В оценке соразмерности / несоразмерности неустойки, суды учитывают, что сумма займа не является единственным критерием для определения размера неустойки и исходят из действительного, а не возможного размера ущерба, причиненного невыполнением ответчиком взятых на себя обязательств.

Так, в решении Верх-Исетского районного суда г. Екатеринбурга № 2–5605/2021 от 23 сентября 2021 г. по делу № 2–5605/2021 определено следующее [12]. Истец обратился в суд с иском АО «БРС», Банк о размере снижении неустойки, указав, что в соответствии с условиями Договора ему был предоставлен кредит в сумме 444702,19 рублей.

До сентября 2020 года истцом исправно осуществлялись ежемесячные платежи по кредиту. Затем, после рождения третьего ребенка, финансовое положение истца значительно ухудшилось, в связи с чем, некоторое время платежи осуществлялись истцом с пропуском, установленного договором срока. В общей сумме истцом было выплачено около 170000 рублей. А 04.04.2021 истцом было

получено требование, в котором указывалось, что по состоянию на указанную дату задолженность по кредитному договору составляет 546 965,97 рублей. В этой связи, полагая, что сумма неустоек значительно завышена, истцом было направлено в банк заявление, в котором он выразил несогласие с суммой неустойки и просил банк произвести реструктуризацию по кредитному договору. Банк ответил отказом, разъяснив, что сумма неустойки по договору состоит из суммы неустойки, рассчитанной до даты выставления требования 69354,10 рублей и суммы неустойки, рассчитанной с даты выставления требования 7640,26 рублей, и составляет в общем 76 994,36 рублей. Требования истца — уменьшить сумму неустойки с 76994,36 рублей до 10000 рублей, поскольку размер неустойки несоразмерен последствиям нарушения обязательств по договору и ведет к получению банком необоснованной выгоды. Суд, опираясь на Определение Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2000 года № 263-О, обязан установить баланс между применяемой к нарушителю мерой ответственности и оценкой действительного размера ущерба, причиненного в результате конкретного правонарушения, а потому снижение неустойки по ст. 333 ГК РФ.

Суд по данному делу, вынося решение, полагал, что имеются все основания для снижения неустойки до ключевой ставки и ставки рефинансирования, установленной банком России в связи с несоразмерностью последствия нарушения обязательств и произвел расчет подлежащей оплате неустойки исходя из 11 % годовых за каждый день. Таким образом, суд снизил размер неустойки с 76994,36 рублей, до 42346,90 рублей. Удовлетворяя требования истца частично, суд отметил, что снижение размера неустойки до большего размера нарушит интересы банка. Аналогичное решение содержится и в Апелляционном определении СК по гражданским делам Верховного Суда Удмуртской Республики от 17 июня 2015 г. по делу № 33–1995/2015, где суд уменьшил согласованный сторонами при заключении кредитного договора размер неустойки — 0,5 % в день (180 % годовых) от несвоевременно погашенной суммы задолженности как по основному долгу, так и по процентам, до 0,1 % в день, обосновав свое решение тем, что определенная истцом и взысканная судом неустойка, учитывая ее компенсационный характер, и то, что она не предназначена для обогащения кредитора, является несоразмерной последствиям нарушения обязательств ответчиком [11].

Проанализированная доступная судебная практика позволяет сделать вывод, что суды общей юрисдикции в отношении кредитных договоров и вытекающих из них неустоек помимо давно известного основания для их снижения, таких как соотношение сумм неустойки и основного долга, длительность неисполнения обязательства и т. п. используют своеобразные, например добровольное перечисление суммы основного долга, исходя из следующего положения — если должник заплатил по основному обязательству, значит, таким образом, он пытался сократить финансовые потери кредитора. При включении в до-

говор разумного процента неустойки ожидать серьезного уменьшения ее размера не придется.

Подводя итог, отметим, что чаще всего субъекты защиты в кредитных отношениях в качестве способов

защиты выбирают возмещение убытков, взыскание неустойки, взыскание процентов на сумму долга, компенсация морального вреда, обращении взыскания на заложенное имущество.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // Собрание законодательства РФ, 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О защите конкуренции» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025). // Российская газета. № 162. 27.07.2006.
3. Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в правовом государстве. 2-е переиздание. М., 2020. С. 130–131.
4. Вершинин А. П. Процессуальные формы защиты субъективных гражданских прав, свобод и законных интересов в Российской Федерации (судебные и несудебные): монография. М.: Проспект, 2020. С. 32.
5. Долгова О. Т., Комиссарова Е. Г., Торкин Д. Непоименованные способы обеспечения обязательств в гражданском праве. М.: Юнити, 2018. С. 58–61
6. Иоффе О. С. Избранные труды по гражданскому праву. М.: Статут, 2000. С. 781.
7. Кулик Т. Ю. Недействительность сделок в современном гражданском праве // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2017. № 5 (84). С.78.
8. Способы и формы защиты нарушенных прав граждан и юридических лиц: учеб. пособие / Л. А. Зеленская, Т. Ю. Якимова. Краснодар: КубГАУ, 2018. С. 101.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/ (дата обращения: 11.01.2025).
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц». // Российская газета. № 50. 15.03.2005.
11. Апелляционное определение СК по гражданским делам Верховного Суда Удмуртской Республики от 17 июня 2015 г. по делу № 33–1995/2015. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/135057691/> (дата обращения: 11.01.2025).
12. Решение Верх-Исетского районного суда г. Екатеринбурга Свердловской области № 2–5605/2021 2–5605/2021–М-4642/2021 М-4642/2021 от 23 сентября 2021 г. по делу № 2–5605/2021. // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/owo3yu4I66d5/> (дата обращения: 11.01.2025).

Перспективы развития онлайн-образования в Российской Федерации в 2025–2026 годах

Лукиянов Илья Дмитриевич, студент магистратуры
Ульяновский государственный университет

В статье анализируются перспективы развития онлайн-образования в Российской Федерации в период 2025–2026 годов. Актуальность исследования обусловлена стремительным ростом значимости онлайн-образования в контексте цифровой трансформации образовательной системы и необходимостью адаптации к изменяющимся потребностям общества и рынка труда. Цель работы — выявить основные тенденции, проблемы и возможности развития онлайн-образования в России, а также предложить рекомендации по его совершенствованию в указанный период. Для достижения цели решаются задачи, направленные на анализ текущего состояния онлайн-образования, выявление перспективных направлений развития, оценку рисков и вызовов, а также разработку рекомендаций по совершенствованию нормативно-правовой базы и инфраструктуры. Методологической основой исследования являются анализ научных публикаций, сравнительный анализ, системный подход и экспертная оценка. Теоретическая значимость исследования заключается в углублении понимания механизмов развития онлайн-образования и его влияния на образовательную систему страны. Практическая значимость состоит в предоставлении рекомендаций для разработки стратегий развития онлайн-образования, повышения его качества и доступности, а также подготовки квалифицированных кадров в сфере информационных технологий и цифровой педагогики. В результате исследования установлено, что онлайн-образование имеет

значительный потенциал для дальнейшего развития в России, однако его успешная реализация требует решения ряда проблем, связанных с обеспечением качества, доступности и нормативно-правового регулирования.

Ключевые слова: онлайн-образование, дистанционное обучение, интернет-образование, цифровое образование, образовательные технологии, образовательные платформы, цифровизация образования, смешанное обучение, нормативно-правовое регулирование, перспективы развития.

Prospects for the development of online education in the Russian Federation in 2025–2026

Lukyanov Ilya Dmitriyevich, master's student
Ulyanovsk State University

This article analyzes the prospects for the development of online education in the Russian Federation in the period 2025–2026. The relevance of the research is due to the rapid increase in the importance of online education in the context of the digital transformation of the educational system and the need to adapt to the changing needs of society and the labor market. The purpose of the work is to identify the main trends, problems, and opportunities for the development of online education in Russia, as well as to offer recommendations for its improvement in the specified period. To achieve the goal, tasks are solved aimed at analyzing the current state of online education, identifying promising areas of development, assessing risks and challenges, and developing recommendations for improving the regulatory framework and infrastructure. The methodological basis of the research is the analysis of scientific publications, comparative analysis, a systematic approach, and expert assessment. The theoretical significance of the research lies in deepening the understanding of the mechanisms of online education development and its impact on the country's educational system. The practical significance is to provide recommendations for the development of strategies for the development of online education, improving its quality and accessibility, as well as training qualified personnel in the field of information technology and digital pedagogy. As a result of the research, it has been established that online education has significant potential for further development in Russia, however, its successful implementation requires solving a number of problems related to ensuring quality, accessibility, and regulatory regulation.

Keywords: online education, distance learning, internet education, digital education, educational technologies, educational platforms, digitalization of education, blended learning, regulatory framework, development prospects.

Современный этап развития общества характеризуется стремительной цифровой трансформацией, оказывающей существенное влияние на все сферы человеческой деятельности, включая образование. Онлайн-образование, возникшее как альтернативная форма обучения, сегодня становится неотъемлемой частью образовательной системы, демонстрируя устойчивую тенденцию к росту и совершенствованию. Понятие онлайн-образования максимально сопоставимо с понятием дистанционного обучения, которое означает обучение на расстоянии [4, с. 11]. Анализ текущих трендов позволяет выявить ключевые направления развития онлайн-образования, определяющие его будущее.

Одной из наиболее значимых тенденций является персонализация обучения. Традиционные образовательные модели ориентированы на усредненного учащегося, в то время как онлайн-образование предоставляет возможность адаптировать учебный процесс к индивидуальным потребностям и возможностям каждого обучающегося. Использование адаптивных алгоритмов и технологий искусственного интеллекта позволяет создавать индивидуальные траектории обучения, учитывающие темп усвоения материала, уровень подготовки и личные интересы. В целом отношение преподавателей и обучающихся к дистанционной среде обучения положительное [1, с. 329].

Другой важной тенденцией является усиление интерактивности и вовлеченности. Современные онлайн-курсы перестают быть просто набором видеолекций и текстовых материалов. Активное использование интерактивных элементов, таких как онлайн-тренажеры, симуляторы, виртуальные лаборатории и игровые механики, способствует повышению мотивации и вовлеченности обучающихся. Развитие платформ для совместной работы и онлайн-коммуникации позволяет создавать учебные сообщества, в которых студенты могут обмениваться знаниями и опытом, сотрудничать при решении задач и получать поддержку от преподавателей и однокурсников.

Интеграция — процесс объединения в единое целое каких-либо частей, элементов — с учетом новых технологий также является ключевой тенденцией развития онлайн-образования. Виртуальная и дополненная реальности (VR/AR) открывают новые возможности для создания иммерсивной образовательной среды, позволяющей студентам погружаться в виртуальные миры и взаимодействовать с трехмерными моделями объектов и явлений. Технологии машинного обучения и анализа данных позволяют анализировать поведение обучающихся, выявлять проблемные зоны и разрабатывать эффективные стратегии обучения [2, с. 183].

Микрообучение и модульность — еще одна важная тенденция, отражающая потребность в быстром и эффективном освоении новых знаний и навыков. Вместо длительных и объемных курсов все большую популярность приобретают короткие модульные программы, ориентированные на решение конкретных задач и развитие определенных компетенций. Микрообучение позволяет обучающимся получать необходимые знания в удобное время и в удобном формате, не отрываясь от основной работы или учебы. Микрообучение помогает бороться с расфокусировкой внимания за счет повторения, повторного представления информации, контроля над обучением по временным промежуткам [3, с. 86].

Наконец, развитие систем оценки и контроля знаний также является важным направлением развития онлайн-образования. Традиционные методы оценки, такие как тесты и экзамены, дополняются новыми, более гибкими и объективными инструментами, включающими в себя онлайн-мониторинг активности студентов, анализ их участия в дискуссиях и оценку качества выполнения практических заданий. Развитие систем автоматической проверки заданий и эссе позволяет сократить нагрузку на преподавателей и обеспечить быструю обратную связь для обучающихся.

Развитие онлайн-образования в России в период 2025–2026 годов, несмотря на многообещающие перспективы, сталкивается с рядом проблем, требующих немедленного решения.

Ключевым вызовом остается неравномерный доступ к высокоскоростному интернету, создающий цифровое неравенство и ограничивающий возможности получения качественного образования в отдаленных регионах. Для решения этой проблемы необходимо целенаправленное государственное финансирование инфраструктурных проектов, развитие альтернативных технологий доступа, таких как спутниковый интернет, а также реализация мер по снижению стоимости интернет-услуг для населения.

Другой важной проблемой является обеспечение качества образовательного контента и методик преподавания. Закон требует, чтобы при реализации образовательных программ с применением электронного обучения организация обеспечивала соответствие качества подготовки обучающихся установленным требованиям [6, с. 16]. Недостаточная подготовка преподавателей в области онлайн-педагогике и отсутствие единых стандартов при-

водят к снижению эффективности обучения. Решением является организация масштабных программ повышения квалификации, разработка и внедрение стандартов качества для онлайн-курсов, а также поддержка создания качественного контента, в том числе с использованием технологий виртуальной и дополненной реальности. К этой проблеме относится в том числе и отсутствие инструментов для осуществления образовательного процесса. Например, если у студента нет видеокамеры, преподаватель не может дистанционно установить, чем тот занимается во время занятия [5, с. 314–315].

Мотивация и самодисциплина обучающихся также являются серьезной проблемой, требующей активного внедрения интерактивных элементов, игровых механик и создания поддерживающих учебных сообществ. Предоставление психологической помощи и организация онлайн-консультаций помогут студентам преодолеть трудности, связанные с дистанционным форматом обучения.

Несовершенство нормативно-правового регулирования, отсутствие четких правил лицензирования и аккредитации образовательных организаций, реализующих онлайн-обучение, создают неопределенность и затрудняют развитие отрасли. Разработка и принятие новых законодательных актов, учитывающих специфику онлайн-образования, а также внедрение механизмов защиты прав потребителей образовательных услуг являются необходимыми шагами для создания благоприятной правовой среды.

Таким образом, комплексное решение этих проблем, включающее в себя государственную поддержку, повышение квалификации преподавателей, разработку качественного контента, мотивацию обучающихся и совершенствование нормативно-правовой базы, позволит раскрыть потенциал онлайн-образования в России и обеспечить его устойчивое развитие.

Развитие онлайн-образования характеризуется целым рядом взаимосвязанных тенденций, направленных на повышение его эффективности, доступности и привлекательности. Персонализация, интерактивность, интеграция с новыми технологиями, микрообучение и развитие систем оценки знаний — все эти направления способствуют формированию новой образовательной парадигмы, отвечающей требованиям цифрового общества и ориентированной на непрерывное обучение и развитие личности.

Литература:

1. Григорьев, Г. П. Актуальные проблемы дистанционного обучения: психологический аспект / Г. П. Григорьев, О. А. Рудакова // Образование и наука. — 2023. — № 25 (3). — С. 324–329. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-distsionnogo-obucheniya-psihologicheskii-aspekt> (дата обращения: 27.06.2025).
2. Шадрина, Е. В. О понятии интеграции в образовании / Е. В. Шадрина // Педагогика и психология образования. — 2022. — № 4. — С. 183–188. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-ponyatii-integratsii-v-obrazovanii> (дата обращения: 27.06.2025).
3. Баженова, М. В. Дополнительное образование и микрообучение / М. В. Баженова // Современные проблемы науки и образования. — 2023. — № 4. — С. 85–86. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dopolnitelnoe-obrazovanie-i-mikroobuchenie> (дата обращения: 28.06.2025).

4. Вайндорф-Сысоева, М. Е. Методика дистанционного обучения: учебник для вузов / М. Е. Вайндорф-Сысоева, Т. С. Грязнова, В. А. Шитова / под общ. ред. М. Е. Вайндорф-Сысоевой. — М.: Юрайт, 2025. — 194 с. — URL: <https://urait.ru/bcode/560819> (дата обращения: 28.06.2025).
5. Педагогические технологии дистанционного обучения: учебник для вузов / под ред. Е. С. Полат. — 3-е изд. — М.: Юрайт, 2025. — С. 392. — URL: <https://urait.ru/bcode/566645> (дата обращения: 28.06.2025).
6. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ред. от 24.04.2024). Ст. 16. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 29.06.2025).

Развитие правового механизма онлайн-образования в Российской Федерации: проблемы, вызовы и пути их решения

Лукьянов Илья Дмитриевич, студент магистратуры
Ульяновский государственный университет

В статье анализируются законодательные пробелы и проблемы фиксации правонарушений в области цифровых технологий в дистанционном образовании в Российской Федерации в период с 2020 по 2025 годы. Актуальность данной темы обусловлена стремительным развитием онлайн-образования и, как следствие, увеличением рисков, связанных с неправомерным использованием цифровых технологий, включая академическое мошенничество, нарушение авторских прав, кибербуллинг и утечку персональных данных. Цель исследования заключается в выявлении законодательных пробелов, препятствующих эффективному регулированию и правовой защите в данной сфере, а также в разработке рекомендаций по совершенствованию правового механизма. Для достижения поставленной цели использованы методы анализа научной литературы, сравнительного анализа и системного подхода. Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе существующих проблем и разработке практических рекомендаций, направленных на устранение законодательных пробелов и повышение эффективности правоприменения в области дистанционного образования. Практическая значимость исследования состоит в предоставлении рекомендаций для законодателей, образовательных организаций и правоохранительных органов по совершенствованию правового регулирования и повышению безопасности в сфере онлайн-образования. В результате исследования выявлены ключевые проблемы и предложены конкретные меры, направленные на повышение эффективности правового регулирования и обеспечение защиты прав всех участников образовательного процесса в условиях цифровизации.

Ключевые слова: дистанционное образование, онлайн-образование, законодательство, правонарушения, цифровая трансформация, кибербуллинг, академическое мошенничество, авторское право, персональные данные, правовое регулирование.

Development of the legal mechanism of online education in the Russian Federation: problems, challenges and ways of their solution

Lukyanov Ilya Dmitriyevich, master's student
Ulyanovsk State University

This article analyzes the legislative gaps and problems in recording offenses in the field of digital technologies in distance education in the Russian Federation during the period from 2020 to 2025. The relevance of this topic is due to the rapid development of online education and, as a consequence, the increase in risks associated with the misuse of digital technologies, including academic fraud, copyright infringement, cyberbullying, and the leakage of personal data. The purpose of the study is to identify legislative gaps that impede effective regulation and legal protection in this area, as well as to develop recommendations for improving the legal mechanism. To achieve this goal, methods of scientific literature analysis, comparative analysis, and a systematic approach were used. The scientific novelty of the study lies in a comprehensive analysis of existing problems and the development of practical recommendations aimed at eliminating legislative gaps and increasing the effectiveness of law enforcement in the field of distance education. The practical significance of the study is in providing recommendations for legislators, educational organizations, and law enforcement agencies to improve legal regulation and increase security in the field of online education. As a result of the study, key problems were identified and specific measures were proposed aimed at increasing the effectiveness of legal regulation and ensuring the protection of the rights of all participants in the educational process in the context of digitalization.

Keywords: distance education, online education, legislation, offenses, digital transformation, cyberbullying, academic fraud, copyright, personal data, legal regulation.

Цифровая трансформация системы образования, особенно интенсивно проявившаяся в период 2020–2025 годов, открыла новые возможности для расширения доступа к знаниям и повышения эффективности образовательного процесса. Однако, вместе с преимуществами онлайн-образование породило и ряд новых вызовов, связанных с правовым регулированием и обеспечением безопасности в цифровой среде. Отсутствие четкой нормативной базы, а также сложность в фиксации и расследовании правонарушений, совершаемых с использованием цифровых технологий, создают серьезные проблемы для защиты прав и интересов всех участников образовательного процесса, порождают все условия для общего понятия преступлений в сети «Интернет» — киберпреступность. Особая опасность заключается в том, что киберпреступность не ограничивается рамками какой-либо страны или города, а действует во всем мире [3, с. 501]. Количество преступлений будет продолжать расти в будущем, в связи с чем, необходимы новые, передовые способы и технологии, тактики их предотвращения и устранения, в том числе, модернизация нормативной базы [2, с. 347].

Основные проблемы

Отсутствие определения и статуса онлайн-образования в законодательстве. Несмотря на активное развитие онлайн-образования, в российском законодательстве до сих пор отсутствует четкое определение данной формы обучения, а также не определены права и обязанности образовательных организаций, реализующих образовательные программы с использованием дистанционных технологий. Это создает правовую неопределенность и затрудняет применение существующих норм законодательства к отношениям, возникающим в сфере онлайн-образования.

На нормативном уровне в Российской Федерации еще в 2017 году было закреплено, что к 2024 году не менее 50 % образовательных организаций высшего образования должны внедрить технологии искусственного интеллекта в учебный процесс [1]. Проблематика заключается в том, чтобы эти технологии внедрялись не только на уровне ведущих школ и образовательных организаций, но и в более мелких организациях, школах, учреждениях, например, в деревнях, селах. Важно, чтобы четко соблюдался процесс передачи и обмена информации между всеми субъектами в любой точке Российской Федерации [5, с. 13].

Проблемы идентификации и аутентификации личности обучающихся. В онлайн-образовании возникают сложности с идентификацией личности обучающихся и обеспечением аутентичности результатов обучения. Использование чужих учетных записей, сдача экзаменов

другими лицами, плагиат и другие формы академического мошенничества становятся серьезной проблемой, которую сложно выявить и предотвратить.

Авторские права и интеллектуальная собственность должны также защищаться в интернете, что будет соответствовать ГК РФ, поскольку так же являются результатами интеллектуальной собственности и охраняются законом [4, с. 12]. Онлайн-образование предполагает активное использование образовательных материалов, созданных различными авторами. Неправомерное копирование, распространение и использование этих материалов без согласия правообладателей является распространенным нарушением авторских прав в цифровой среде.

Защита персональных данных обучающихся и преподавателей. В процессе онлайн-обучения собирается и обрабатывается большой объем персональных данных обучающихся и преподавателей. Недостаточное внимание к вопросам защиты персональных данных может привести к утечкам информации, несанкционированному доступу к личным данным и другим нарушениям прав на конфиденциальность.

Кибербуллинг и онлайн-преследование. Онлайн-образование, как и любая другая форма взаимодействия в цифровой среде, подвержено риску кибербуллинга и онлайн-преследования. Обучающиеся и преподаватели могут сталкиваться с оскорблениями, угрозами, клеветой и другими формами агрессивного поведения в сети. Изучение проблемы кибербуллинга и поиск решений становятся важным направлением деятельности для специалистов в области психологии, педагогики, социологии, а также для государственных органов и общественных организаций [6, с. 177–191]

Недостаточность механизмов привлечения к ответственности за правонарушения в сфере онлайн-образования. Существующие механизмы привлечения к ответственности за правонарушения, совершаемые с использованием цифровых технологий в сфере онлайн-образования, часто оказываются неэффективными. Сложность в идентификации нарушителей, отсутствие доказательств и другие факторы затрудняют привлечение виновных к ответственности.

Необходимость совершенствования законодательства в сфере интернет-технологий обосновывается следующими примерами:

Дело о взломе и хищении базы данных клиентов компании CDEK (2022 год): В начале 2022 года транспортная компания CDEK подверглась кибератаке, в результате которой злоумышленники получили доступ к базе данных клиентов, содержащей персональную информацию, включая ФИО, адреса доставки, номера телефонов и паспортные данные. Утечка привела к массовой рассылке

спама и попыткам мошенничества в отношении клиентов. Отсутствие надежной системы защиты персональных данных и недостаточные меры по предотвращению утечек информации подчеркнули необходимость усиления ответственности компаний за сохранность данных пользователей и совершенствования законодательства в сфере кибербезопасности, в частности, в части определения требований к защите персональных данных и мер ответственности за их несанкционированное раскрытие.

Аналогичные ситуации встречаются не только в Российской Федерации, но и во всем мире. Одна из таких ситуаций:

Атака программы-вымогателя WannaCry (2017 год): Эта глобальная кибератака затронула компьютеры более чем в 150 странах, парализовав работу больниц, транспортных компаний и государственных учреждений. Программа-вымогатель WannaCry зашифровала данные на зараженных компьютерах и требовала выкуп за их расшифровку. Атака WannaCry выявила уязвимости в системах безопасности и подчеркнула необходимость международного сотрудничества в борьбе с киберпреступностью, а также необходимость разработки эффективных мер по предотвращению атак с использованием программ-вымогателей и привлечению киберпреступников к ответственности. Кроме того, инцидент указал на необходимость совершенствования законодательства в сфере кибербезопасности, включая разработку и внедрение стандартов безопасности, установление ответственности за разработку и распространение вредоносного программного обеспечения, а также определение правовых рамок для международного сотрудничества в борьбе с киберпреступностью.

Оба примера демонстрируют, что киберпреступления могут наносить серьезный ущерб как отдельным гражданам, так и организациям, и подчеркивают необходимость активной работы по совершенствованию законодательства в сфере кибербезопасности и обеспечения эффективного правоприменения в этой области.

К тому же, оба примера показывают, что образовательная система также находится в опасности различных видов киберпреступлений, таких как: утечка данных, воровство аккаунтов, с которых преподаватель и ученики в дистанционном формате осуществляли занятия, различные хакерские атаки, мошенничество под видом продажи различного вида образовательной услуги в сети «Интернет».

Необходимы:

- 1) Ужесточение ответственности за киберпреступления.
- 2) Улучшение механизмов международного сотрудничества в борьбе с киберпреступностью.
- 3) Внедрение стандартов кибербезопасности для организаций.
- 4) Повышение осведомленности граждан о киберугрозах и способах защиты от них.

Таким образом, способами решения могут выступить:

— Разработка и принятие федерального закона об онлайн-образовании. Необходимо разработать и принять федеральный закон, который бы регулировал отношения, возникающие в сфере онлайн-образования, определял права и обязанности всех участников образовательного процесса, а также устанавливал ответственность за нарушение законодательства. В целом, важно создание безопасного цифрового пространства — это комплекс мер, направленных на обеспечение безопасности и защиты прав человека в цифровом мире [7].

— Внедрение современных технологий идентификации и аутентификации личности. Необходимо внедрять современные технологии идентификации и аутентификации личности, такие как биометрические методы, электронные подписи и другие средства, позволяющие однозначно установить личность обучающегося и обеспечить аутентичность результатов обучения.

— Разработка эффективных механизмов защиты авторских прав. Необходимо разрабатывать и внедрять эффективные механизмы защиты авторских прав, такие как системы цифровой защиты контента (DRM), лицензионные соглашения и другие инструменты, позволяющие правообладателям контролировать использование своих материалов.

— Усиление мер по защите персональных данных. Необходимо усилить меры по защите персональных данных обучающихся и преподавателей, включая внедрение современных технологий шифрования, разработку политик конфиденциальности и проведение регулярных аудитов безопасности.

— Разработка программ по профилактике кибербуллинга. Необходимо разрабатывать и внедрять программы по профилактике кибербуллинга и онлайн-преследования, включающие в себя обучение обучающихся и преподавателей правилам безопасного поведения в сети, создание служб поддержки для жертв кибербуллинга и разработку механизмов реагирования на случаи онлайн-преследования. Некоторые из решений, предлагаемых специалистами, включают в себя информирование и просвещение, развитие цифровой грамотности, формирование устойчивости к травле и создание безопасного цифрового пространства [8, с. 19–22].

— Совершенствование механизмов привлечения к ответственности. Необходимо совершенствовать механизмы привлечения к ответственности за правонарушения, совершаемые с использованием цифровых технологий в сфере онлайн-образования, включая разработку новых составов правонарушений, упрощение процедур доказывания и повышение эффективности расследования.

Решение указанных проблем и реализация предложенных способов позволит создать безопасную и комфортную среду для онлайн-образования, защитить права и интересы всех участников образовательного процесса и обеспечить устойчивое развитие данной формы обучения в Российской Федерации.

Литература:

1. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. распоряжением Правительства РФ от 28.07.2022 № 1632-р). Раздел «Цифровое образование». — URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (дата обращения: 26.06.2025).
2. Никульченкова Е. В. Проблемы противодействия киберпреступности в России // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 347. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemny-protivodeystviya-kiberprestupnosti-v-rossii> (дата обращения: 26.06.2025).
3. Солоненко К. М. Киберпреступления в Российской Федерации: сущность, особенности, виды // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 3(59). С. 501. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiberprestupleniya-v-rossiyskoy-federatsii-suschnost-osobennosti-vidy> (дата обращения: 26.06.2025).
4. Новокшонова Н. А. Гражданско-правовая защита авторских прав: монография. Челябинск: Южно-Уральский институт управления и экономики, 2017. С. 12.
5. Компьютерные сети: учебник и практикум для вузов / под науч. ред. А. М. Нечаева, А. Е. Трубина, А. Ю. Анисимова. — М.: Юрайт, 2025. — С. 13. — URL: <https://urait.ru/bcode/572239> (дата обращения: 26.06.2025).
6. Бочавер, А. А. Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий / А. А. Бочавер, К. Д. Хломов // Психология. Журнал Высшей школы экономики. — 2023. — Т. 11, № 3. — С. 177–191.
7. Вихман, А. А. Традиционные и цифровые возможности профилактики кибербуллинга / А. А. Вихман, Е. Н. Волкова, Л. В. Скитневская // Вестник Мининского университета. — 2021. — Т. 9, № 4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/traditsionnye-i-tsifrovye-vozmozhnosti-profilaktiki-kiberbullinga> (дата обращения: 26.06.2025).
8. Шевко, Н. Р. Особенности проявления кибербуллинга в социальных сетях / Н. Р. Шевко // Учёные записки Казанского юридического института МВД России. — 2017. — № 3. — С. 19–22.

Теоретико-правовая характеристика общества с ограниченной ответственностью в системе юридических лиц Российской Федерации

Мамедгасанова Севинч Ильхам кызы, студент магистратуры
Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск)

Статья посвящена исследованию теоретико-правовых характеристик общества с ограниченной ответственностью (ООО) в рамках российского законодательства. Рассматриваются этапы становления института юридических лиц в России, начиная с периода римского права и заканчивая современными нормами гражданского законодательства. Анализируются правовые аспекты определения статуса ООО, особенности формирования и функционирования уставного капитала, роль общих собраний и исполнительных органов, а также специфика ответственности участников общества. Приводятся мнения российских учёных относительно правовых и экономических аспектов регулирования деятельности ООО. Особое внимание уделено изменениям законодательства, вступившим в силу с 1 января 2023 года, касающимся порядка учреждения и деятельности ревизионных комиссий в ООО.

Ключевые слова: общество с ограниченной ответственностью (ООО), юридические лица, уставный капитал, общее собрание участников, исполнительные органы, ответственность участников, ревизионная комиссия, Федеральный закон № 14-ФЗ, Гражданский кодекс РФ.

Исследование теоретико-правовых характеристик ООО важно из-за его популярности среди малого и среднего бизнеса, особенностей ограниченной ответственности участников, неясности правового статуса долей и устава, а также несоответствия действующего законодательства современным экономическим реалиям. Развитие юридического лица в России прошло этапы до-революционного периода, советского времени и современности, основываясь на римском праве и отражая изменения исторических условий. Древнеримские юристы-гlossаторы использовали концепции римского права,

применяя корпоративные схемы к юридическим субъектам, отличным от физических лиц [1].

А. В. Маркин отмечал, что наследие римского права в сфере юридических лиц составляет одну из крупнейших заслуг римского права, так как только через него эта юридическая форма вошла в оборот нового европейского права [2].

О. Ю. Плескова указывает, что в российском дореволюционном праве отсутствовало единое представление о сущности юридического лица, однако разнообразие этих представлений оказало существенное влияние на дальнейшее развитие этого института [3].

Юридическое лицо — самостоятельная организация с собственным имуществом, правами и обязанностями, действующая под своим именем, имеющая органы управления, устав, бухгалтерию и несущая имущественную ответственность. Российское право делит юрлица на коммерческие и некоммерческие. Коммерческие ориентированы на получение прибыли и представлены ООО, АО, ПК, ГУП и МУП. ООО делится капиталом между участниками, АО выпускает акции, ПК объединяют работников-участников, ГУП и МУП принадлежат государству или муниципалитету и не распоряжаются закреплённым имуществом [4].

Е. А. Суханов считал, что «уставный капитал предприятия можно считать суммарной оценкой вкладов участников и разделять на их доли (в акционерных обществах — на акции). По его мнению, уставный капитал представляет собой сумму номиналов долей участников, то есть условную величину» [4].

Т. А. Овчинникова утверждала, что «уставный капитал — это величина, в которой определяется в денежном выражении согласно действующему законодательству и учредительными документами общества стоимость внесённого учредителями (акционерами) имущества, имущественных и иных прав в счёт оплаты акций. По его мнению, величина уставного капитала отражает действительную стоимость внесённого имущества, что подчёркивает реальность этой величины» [5].

Б. Б. Кадырбов применительно к ООО рассматривал как «самостоятельную функцию ограничения ответственности участника общества. С точки зрения исследователя, данная функция проявлена тем, что участники общества не являются ответчиками по его обязательствам, а несут риски только в пределах вкладов в уставный капитал общества» [6].

Некоммерческие организации (НКО) создаются для достижения общественных благ, таких как социальная поддержка, культура, образование и защита прав граждан. Примеры включают благотворительные фонды, общественные объединения и автономные некоммерческие организации.

Общества с ограниченной ответственностью (ООО) — коммерческие структуры, организованные одним или несколькими лицами с долей собственности. Ответственность участников ограничена размером внесённого капитала. Управление осуществляется общим собранием членов. Уставный капитал формируется при создании общества и регулируется Гражданским кодексом РФ и законом «Об обществах с ограниченной ответственностью» [7].

Федотова А. А. считает, что «с правовой точки зрения уставный капитал — это стоимостная оценка имущества организации, в пределах которой она отвечает по обязательствам кредиторов. С экономической точки зрения уставный капитал — это минимальная сумма материальных и денежных ресурсов, необходимая для финансового и материального обеспечения первого производственного цикла» [7].

С. Филиппова полагает, что «уставный капитал не может являться имуществом акционерного общества. Собственно имуществом выступают денежные и натуральные вклады, вносимые в оплату акций, а уставный капитал лишь отображает их совокупную денежную оценку» [8].

Е. И. Захарова рассматривает «уставный капитал как условную величину, формируемую из совокупной стоимости имущества корпорации и закреплённую в уставе общества. При этом учёный подчёркивает, что у большинства компаний реальная стоимость имущества значительно превышает их уставный капитал» [9].

Минимальный размер уставного капитала составляет 10 000 рублей. В некоторых сферах бизнеса, таких как охрана и страхование, требования к размеру уставного капитала могут быть выше и устанавливаются отдельными нормативными актами. Законодательство не ограничивает максимальный размер уставного капитала, однако важно учитывать стоимость чистых активов организации, которая должна превышать величину уставного капитала. Чистые активы определяются как разность между общей стоимостью имущества и суммой долгов компании.

При формировании уставного капитала минимальный взнос обязательно осуществляется денежными средствами. Остальные вклады могут вноситься как деньгами, так и иным имуществом или имущественными правами, включая недвижимость, транспорт, оборудование, товары, ценные бумаги, права интеллектуальной собственности и доли в других предприятиях. Возможность внесения неденежных взносов должна быть предусмотрена в уставе общества, где также можно определить перечень запрещённого имущества для оплаты долей.

Переход неоплаченной части доли участника к обществу предусмотрен п. 3 ст. 16 закона. Если в течение установленного срока участник не полностью оплатил свою долю в уставном капитале ООО, неоплаченная часть переходит обществу. Её нужно реализовать в порядке и сроки, которые закреплены в статье 24 закона.

Возможность включения в учредительный договор положений о штрафах или пенях за неоплату доли в уставном капитале указана в п. 3 ст. 16 закона. Договором (решением единственного участника) об учреждении общества может быть предусмотрено взыскание неустойки за неисполнение обязанности по оплате долей в уставном капитале.

«Ответственность учредителей до полной оплаты уставного капитала закреплена в п. 4 ст. 66.2 ГК РФ. Учредители несут полную субсидиарную ответственность по обязательствам общества, которые возникли до момента полной оплаты уставного капитала» [10].

Высшим органом является общее собрание участников, собирающееся ежегодно для обсуждения важнейших вопросов развития, включая изменения устава, регулирование уставного капитала, распределение доходов и принятие стратегических решений.

Оперативное управление осуществляют исполнительные органы, чаще всего представляемые одним ру-

ководителем (единоличным исполнительным органом), например генеральным директором или президентом. Однако уставом общества предусмотрена возможность передачи функций нескольким лицам, действующим сообща, или образования коллегиальных структур типа правления или дирекции.

До 1 января 2023 года Закон об ООО предусматривал, что образование ревизионной комиссии (избрание ревизора) является обязательным в ООО, имеющих более 15 участников. Однако по единогласному решению учредителей (участников) ООО, имеющего более 15 участников, в устав могло быть внесено положение о том, что ревизионная комиссия в обществе не создаётся или формируется лишь в отдельных случаях, предусмотренных уставом.

С 1 января 2023 года вне зависимости от числа участников ООО вопрос о наличии в обществе ревизионной комиссии регулируется только уставом ООО. Соответствующее решение принимается большинством не менее двух третей голосов от общего числа голосов участников общества, если необходимость большего числа голосов для принятия такого решения не предусмотрена уставом общества.

Правовые основы, регламентирующие полномочия и обязанности всех перечисленных органов, закреплены в уставе ООО.

Ответственность участников общества с ограниченной ответственностью (ООО) регламентируется Гражданским кодексом РФ и Федеральным законом № 14-ФЗ от 08.02.1998 г. Принцип ограниченной ответственности предполагает, что участники рискуют убытками лишь в рамках стоимости своей доли. Однако существуют ситуации, когда участники могут нести дополнительную ответственность:

- Неполностью оплаченная доля вносит участника в круг лиц, несущих солидарную ответственность по долгам общества пропорционально неоплаченному вкладу.

- Действия, повлекшие несостоятельность (банкротство), могут повлечь привлечение участников к ответственности согласно нормам главы III.2 Закона о банкротстве.

- Нарушение принципов добросовестности и злоупотребления правом ведут к возможной дополнительной ответственности согласно статье 10 Гражданского кодекса РФ.

Реорганизация ООО — изменение структуры юридического лица путем преобразований или прекращения деятельности. Формы: слияние, присоединение, разделение, выделение, преобразование. Ликвидация — полное прекращение деятельности без передачи прав другим лицам. Процесс включает решение о ликвидации, назначение ликвидатора, публикацию сведений, уведомление кредиторов, формирование баланса и подачу документов в налоговую инспекцию.

Н. В. Крычанова считает, что «реорганизация юридического лица — это процесс перемены лиц, способ консолидации или разделения бизнеса» [10].

Ю. А. Попова полагает, что «реорганизация — это один из видов гражданско-правовой сделки» [11].

Е. В. Самсонова отмечала, что «при проведении ликвидации юридическое лицо прекращает своё существование и деятельность полностью и окончательно, не оставляя универсальных правопреемников. Также она указывает, что существенным признаком отличия процедуры ликвидации от иных видов прекращения деятельности юридического лица отличает не только отсутствие в результате универсального правопреемства, но и отсутствие правопреемства сингулярного (частичное)» [12].

Российские ООО испытывают трудности из-за разницы статусов учредителей и участников, неопределённости порядка оценки неденежных вкладов, усложнённой процедуры выхода участников, нарушений пропорций при распределении прибыли, расплывчатых критериев исключения участников, угрозы ликвидации при превышении числа участников и слабого регулирования ответственности, ухудшающего положение кредиторов.

Рассмотрим примеры из судебной практики, связанные с некоторыми из перечисленных проблем.

Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 06.03.2023 № Ф01–8551/2022 по делу № А43–4835/2022. Компания получила недвижимость в качестве вклада в уставный капитал. Для определения рыночной стоимости был привлечён оценщик, который заключил, что цена объекта составляет 642 млн руб. Но по решению участников ООО объект был принят к учёту по меньшей стоимости — 448,5 млн руб.. Это вызвало претензии со стороны инспекции, которая доначислила организации налог на имущество. Судьи отметили, что установленная оценщиком цена является обязательной и изменять её организация не вправе [13].

Дело № А40–194670/2021. «Участник с долей 30 % в 2020 году вышел из общества, возник спор о действительной стоимости доли. Суд первой инстанции взыскал с компании в пользу участника 42 млн руб., исходя из корректировок, внесенных в отчётность в 2021 году (к моменту рассмотрения дела). Апелляционный суд увеличил сумму до 98 млн руб., посчитав, что действительная стоимость должна определяться по отчётности за прошлый год в том виде, в котором она существовала на момент выхода участника» [14].

Дело № А67–2295/2021. «Участник с долей 80 % подал заявление о выходе. Организация решила выплатить действительную стоимость не деньгами, а имущественным требованием, основанным на договоре подряда. Стороны заключили договор цессии, где определили действительную стоимость доли в 8 млн руб. Затем бывший участник обнаружил, что договор подряда не исполнен и вообще выглядит мнимым. Он подал иск о незаключённой цессии, недействительности подряда и взыскании действительной стоимости в размере 10 млн руб. Суды трёх инстанций отказали в признании подряда недействительным из-за сроков давности, но признали цессию незаключённой, так как в ней не было ссылок на акты выполненных работ» [14].

Необходимо усилить нормативное регулирование ряда аспектов корпоративного права. Прежде всего, потребуется уточнить ответственность оценщиков и механизмы контроля оценки имущества, вносимого в уставный капитал. Далее, необходимо детализировать порядок расчета действительной стоимости доли выходящего участника и по-

рядок исполнения обществом обязательств по ее выплате. Наконец, полезно усовершенствовать систему государственного контроля за такими сделками, обеспечив публичность и прозрачность передачи имущественных прав в счет выплаты доли. Эти меры обеспечат стабильность корпоративных отношений и справедливый налоговый учет.

Литература:

1. Акинфиева, В. В. Публичное, частное, гражданское и гражданское право: содержание понятий в древнеримских и современных доктринальных источниках / В. В. Акинфиева, С. Г. Воронцов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2020. — № 48. — С. 226–247.
2. Маркин, А. В. Логика правовых фикций / А. В. Маркин // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. — 2011. — № 3(6). — С. 54–59.
3. Плескова, О. Ю. Эволюция научных представлений о категории юридического лица / О. Ю. Плескова // Экономическая безопасность России: политические ориентиры, законодательные приоритеты, практика обеспечения: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2009. — № 2. — С. 160–166.
4. Суханов, Е. А. Роль уставного капитала в корпорациях / Е. А. Суханов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Право. — 2012. — Т. 8, № 2. — С. 224–235.
5. Овчинникова, Т. А. Корпоративная правовая природа и проблемы формирования уставного капитала общества с ограниченной ответственностью как имущественной основы корпоративного юридического лица / Т. А. Овчинникова // Научная Россия: теории, проблемы и вызовы: Материалы I Всероссийской научно-практической конференции со студенческим участием, Хабаровск, 09 ноября 2022 года. — Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет, 2023. — С. 82–87.
6. Кадыров, Б. Б. Актуальные вопросы гражданско-правовой ответственности органов управления хозяйственных обществ / Б. Б. Кадыров // Актуальные проблемы российского права и законодательства: Сборник материалов XII Всероссийской научно-практической конференции, Красноярск, 03 апреля 2019 года / Составитель Е. В. Василенко; Автономная некоммерческая организация высшего образования «Сибирский институт бизнеса, управления и психологии». — Красноярск: Сибирский институт бизнеса, управления и психологии, 2019. — С. 149–152.
7. Федотова, А. А. Уставный капитал общества с ограниченной ответственностью: проблемы формирования / А. А. Федотова // Актуальные проблемы экономики, управления и права: Сборник материалов IV всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, учёного-правоведа, доктора юридических наук, профессора М. Н. Марченко, Москва, 23 марта 2023 года / Отв. редактор Ю. В. Гаврилова. — Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2023. — С. 717–719.
8. Филиппова, С. К вопросу о понятии, составе и структуре уставного капитала хозяйственного общества / С. Филиппова // Хозяйство и право. — 2018. — № 11(502). — С. 35–52.
9. Захарова, Е. И. Степень и форма имущественной обособленности юридического лица / Е. И. Захарова // Власть Закона. — 2012. — № 3(11). — С. 169–177.
10. Крысанова, Н. В. 2002.04.035. Коровайко А. В. Реорганизация хозяйственных обществ: теория, законодательство, практика: учеб. Пособие.- М.: норма- инфра-м, 2001. 106 С. Библиогр.: С. 92106 / Н. В. Крысанова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. — 2002. — № 4. — С. 120–122.
11. Попова, Ю. А. Некоторые гражданско-правовые аспекты определения сущности и понятия реорганизации / Ю. А. Попова, Я. С. Кошелев // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. — 2012. — № 5(24). — С. 96–100.
12. Самсонова, Е. В. Актуальные вопросы ликвидации юридических лиц / Е. В. Самсонова // Юридический факт. — 2021. — № 133. — С. 18–20.
13. Можно ли принять к учету вклад в УК по цене ниже оценочной? — <https://its.1c.ru/db/newsprac/content/483738/hdoc>
14. По отчетности и с оглядкой на рынок: как суды считают стоимость доли в ООО. — <https://pravo.ru/story/254753/>

Классификация доказательств в гражданском судопроизводстве

Миронова Анаида Игоревна, студент магистратуры
 Научный руководитель: Балугина Татьяна Сергеевна, доцент
 Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье отмечается, что институт доказывания является фундаментом правосудия, а правильная систематизация доказательной базы напрямую влияет на законность и обоснованность судебных решений. Автор убедительно обосновывает актуальность исследования, связывая его с рядом факторов: усложнением правоотношений, ростом числа судебных разбирательств и, что наиболее важно, быстрым развитием информационных технологий. Особое внимание уделяется проблеме создания электронных доказательств в существующей правовой системе.

Ключевые слова: доказывание в гражданском процессе, классификация доказательств, свойства и оценка доказательств, проблемы классификации доказательств.

Фундаментом справедливого и упорядоченного правового общества служат процессуальные нормы. В рамках правоприменения особое место занимает институт доказывания, поскольку именно на совокупности представленных доказательств базируются судебные решения. Сами доказательства являются информацией, которую судебные инстанции используют, чтобы подтвердить либо поставить под сомнение факты, существенные для исхода дела.

Современная юридическая классификация доказательств остается незавершенной, поскольку отсутствует общепринятая позиция по вопросу объединения их элементов на основе оснований признаков в четкую, единую систему, включающую группы, виды, а для некоторых видов — и подвиды.

Деление доказательств указывает на объем средств и способов доказывания, которыми располагает суд, выявляет особенности отдельных видов доказательств, учесть которые важно в процессе их собирания, исследования и оценки, помогает избежать ошибки в судебном производстве.

Актуальность исследования классификации доказательств в гражданском процессе обусловлена несколькими факторами. В современных условиях развитие гражданско-процессуального права требует постоянного анализа и совершенствования подходов к классификации доказательств. Это связано с ростом числа судебных разбирательств, усложнением правоотношений и необходимостью обеспечения справедливого и объективного рассмотрения дел.

Грамотная систематизация доказательственной базы играет ключевую роль в процессе доказывания, поскольку от нее зависит обоснованность и законность судебных решений. Во-первых, в условиях постоянно меняющегося законодательства и практики правоприменения необходимо систематизировать и классифицировать существующие виды доказательств, чтобы обеспечить их эффективное использование в судебных разбирательствах. Во-вторых, недостатки в правоприменении, связанные с оценкой и допустимостью доказательств, могут привести к ошибочным судебным решениям, что подрывает доверие к судебной системе. В-третьих, с учетом гло-

бализации и интеграции правовых систем, важно изучить международный опыт и новые подходы к классификации доказательств, что может способствовать улучшению отечественной практики.

В юридической науке и законодательстве закреплено данное понятие, так в ч. 1 ст. 55 ГПК РФ [1] определяет доказательства в гражданском процессе как сведения о фактах, на основании которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела.

Рассмотрим признаки в приведенном определении:

1) Доказательства имеют своим содержанием сведения, то есть информацию о юридических фактах: это сведения о фактах, а не сами факты. Сведения о фактах — это информация об обстоятельствах, имеющих значение для рассмотрения и разрешения дела. Доказательства как сведения о фактах содержатся в различных документах, показаниях свидетелей. Например, договор купли-продажи содержит сведения о сделке; в памяти сторон, свидетелей также фиксируются сведения о сделке.

2) Относимость доказательств к предмету рассматриваемого дела в суде. Относимость доказательств — это обязательное свойство сведений о фактах (без его наличия нет доказательства), проявляющееся в их связи с исследуемым в судопроизводстве спором [2]. В целях экономии времени, суд принимает только те доказательства, которые имеют значение для дела.

3) Для получения информации, которая формирует суть доказательств, требуется применение конкретных процессуальных инструментов. Их допустимость в качестве способов установления фактов регулируется федеральным законодательством. Перечень доказательств сформулирован в законе как закрытый (исчерпывающий) [3].

4) Определенный процессуальный порядок получения и анализа доказательственной информации, а также использования средств доказывания. Доказательства, полученные с нарушением федерального закона, не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу решения суда.

Доктринальный анализ источников позволяет выделить общепризнанные классификации доказательств в гражданском процессе: по процессуальной форме (объяснения сторон, показания свидетелей, письменные доказательства, вещественные доказательства, аудио и видеозаписи, заключения экспертов), по источнику (личные, вещественные, смешанные), по характеру связи с искомым фактом (прямые и косвенные), по способу формирования (первоначальные и производные).

Процессуальная классификация, закрепленная в ст. 55 ГПК РФ, является исчерпывающей и не подлежит расширительному толкованию. К ним относятся: объяснения сторон и третьих лиц, показания свидетелей, письменные доказательства, вещественные доказательства, аудио- и видеозаписи, а также заключения экспертов.

Данная классификация является фундаментальной для российского гражданского процесса, поскольку определяет, какие именно сведения и в какой форме могут быть признаны судом в качестве доказательств.

Однако, несмотря на кажущуюся ясность и полноту, классификация доказательств по статье 55 ГПК РФ сталкивается с рядом проблем, особенно в условиях стремительного развития информационных технологий и появления новых форм представления информации. Главная проблема возникает при необходимости интеграции «электронных доказательств» в существующую систему. Несмотря на то, что закон расширил понятие письменных доказательств, включенных в его цифровую запись, он, например, не решает всех проблем. Остается открытым вопрос о законности таких объектов, как электронные письма, переписка в мессенджерах или данные с интернет-ресурсами: являются ли хронологические письменные доказательства или же они требуют особого правового регулирования и выделения в каждом виде.

М. А. Фокина полагает, что развитие современных источников информации происходит слишком стремительно. В связи с этим сформулировать исчерпывающий перечень средств доказывания в законе достаточно затруднительно [4].

Еще одним проблемным аспектом является размытость границ между отдельными категориями доказательств. Наглядная иллюстрация служит протоколом осмотра вещественных доказательств, который, будучи письменным актом, в своем материале отражает свойства материального объекта. Аналогичная ситуация и с фотографией или видеофайлом, которые приведены к экспертному заключению, — их можно квалифицировать и как составную часть отчета эксперта, и как самостоятельный источник аудиовизуальной информации.

Другой важной классификацией является деление доказательств по характеру связи с доказываемым фактом на прямые и косвенные. Прямые доказательства в гражданском и арбитражном процессе представляют собой сведения о фактах, непосредственно подтверждающие искомые обстоятельства дела, без необходимости построения логических умозаключений или предполо-

жений. В отличие от косвенных доказательств, которые лишь опосредованно указывают на существование определенного факта, прямые доказательства устанавливают его напрямую. К примеру, протокол дорожно-транспортного происшествия напрямую подтверждает факт ДТП и устанавливает его участников; свидетельство о рождении ребенка подтверждает дату его рождения [5].

Проблематика здесь связана с оценкой косвенных доказательств, а именно с их оценкой. Весомость таких доказательств зависит от того, насколько полно является их система и насколько логически связаны они друг с другом. Всегда существует риск неправильно истолковать факты и прийти к ложному умозаключению. Кроме того, на практике четкое разграничение прямых и косвенных доказательств не всегда очевидно, а деление носит во многом оценочный характер.

Доказательства также делятся по источнику их происхождения на первоначальные и производные. Первоначальные — это данные, взятые напрямую из первоисточника, такие как показания очевидца или оригинал договора. Производные доказательства, напротив, представляют собой копию или пересказ информации из первоначального источника. По сути, они являются отображением первичных данных. Примером может служить скриншот интернет-страницы, который, будучи письменным доказательством, является производным, в то время как сама информация, размещенная в сети, является первоначальным доказательством. Основная проблема производных доказательств — это потенциальная утрата или искажение информации при передаче. Поэтому закон часто устанавливает более строгие требования к их допустимости и оценке, отдавая приоритет первоначальным доказательствам.

Согласно критерию источника формирования, доказательства в гражданском процессе подразделяются на две основные категории: личные и вещественные. Личные доказательства характеризуются тем, что их источником является человек, обладающий определенной информацией, релевантной для рассматриваемого дела. В отличие от них, вещественные доказательства не имеют прямой связи с человеком как источником информации. Они представляют собой объекты материального мира, которые сами по себе содержат сведения, имеющие значение для установления обстоятельств дела.

К числу вещественных доказательств, как правило, относят письменные документы, различные предметы, имеющие отношение к делу, а также аудио- и видеозаписи [6]. Важно отметить, что определяющим признаком здесь является отсутствие непосредственной зависимости доказательства от личного восприятия и волеизъявления человека.

Заключение эксперта нередко относят к смешанному виду доказательств, сочетающему в себе элементы как вещественных, так и личных доказательств [7].

Проблема классификации обостряется с развитием технологий, которые создают новые виды доказательств, на-

пример, электронные. Они не вписываются в старые рамки, поскольку совмещают в себе черты обеих групп. Например, электронный документ можно рассматривать и как объект, и как зафиксированное волеизъявление человека.

Проведенное исследование демонстрирует, что доказывание выступает основополагающим элементом гражданского судопроизводства, а существующие системы их классификации являются ключевым методическим аппаратом для их упорядочивания, получения и анализа. Однако, несмотря на фундаментальное значение процессуальных норм, закрепленных, в частности, в статье 55 ГПК РФ, современная теория и практика сталкиваются с серьезными вызовами, обусловленными как внутренними противоречиями классификационных систем, так и внешними факторами, прежде всего стремительной цифровизацией общества. Основная проблематика заключается в том, что традиционные подходы к делению доказательств на прямые и косвенные, первоначальные и производные, личные и вещественные, а также по про-

цессуальной форме, не всегда способны адекватно отразить природу новых источников информации. Наиболее остро это проявляется при квалификации электронных доказательств, которые зачастую носят двойственный характер, сочетая в себе признаки письменных, вещественных и личных доказательств, что размывает четкие границы и ставит перед правоприменителем сложные задачи по их интеграции в существующую систему. Кроме того, сохраняется неопределенность в разграничении смежных категорий, таких как протоколы осмотра, заключения экспертов с приложениями, где форма и содержание доказательства могут относиться к разным видам.

Таким образом, очевидна необходимость дальнейшего научного осмысления и законодательного совершенствования классификационных систем с целью их адаптации к современным реалиям, что позволит повысить эффективность правосудия, обеспечить обоснованность судебных решений и укрепить доверие к судебной системе в целом.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 14 ноября 2002 № 138-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/
2. Зеленцов А. Б. Кононов П. И. Стахов А. И. Административно-процессуальное право России в 2 ч. Часть 2: учебник для вузов / 2-е изд., перераб. и доп. М., 2024. С. 118.
3. Ярков В. В. Гражданский процесс: учебник для студентов юридических высших учебных заведений: / Уральский государственный юридический университет. 11-е изд., перераб. и доп. М., 2021. С. 122.
4. Фокина М. А. Механизм доказывания по гражданским делам: теоретико-прикладные проблемы. — М., 2010. — 333 с.
5. Об актах гражданского состояния: Федеральный закон от 15 ноября 1997 № 143-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16758/
6. Силина Е. В. Понятие, признаки и классификация судебных доказательств в гражданском процессе // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии № 1. 2018. С.52–54.
7. Афанасьев С. Ф. Арбитражное процессуальное право: учебник для вузов. М., 2025. С. 85.

Исковая давность: особенности правоприменительной практики

Овчинникова Вероника Александровна, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

Институт исковой давности играет важную роль в обеспечении стабильности гражданско-хозяйственного оборота путем установления временного срока для защиты лица, чьи гражданские права были нарушены. Существенное значение закрепления исковой давности как элемента гражданского права было выявлено в ходе исследования. Основная цель института исковой давности заключается в поддержании стабильности сферы гражданских правоотношений через установление определенных правил правового регулирования.

Ключевые слова: *исковая давность, правоприменительная практика, срок исковой давности, гражданское законодательство.*

Институт исковой давности играет важнейшую роль в решении гражданско-правовых вопросов. В России исковая давность определяется как срок, в течение которого лицо может обратиться в суд за защитой нарушен-

ного права (ст. 195 ГК РФ). Срок, установленный статьей 196 п. 1 Гражданского кодекса РФ, — три года. Однако, согласно п. 2 ст. 200 ГК РФ, имеется и максимальный срок в десять лет. Срок исковой давности отсчитывается с мо-

мента получения лицом уведомления о нарушении своего права или сведений о нарушителе. После истечения срока исковой давности лицо теряет возможность защиты своих прав в суде, если иное не обозначено законом.

Целью института исковой давности является предотвращение возникающих юридических споров, обеспечение стабильности в правах лиц и защита их законных прав.

Также предусмотрены особые случаи определения начала течения срока исковой давности. К примеру, если нарушение прав произошло в результате неправомерных действий ответчика и истец не мог защитить свои права по объективным обстоятельствам (например, в связи с угрозой жизни или здоровью), срок исковой давности может отсчитываться с момента, когда эти обстоятельства прекратятся. Кроме того, по требованию о взыскании алиментов срок исковой давности начинает отсчитываться с момента, когда тот, кто имеет право на алименты, мог заявить о взыскании; по требованиям к срокам исполнения обязательств — от момента, когда обязательство должно было быть исполнено.

Перерыв в исковой давности обнуляет прошедший давностный срок по обязательствам и устанавливает течение этого срока заново. Приостановление исковой давности устанавливает в определенных законом случаях промежуток времени, когда давность не действует, и, соответственно, продлевается на это время. Восстановление исковой давности позволяет получить судебную защиту права, если срок давности пропущен по уважительной причине, признанной судом, причем исковую давность можно восстановить, если причины пропуска возникли в последние шесть месяцев течения срока давности.

Анализ института исковой давности позволил выявить несовершенство его регулирования, в частности поставить вопрос применения исковой давности в делах о защите недееспособных граждан со стороны их законных представителей. Так, законом установлен десятилетний общий объективный срок исковой давности, который не может быть превышен при предъявлении любых требований (помимо положений, установленных Федеральным законом «О противодействии терроризму»).

Нарушения прав несовершеннолетних со стороны законных представителей могут произойти, скажем, в пятилетнем возрасте. К примеру, это может быть заключение сделок с недвижимым имуществом несовершеннолетнего, доставшимся ему в наследство, со стороны усыновителя. К моменту, когда несовершеннолетний достигнет возраста полной гражданской дееспособности (восемнадцать лет) и сможет предъявить иск о незаконности отчуждения имущества, в рассматриваемом случае пройдет тринадцать лет, что превышает установленный законом объективный срок исковой давности. Соответственно, ответчик может выступить с заявлением о пропуске срока объективной исковой давности, который составляет десять лет, и иск истца не будет удовлетворен.

Законом вместе с тем предусмотрен институт восстановления исковой давности, применяемый судом в ис-

ключительных случаях. Однако в указанном примере, во-первых, причины пропуска не могут быть признаны уважительными, так как возникли не в последние шесть месяцев срока давности, а значительно позже; во-вторых, восстановление в данном случае невозможно, так как пропущен десятилетний объективный срок исковой давности.

Так как из закона следует, что объективный срок исковой давности не может превышать установленного в любом случае, а объективный срок начинает отсчитываться с момента нарушения права, подобная ситуация может привести к допущению нарушения прав несовершеннолетних и иных недееспособных граждан, до определенного срока неспособных защищать свои права в силу как состояния, так и прямого указания закона.

Вместе с тем отметим, что указанный случай рассмотрен в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29 сентября 2015 г. № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности», где указано: «Если нарушение прав названных лиц совершено их законным представителем, срок исковой давности по требованиям к последнему, в том числе о взыскании убытков, исчисляется либо с момента, когда о таком нарушении узнал или должен был узнать иной законный представитель, действующий добросовестно, либо с момента, когда представителю стало известно либо должно было стать известно о нарушении его прав и он стал способен осуществлять защиту нарушенного права в суде, то есть с момента возникновения или восстановления полной гражданской или гражданской процессуальной дееспособности» [2].

Однако Гражданским кодексом четко определен момент начала течения срока объективной исковой давности — это момент самого нарушения права, который в случае нарушения прав законными представителями может наступать больше чем за десять лет до обретения недееспособными лицами гражданской процессуальной дееспособности. При этом объективный срок исковой давности восстановлен быть не может. Итак, можно выявить противоречие между статьей Гражданского кодекса РФ о начале течения срока исковой давности и правовым актом, содержащим толкование правовых норм, — Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 29 сентября 2015 г. № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности». В данном случае большую юридическую силу имеет закон, так как акты органов правоприменения не могут подменять законодателя, что открывает возможности для применения закона в ущерб охраняемым законом правам и интересам граждан.

В связи с описанным в целях совершенствования правового регулирования института исковой давности предлагается внести дополнение в п. 2 статьи 196 Гражданского кодекса РФ, изложив его в следующей редакции: «Срок исковой давности не может превышать десяти лет со дня нарушения права, для защиты которого этот срок установлен,

за исключением случаев, установленных Федеральным законом от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ “О противодействии терроризму”, а также иных исключительных случаев».

В предлагаемой редакции указаниями из Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 сентября 2015 г. № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об

исковой давности» будут установлены исключительные случаи в отношении момента начала исчисления объективного срока исковой давности (в случае нарушения прав несовершеннолетних — с момента обретения ими полной дееспособности), что будет способствовать совершенствованию защиты прав граждан и исключению возможных злоупотреблений.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 1. — URL: <https://base.garant.ru/10164072/53c63b880ad65ac5ac688c75b48629cb/>
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 сентября 2015 г. № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности». — URL: <https://base.garant.ru/71204098/>
3. Бакланова, А. Н. Исковая давность в гражданском праве / А. Н. Бакланова // Современные проблемы социально-гуманитарных и юридических наук: теория, методология, практика: материалы XIII междунар. науч.-практ. конф. — Краснодар, 2023. — С. 34–39.
4. Кулешова, Г. И. Исковая давность в современном отечественном и зарубежном гражданском праве / Г. И. Кулешова // Вестн. науки. — 2023. — Т. 5, № 10 (67). — С. 265–271.
5. Канзыбаева, С. Р. Исковая давность в гражданском праве России / С. Р. Канзыбаева // Теория и практика современной науки. — 2021. — № 1 (67). — С. 176–179.

К вопросу о культуре как конституционной ценности

Охлопков-Тордуянов Кэскил Владимирович, студент магистратуры
Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург)

В современном мире новым разделителем между различными обществами и людьми становятся ценности. Ценностное содержание любых значимых явлений общественной жизни (образование, религия, право) активно обсуждается и часто обосновывает происходящие в них изменения. Данная статья посвящена понятию ценностей и формам их выражения, которые часто употребляют как тождественные понятия, а также рассмотрению взаимосвязи ценностей и права.

Ключевые слова: ценности, ценности и право, формы выражения ценностей.

В современном мире ценности все больше выполняют роль своеобразной границы между различными государствами, обществами и отдельными людьми. Так, те, кто разделяет условно «наши» ценности, закономерно воспринимаются как правильные и близкие. При этом часто упускается из виду само понятие ценностей. Так, к понятию «ценности» добавляются такие слова, как «национальные», «западные», «исторические» и др. Многие забывают, что подобное деление ценностей не приводит к их пониманию и не способствует усилению роли ценностей в общественной жизни, а приводит лишь, вопреки ожиданиям, к большей путанице и очередному разделению.

Так, одной из причин изменений, происходящих в российском законодательстве, стало переосмысление ценностей, их закрепление в конституционно-правовых документах и придание им официального статуса. Можно сказать, что ценности обеспечивают взаимосвязь между

правовой сферой и различными социальными явлениями: моралью, традицией и религией, — что может способствовать сплочению общества.

Одной из связующих основ общества является культура: она сохраняет национальную самобытность и формирует единое социокультурное пространство внутри государства. Именно культура выражает в своем содержании формы воплощения различных ценностей. В части 4 статьи 68 Конституции Российской Федерации культура России прямо связана с развитием национальных культур: «Культура в Российской Федерации является уникальным наследием ее многонационального народа. Культура поддерживается и охраняется государством» [1]. Также в части 2 статьи 69 Конституции указано, что «государство защищает культурную самобытность всех народов и этнических общностей Российской Федерации, гарантирует сохранение этнокультурного и языкового многообразия»

[1]. Изучение законодательства показало, что в настоящее время в Российской Федерации обращение к национальной культуре и традиционным ценностям приобретает особое значение. Это связано с реалиями, с которыми сталкивается современный мир, в том числе Россия. Вместе с тем, безусловно, существуют проблемы, в частности связанные с понятиями, используемыми в конституционно-правовом регулировании. Конституционные нормы должны обеспечивать защиту и сохранение ценностей в современном мире.

Сами ценности принято считать явлениями, имеющими какое-либо значение или положительный оттенок, которые можно выявить при проведении различных опросов населения или же найти в исторических источниках. Однако такие представления о ценностях не раскрывают нам их сущность и фактически отождествляют понятие «ценности» с такими понятиями, как «блага», «потребности», «идеалы» и др. Возникает вопрос: чем отличается понятие «ценности» от близких к нему понятий? Если коротко — ценности являются целями и смыслами.

Изучая вопрос, касающийся ценностей, можно найти в научной литературе большое количество различных подходов, которые использовались для выяснения сущности ценностей. При этом, на наш взгляд, ценности — это лишь то, что является «основанием, с помощью которого любой цели придается определенный смысл и приписывается социокультурное значение» [2]. Таких оснований, которые помогают определить смысл и обосновать цель деятельности человека, выделяют всего три: добро, истина и красота. Иногда их принято называть фундаментальными ценностями, т. е. такими ценностями, на которых основаны все остальные. Иными словами, любое явление, обладающее ценностным содержанием, можно свести к фундаментальным ценностям. А именно:

«В истине выражено стремление человека к выходу за пределы собственной субъективности и познанию мира таким, каков он есть сам по себе, но стремление к истине

не предопределяет ни конкретных видов знания, ни путей и способов их достижения.

В красоте выражено стремление человека к восприятию и творчеству гармонии, доставляющей чувственное наслаждение, но красота как конечная цель культуротворческой деятельности не может быть исчерпана никакой совокупностью прекрасных творений или образцов для восхищения и подражания.

В добре выражено стремление человека к сохранению и развитию своей социокультурной сущности и избеганию того, что этой сущности не соответствует, но стремление к добру, даже закрепленное в заповедях или моральных кодексах, не указывает тот единственный путь, следуя которому человек будет оставаться социокультурным существом» [3].

Исходя из определения ценности добра, можно утверждать, что любая норма предписывает человеку поступать как должно, в том числе и правовая норма. Потому что именно право направлено на сохранение и развитие социокультурной сущности человека через регулирование его поведения с помощью законов. Также принципами права (основополагающими идеями) являются понятия, близкие по своему смыслу к понятию добра, такие как «гуманизм», «равенство», «законность», «справедливость» и др. Таким образом, можно предположить, что правовая норма в своем содержании отражает ценности и является одним из форм выражения ценностей культуры.

Необходимо отметить, что существование культуры опирается на ценности. Конституционно-правовые документы являются ориентиром для других законодательных актов, что непосредственно отражается на реализации ценностных оснований культуры, помогая избежать угрозы полного исчезновения языков, культур, традиций. Также важными условиями развития ценностных оснований национальной культуры являются положения Конституции Российской Федерации.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года, с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ, от 04.10.2022 № 5-ФКЗ, от 04.10.2022 № 6-ФКЗ, от 04.10.2022 № 7-ФКЗ, от 04.10.2022 № 8-ФКЗ) // Консультант Плюс: официальный сайт. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 28.05.2025).
2. Чернякова, Н. С. К вопросу о ценностях и формах их воплощения / Н. С. Чернякова. — Текст: электронный // Киберленинка: [сайт]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-tsennostyah-i-formah-ih-voploscheniya> (дата обращения: 29.05.2025).
3. Чернякова, Н. С. Введение в теорию культуры и ценностей / Н. С. Чернякова. — Санкт-Петербург: Издательство РГПУ им. Герцена, 2012. — 203 с. — Текст: непосредственный.

Функционально-психологическая структура правосознания как одна из форм общественного сознания

Писарик Дарья Михайловна, студент
Академия управления при Президенте Республики Беларусь (г. Минск, Беларусь)

В статье рассмотрены основные элементы и функции правосознания. Правосознание представляет собой как рациональное знание о правовой действительности, так и иррациональное (эмоциональное) ценностное отношение к праву, складывающееся в том или ином обществе. Основными функциями правосознания являются познавательная, оценочная и регулятивная.

Ключевые слова: правовое сознание, правовая психология, правовая идеология.

В настоящее время существуют различные подходы к трактовке сущности правосознания. Так, А. И. Смирнов даёт следующее определение данному понятию: «правовое сознание — одна из форм общественного сознания, отражающая общественные отношения, которые регулируются нормами права; оно представляет собой систему знаний, идей, оценок, установок, настроений, чувств, выражающих отношение индивидов, социальных групп и общества к праву действовавшему, действующему и желаемому [1, с. 21].

В литературе господствующим является мнение, что правосознание складывается из двух основных элементов: правовой психологии и правовой идеологии. Правовая идеология — это систематизированные представления о правовой действительности, в основе которых лежат определенные ценностные послышки, в то время как правовая психология соответствует эмпирическому, обыденному уровню общественного сознания, формируется вследствие повседневной человеческой практики [2].

Правовая идеология выступает преимущественно на уровне теории, сближается с наукой, однако между ними есть значимые различия, поскольку наука даёт объективные знания о предметах и явлениях действительности, а также их закономерностях, в то время как правовая идеология способна дать не только знание, но и отношение к предмету этого знания. Правовая психология рассматривается как «стихийный, несистематизированный слой правового сознания, выражающийся в отдельных психологических реакциях любого человека или той или иной социальной группы на государство, право, законодательство, другие юридические феномены». Правовая психология возникает в значительной степени стихийным образом, под воздействием условий повседневной жизни, в результате общения и взаимодействия людей [3].

В зависимости от уровня, глубины знания права, его особенностей как регулятора общественных отношений правосознание можно классифицировать на обыденное, профессиональное и научное. Обыденное правосознание носит характер упрощённых, поверхностных суждений о праве и отражает житейски воспринимаемые конкретные правовые явления. Профессиональное правосознание складывается в ходе специальной подготовки и в процессе осуществления практической юридической деятельности.

Научное правосознание характерно для исследователей, научных работников, занимающихся вопросами правового регулирования общественных отношений [4].

В выделении основных элементов правосознания наряду с правовой психологией и правовой идеологией выделяют следующие элементы: информационный элемент (наличие в сознании того или иного объема информации о законе); оценочный элемент (т. е. получив информацию о нормативном акте, человек оценивает его, сопоставляет с собственными ценностями); волевой (узнав о законе и оценив его, человек решает, что он будет делать в условиях, предусмотренных законом) [1]. По широте распространения правосознание характеризуется как массовое, специализированное, локальное [5]. Правосознание в зависимости от предмета отражения соответствует разным отраслям права и различным видам правовых отношений (конституционно-правовому, гражданско-правовому, семейно-правовому и др.) [1, 4].

По мотивационно-регулятивному характеру и волевой направленности правосознание делится на законоодобряющее, при котором требования и ценности закона осознаются и воспринимаются субъектом как безусловно необходимые и полезные подлежат обязательной реализации; законопослушное (при котором установочная позиция субъекта — это результат целенаправленного выбора на основе взвешивания с одной стороны — достоинств и преимуществ соблюдения закона и недостатков, а с другой — отрицательных последствий нарушения закона); закононарушающее, обусловленное представлениями субъекта о преимуществах несоблюдения права нарушения закона [1, 6].

Выделяют три основные функции правосознания — познавательную, оценочную и регулятивную, соответственно им определяются основные функциональные компоненты правосознания. Познавательная функция направлена на получение знаний о праве, его понимание и осознание. Оценочная функция выражается в оценке значимости и ценности полученных правовых знаний. Регулятивная функция осуществляется за счет социально-правовых установок и ценностных ориентаций [1, 4]. Кроме названных, А. А. Косых выделяет прогностическую функцию, позволяющую прогнозировать результаты деятельности в правовой сфере [7].

Таким образом, структурой правосознания является совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих компонентов, обеспечивающих целостность правосознания, его развитие и функционирование. Количество

элементов правосознания, их взаимосвязь трактуются учеными различным образом. Функциональными компонентами правосознания являются познавательный, оценочный, регулятивный и прогностический.

Литература:

1. Смирнов, А. И. Влияние профессионального правосознания на формирование позитивного права в Византийской империи: дис.... канд. юрид. наук / А. И. Смирнов; Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. — Москва, 2021. — 191 с.
2. Бакулов, В. Д. Дихотомия правопонимания и правосознания: сущность и структура правосознания / В. Д. Бакулов, И. В. Пашенко // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2009. № 6. — С. 99–108.
3. Соколова, Е. А. Роль правового воспитания в формировании электоральной активности школьников / Е. А. Соколова // Молодой ученый. — 2017. — № 2 (136). — С. 628–629.
4. Общая теория государства и права (включая учебную дисциплину «Правотворческий процесс») электронный учебно-методический комплекс [Электронный ресурс]. — URL: https://www.amia.by/book/umk/Kaf_teor_i_istor_gosyd/otgp/project/p25aa1.html (дата обращения 25.06.2024).
5. Чакрян, А. К. Психологическая сущность правового сознания субъектов юридической деятельности / А. К. Чакрян // Гуманизация образования. — 2010. — № 2. — С. 97–105.
6. Абызов, Р. М. Правовая культура и правовое сознание как признаки правового государства / Р. М. Абызов, Е. Р. Абызова // Философия права. — 2012. — № 4 (53). — С. 84–87.
7. Косых, А. А. Интеллектуальные начала правосознания / А. А. Косых // Вестник ВИ МВД России. — 2021. — № 3. — С. 171–179.

Возмездная приватизация жилых помещений и долей в них, являющихся федеральной собственностью

Подуфалый Дмитрий Владимирович, студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

В статье автор рассматривает вопрос о возможности наделения граждан Российской Федерации правом возмездной приватизации жилых помещений, являющихся федеральной собственностью, тем самым восстановить право граждан на выкуп жилого помещения или его доли.

Конституционное право на жилище предполагает гарантированную законом возможность для каждого быть обеспеченным постоянным жильем, возможность стабильного пользования имеющимся жильем, неприкосновенность жилища, право на улучшение жилищных условий, а также обеспечение для проживающих в жилых домах, жилых помещениях здоровой и безопасной среды обитания.

Настоящая статья затрагивает вопрос возмездной приватизации жилых помещений и их долей, являющиеся федеральным имуществом.

С момента принятия Закона Российской Федерации от 04.07.1991 № 1541-1 «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» (далее — Закон РФ № 1541-1) прошло более 30 лет, однако, несмотря на все внесенные поправки, включая последнюю редакцию от 01.06.2021, изначальная цель, которая состояла в том, чтобы предоставить гражданам реальный выбор в удовлетворении жилищных потребностей, а также повысить эффектив-

ность использования и сохранности жилищного фонда — достигнута лишь частично. Обоснованность государственного регулирования жилищной сферы, как одной из базовых потребностей населения, не подвергается сомнению, ведь конституционно закреплено право каждого на жилище, а малоимущим и нуждающимся гражданам оно предоставляется бесплатно.

В эпоху преобразований, которые связаны с приватизацией, именно граждане, которые получили жилье от государства, оказались наиболее уязвимой группой. Многие из них столкнулись с ограничением в реализации права на приобретение в собственность или отчуждение занимаемого жилья.

Особую сложность представляет приватизация жилых помещений и долей, которые принадлежат Российской Федерации и не закреплены за третьими лицами.

Неоднозначность норм российского законодательства лишает органы исполнительной власти правовых осно-

ваний для принятия решений об отчуждении такого федерального имущества в пользу граждан.

Положение о Федеральном агентстве по управлению государственным имуществом, утвержденное Правительством Российской Федерации от 05.06.2008 года № 432 (далее — Положение), не наделяет полномочиями федеральный орган исполнительной власти, отвечающий за федеральное имущество, даже полномочиями по безвозмездной приватизации жилых помещений, что противоречит ст. 11 Закона РФ № 1541–1, где указано о праве каждого гражданина на приобретение в собственность бесплатно, один раз, в порядке приватизации жилого помещения, в том числе находящегося не только в муниципальном, а также и государственном жилищном фонде социального использования, что препятствует реализации эффективной политики в области управления федеральным жилищным фондом.

При рассмотрении обращений граждан, имеющих право на получение в собственность жилого помещения от государства, в том числе после предоставления правоустанавливающих документов, для проведения мероприятий безвозмездной приватизации жилого помещения Федеральное агентство по управлению государственным имуществом (далее — Росимущество) самостоятельно или через поручения своим территориальным управлениям инициирует процедуру передачи такого жилого помещения в муниципальный орган власти, на территории которого расположено жилое помещение, и который наделен полномочиями его передачи в собственность гражданина.

Большая часть граждан, которые изъявляют желание приватизировать жилые помещения бесплатно, получили права на проживание в государственных квартирах и комнатах от учреждений, организаций и предприятий, на которых работали они или члены их семьи, но ныне уже не существующих, прошедших приватизацию в 90-х годах XX века, сменивших собственника.

Отсутствие документов у граждан или полномочий у одних работников государственных структур и нежелание брать на себя ответственность у других, затягивает процесс передачи жилых помещений в муниципальный орган власти и в конечном итоге приводит к судебным заседаниям, а далее и решению суда, как правило в пользу гражданина.

На сегодняшний день возмездное отчуждение федерального жилья законодательно не предусмотрено, за исключением отдельных случаев, которые могут служить прецедентом для решения рассматриваемой проблемы. Например, жилые помещения, которые перешли в собственность Российской Федерации по решению суда от лиц, совершивших коррупционные преступления, или в отношении которых не представлены сведения о законности их приобретения, приватизируются на основании ст. 30.4 Федерального закона от 21.12.2001 № 178 «О приватизации государственного и муниципального имущества» (далее — Закон № 178-ФЗ), с учетом определенных

особенностей. В данном случае, несмотря на наличие стоимостного условия, фактически допускается возможность возмездной приватизации жилья физическими лицами.

Возникает закономерный вопрос: почему граждане, которые не относятся к категории малоимущих, но желающие улучшить свои жилищные условия, не могут реализовать право на возмездную приватизацию жилого помещения в виде доли жилого помещения или отдельной комнаты, когда «соседом» является Российская Федерация?

Возвращаясь к началу статьи, где описана проблема безвозмездной приватизации, находим, что она пересекается с другой проблемой — отсутствие права гражданина на возмездную приватизацию, а также другим немаловажным вопросом — передачи жилого помещения на иной уровень собственности.

Проблема передачи на иной уровень собственности, в большинстве случаев, как раз возникает у такого федерального недвижимого имущества, являющееся частью квартиры или жилого дома (комната или доля жилого помещения) (далее — Имущество РФ).

Отсутствие законодательного механизма, который позволяет беспрепятственно в одностороннем порядке передать жилые помещения муниципальным органам власти или реализовать преимущественное право гражданина на выкуп Имущества РФ и заставляет задуматься о необходимости устранения пробела в законодательстве.

Согласно статье 6 Закона РФ № 1541–1 передача жилых помещений в собственность граждан осуществляется уполномоченными собственниками указанных жилых помещений органами государственной власти, органами местного самоуправления, а также государственными или муниципальными унитарными предприятиями, за которыми закреплен жилищный фонд на праве хозяйственного ведения, государственными или муниципальными учреждениями, казенными предприятиями, в оперативное управление которых передан жилищный фонд.

В статье не конкретизирован государственный орган власти, наделенный указанными полномочиями, также нет четкого понимания о какой передаче в собственность граждан идет речь: о возмездной или бесплатной приватизации.

Совершенно очевидно, что в случае если жилое помещение свободно от обременения третьих лиц и является федеральным имуществом, функцию по его управлению должно осуществлять Росимущество, однако в Положении в отношении именно жилых помещений ничего не сказано, что не позволяет Росимуществу проводить приватизацию жилых помещений, не относящихся к объектам, указанным в Законе № 178-ФЗ.

В ответ на все письма граждан, изъявляющих желание выкупить Имущество РФ, Росимущество и его территориальные управления ссылаются на статью 1 Закона РФ № 1541–1, указывая на невозможность возмездной приватизации, так как согласно настоящей статье приватизация

жилых помещений — бесплатная передача в собственность граждан Российской Федерации на добровольной основе занимаемых ими жилых помещений в государственном и муниципальном жилищном фонде, либо указывают на то, что жилое помещение не включено в прогнозный план (программу) приватизации федерального имущества.

В большинстве случаев после отказа Росимущества в продаже Имущества РФ гражданин предлагает выкупить у него часть жилого помещения, которая принадлежит ему, на что Росимущество также направляет отказ заявителю.

Таким образом, несмотря на соблюдение законодательства и формальных требований по рассмотрению обращений граждан, государство отстраняется от их проблем, связанных с улучшением жилищного вопроса.

Следует отметить, что граждане направляют запрос на выкуп Имущества РФ, которое свободно от прав третьих лиц. Кроме того, само по себе возникшее право собственности у Российской Федерации на Имущество РФ ничем не отличается от прав собственности на жилые помещения, указанные в статье 30.4 Закона № 178-ФЗ, но которые, при соблюдении определенных условий, могут быть переданы в собственность гражданина на основании договора купли-продажи, заключенного по результатам проведенного аукциона.

Описанное выше, а также сами условия, которые должны быть соблюдены при продаже жилого помещения в соответствии со статьей 30.4 Закона № 178-ФЗ, приводят к необоснованному неравенству между различными категориями жилых помещений, которые находятся в федеральной собственности, поскольку отсутствует объективная разница между помещениями, которые были получены в результате коррупционных правонарушений, и помещениями, которые были приобретены государством по иным основаниям (например, по договорам дарения, наследования выморочного имущества).

Кроме того, ограничивается реализация преимущественного права выкупа. Так, собственники долей и комнат в жилых помещениях не могут реализовать свое преимущественное право выкупа долей или комнат, которые находятся в федеральной собственности (статья 252 ГК РФ). Иными словами, такое ограничение препятствует ликвидации коммунальных квартир и улучшению жилищных условий граждан.

Отсутствие права на возмездную приватизацию жилого помещения, принадлежащего Российской Федерации и продажа своего долевого права собственности или права собственности на часть жилого помещения — комнату, по цене соответствующей рыночному уровню, является важнейшей, до сих пор не решенной задачей Закона РФ № 1541-1 и закона № 178-ФЗ.

Проводя исследование данного вопроса мы пришли к выводу, что отсутствие в законодательстве рычага, наделяющего гражданина правом возмездной приватизации жилых помещений, являющихся государственной

собственностью, нарушает его право на свободный выбор способа удовлетворения потребности в жилище, если он является собственником части жилого помещения (в виде доли в праве или обособленной комнаты), другая часть которого является федеральной собственностью.

Китай, как и Союз Советских Социалистических Республик (далее — СССР), правопреемником которого является на своей территории Российская Федерация в соответствии со статьей 67.1 Конституции Российской Федерации, до определенного момента развития своей экономики, датированного 1998 годом, бесплатно обеспечивал граждан жильем. После проведения ряда реформ Государственный совет официально прекратил все формы государственного обеспечения жильем как формой благосостояния со стороны рабочих подразделений (как государственных ведомств, так и государственных предприятий). С этого момента покупка на рынке стала единственным способом получения жилья в Китае.

Решение, позволяющее инвестировать в строительство, в том числе жилищное, не только государственным предприятиям, а всем гражданам Китая и иностранным инвесторам, стало значительным стимулом для рынка недвижимости, направленным на поддержку высокого спроса и рост рынка.

Анализируя опыт приватизации зарубежных стран, стоит отметить, что в различных европейских странах существует приватизация государственных предприятий, бесплатная приватизация жилой недвижимости отсутствует. Страны СНГ уходят от безвозмездной приватизации жилья. Китай более 25-ти лет назад полностью отказался от такого механизма обеспечения жильем граждан, тем самым существенно снизил внутреннюю финансовую нагрузку на бюджет государства, направленную на содержание недвижимого имущества.

В Российской Федерации возможность бесплатной приватизации неоднократно продлевалась, что свидетельствует о его социальной значимости и необходимости для значительной части населения. Однако, несмотря на это, вокруг данного института не утихают многочисленные дискуссии о целесообразности его дальнейшего существования в связи с формированием полноценного рынка жилья. Многие эксперты полагают, что бесплатная приватизация искажает рыночные механизмы, а также создает неравные условия для различных категорий граждан.

На наш взгляд, на сегодняшний день, когда рынок жилья в России в значительной степени уже сформирован, сохранение бесплатной приватизации вызывает определенные вопросы. В частности, создает неравные условия для тех, кто приобрел жилье на рыночных условиях, и тех, кто получил его бесплатно.

В настоящее время есть еще одна актуальная проблема, которая заключается в предоставлении бесплатного социального жилья так называемым новым гражданам нашей страны, до не давнего времени считавшиеся мигрантами. Данный вопрос многогранен и может быть рассмотрен в отдельной статье.

Для разрешения вопросов, озвученных в настоящей статье, предлагаем следующие решения:

— Необходимо расширить перечень объектов, которые подлежат возмездной приватизации, путем внесения соответствующих изменения в пункт 1 статьи 30.04 Закона № 178-ФЗ, предусмотрев возможность возмездной приватизации жилых помещений, находящихся в федеральной собственности, вне зависимости от основания их приобретения, а также убрать условие о рыночной стоимости жилого помещения, определяющее возможность проведения возмездной приватизации коррупционного имущества, обращенного в собственность государства..

— Предусмотреть в Законе № 178-ФЗ положение о преимущественном праве выкупа доли или комнаты в жилом помещении лицами, которые проживают или занимают на законных основаниях такое жилое помещение или о возможности проведения продажи жилого помещения или его доли путем проведения аукциона, в случае если гражданин, проживающий на законных основаниях в соседнем жилом помещении в данной квартире (доме), отказался от первоочередного права выкупа.

— Пункт 2 статьи 30.04 Закона 178-ФЗ изложить в следующей редакции «Жилые помещения жилищного фонда Российской Федерации, указанные в пункте 1 настоящей статьи, приватизируются исключительно путем продажи на аукционе. При признании аукциона несостоявшимся информационное сообщение о проведении повторного аукциона размещается в порядке, установленном статьей 15 настоящего Федерального закона, в срок не позднее од-

ного месяца со дня признания аукциона несостоявшимся. Начальная цена продажи на повторном аукционе снижается на величину, определяемую в соответствии с методикой, утвержденной уполномоченным федеральным органом исполнительной власти, но не более чем на 20 процентов. В случае, если повторный аукцион признан несостоявшимся, проведение следующего аукциона возможно не ранее чем через три месяца».

— Необходимо внести соответствующие изменения в Положение, наделив Росимущество полномочиями безвозмездной приватизации федерального имущества, а также полномочиями по реализации преимущественного права выкупа доли или комнаты в жилом помещении лицами, которые проживают или занимаются на законных основаниях это или соседнее жилое помещение в данной квартире (доме) без внесения такого имущества в прогнозный план (программу) приватизации федерального имущества.

На основании вышеизложенного, можно отметить, что реализация предложенных рекомендаций приведет к сокращению числа коммунальных квартир, позволит укрепить правовую защиту граждан, решит их проблему по улучшению жилищных условий, снизит нагрузку бюджета на расходы по содержанию неиспользуемого имущества, увеличит налоговые поступления и снизит нагрузку на судебную систему, которая рассматривает иски о нарушении прав на приватизацию, нарушении прав выкупа федерального имущества, а также о взыскании задолженности с Российской Федерации перед организациями по оплате жилищно-коммунальных услуг.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ, включающий новые субъекты Российской Федерации — Донецкую Народную Республику, Луганскую Народную Республику, Запорожскую область и Херсонскую область, опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://pravo.gov.ru>. 2022.
2. Федеральный закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» от 24.07.2002 № 101-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. № 30. Ст. 3018.
3. Федеральный закон от 21.12.2001 № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества» // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 4. — Ст. 251.
4. Постановление Правительства РФ от 05.06.2008 № 432 «О Федеральном агентстве по управлению государственным имуществом» // Собрание законодательства РФ. — 2008. — № 23. — Ст. 2721.
5. Мусалов, М. А. Правовое регулирование приватизации государственного и муниципального имущества / М. А. Мусалов // Мировая наука. — 2020. — № 11 (20). — С. 190–192.
6. Муханова, И. Ю. Ключевые проблемы при реализации права граждан на приватизацию жилых помещений в Российской Федерации / И. Ю. Муханова // Modern Science. — 2022. — № 3–2. — С. 160–162.

Зарубежный опыт теоретического и практического решения проблем самозанятых и индивидуальных предпринимателей: сравнение с Россией

Помазков Роман Викторович, студент магистратуры, аспирант

Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Саратов)

В статье автор исследует опыт теоретического и практического решения проблем самозанятых и индивидуальных предпринимателей в сравнении с Россией.

Ключевые слова: самозанятые, индивидуальные предприниматели, решение проблем.

Самозанятость и индивидуальное предпринимательство играют ключевую роль в экономиках многих стран, обеспечивая гибкость рынка труда, снижение безработицы и стимулирование экономического роста. В условиях цифровизации и глобализации эти формы занятости становятся всё более актуальными, однако их регулирование сталкивается с рядом вызовов, включая налоговую нагрузку, социальную защищённость и борьбу с теневой экономикой. В России, например, введение налога на профессиональный доход (НПД) в 2018 году стало важным шагом для легализации самозанятых, но вопросы их правового статуса и социальной поддержки остаются открытыми [1].

Зарубежный опыт, в частности США, Германии и Китая, демонстрирует разнообразные подходы к решению этих проблем, которые могут быть полезны для совершенствования российской практики. Цель данной статьи — проанализировать теоретические и практические аспекты регулирования самозанятых и индивидуальных предпринимателей (ИП) в указанных странах, сравнить их с российской моделью и выявить возможности для оптимизации законодательства РФ.

Изучение зарубежного опыта актуально в контексте глобальных тенденций к индивидуализации труда и роста платформенной занятости. В США и Германии самозанятость рассматривается как инструмент повышения экономической активности, но с акцентом на социальную защиту [2]. В Китае, напротив, приоритет отдаётся массовому вовлечению граждан в предпринимательство для решения проблемы занятости [3]. Россия, внедряя НПД, стремится упростить легализацию самозанятых, но сталкивается с вызовами, связанными с низкой социальной защищённостью этой категории. Сравнительный анализ позволяет выявить лучшие практики и адаптировать их к российским условиям.

Зарубежный опыт регулирования самозанятых и индивидуальных предпринимателей

– **США: баланс между гибкостью и социальной защитой**

В США самозанятость и индивидуальное предпринимательство регулируются на федеральном и региональном уровнях, что обеспечивает гибкость, но усложняет едино-

образие. Согласно определению Службы внутренних доходов (IRS), самозанятыми считаются индивидуальные предприниматели (sole proprietors), независимые подрядчики (independent contractors) и участники товариществ, ведущие бизнес без наёмных работников [4]. Основные нормативные акты включают Свод федеральных нормативных актов (Code of Federal Regulations), Кодекс США (US Code) и Закон о взносах на самозанятость (SECA). В 2023 году в США насчитывалось около 31 млн ИП и 9,8 млн самозанятых, что составляет значительную долю рабочей силы [5].

Теоретический подход в США основан на концепции экономической свободы, где самозанятость рассматривается как способ самовыражения и создания рабочих мест. Однако теоретики, такие как Доллархайд, подчёркивают риски, связанные с недостаточной социальной защитой самозанятых, особенно в сравнении с наёмными работниками [6]. Государство стремится минимизировать теневую занятость, вводя строгие налоговые требования, но одновременно поддерживает предпринимательство через программы, такие как Project GATE (Growing America Through Entrepreneurship), запущенный в 2003 году для обучения и финансирования ИП [7].

Практическое регулирование включает уплату налога SECA (15,3 %, включая 12,4 % на социальное обеспечение и 2,9 % на медицинское страхование) и федерального подоходного налога (от 10 до 43,6 % в зависимости от дохода) [4]. Регистрация ИП и самозанятых упрощена: достаточно получить идентификационный номер налогоплательщика (EIN) через сайт IRS. Однако самозанятые обязаны подавать налоговую декларацию (Форма 1040, Приложение C), что увеличивает административную нагрузку. Социальная защита остаётся слабым местом: самозанятые не имеют права на оплачиваемые отпуска или страхование по безработице, что вынуждает их самостоятельно финансировать пенсии и медицинские услуги. Для решения этой проблемы в некоторых штатах, например, в Калифорнии, вводятся законы, обязывающие платформы (Uber, Lyft) предоставлять самозанятым базовые социальные гарантии [8].

Проблемы и решения: Основная проблема — высокая налоговая нагрузка и низкая социальная защищённость. В 2024 году IRS расширила доступ к упрощённым налоговым вычетам для самозанятых, а в ряде штатов те-

стируются программы субсидирования медицинского страхования [9]. Теоретически обсуждается введение гибридного статуса между самозанятыми и наёмными работниками для платформенной занятости.

– **Германия: акцент на социальную интеграцию**

В Германии самозанятость (Selbstständigkeit) и индивидуальное предпринимательство регулируются Гражданским кодексом (BGB) и Законом о содействии самозанятости (Gesetz zur Förderung der Selbstständigkeit) [10]. В 2023 году в стране насчитывалось около 4,2 млн ИП и 2,5 млн самозанятых, преимущественно в сфере услуг и ИТ [11]. Немецкая модель ориентирована на интеграцию самозанятых в систему социальной защиты, что отличает её от американской.

Теоретический подход базируется на концепции социального рыночного хозяйства, где самозанятость рассматривается как часть устойчивой экономики. Немецкие исследователи, такие как Забелина, подчёркивают важность баланса между экономической свободой и социальной ответственностью государства [12]. Самозанятые в Германии делятся на две категории: Freiberufler (свободные профессии, например, врачи, юристы) и Gewerbetreibende (торгово-промышленные предприниматели). Первая категория пользуется налоговыми льготами и упрощённым регулированием.

Практическое регулирование включает обязательную регистрацию в налоговом органе (Finanzamt) и, для Gewerbetreibende, в торговом реестре. Самозанятые платят подоходный налог (14–45 %) и, в отличие от России, обязаны вносить взносы в систему социального страхования (около 14 % на медицинское и 18,6 % на пенсионное страхование) [10]. Freiberufler освобождены от некоторых взносов, что стимулирует занятость в креативных отраслях. Процедура регистрации занимает до 10 дней, а налоговая отчётность обязательна для всех категорий. Германия активно поддерживает самозанятых через гранты и программы обучения, такие как Existenzgründungszuschuss, предоставляющие стартовый капитал [13].

Проблемы и решения: Высокие социальные взносы снижают привлекательность самозанятости для низкодоходных групп. В 2024 году правительство Германии предложило снизить минимальные взносы для самозанятых с доходом ниже 1700 евро в месяц. Также обсуждается реформа статуса «лже-самозанятости» (Scheinselbstständigkeit), чтобы предотвратить злоупотребления со стороны работодателей, использующих самозанятых для обхода трудового законодательства.

– **Китай: массовая самозанятость как инструмент занятости**

В Китае самозанятость и индивидуальное предпринимательство регулируются Законом об индивидуальных частных предприятиях и Положением о содействии развитию самозанятых предпринимателей. В 2023 году в стране насчитывалось 111 млн ИП и около 100 млн самозанятых, что делает Китай лидером по численности этих

категорий. Самозанятость активно поддерживается государством как средство борьбы с безработицей, особенно в сельских регионах.

Теоретический подход в Китае ориентирован на прагматизм: самозанятость рассматривается как инструмент экономической стабильности и сокращения бедности. Китайские экономисты, такие как Ли, подчёркивают роль самозанятых в развитии электронной коммерции и платформенной экономики (например, через платформы Taobao и Pinduoduo). Государство поощряет массовую самозанятость, но теоретические дискуссии о социальной защите остаются ограниченными.

Практическое регулирование предполагает регистрацию ИП и самозанятых в местных органах администрации, что занимает до 15 дней. ИП платят налог на предпринимательскую деятельность (20 %), а самозанятые — подоходный налог (10–45 % в зависимости от дохода). Обязательные страховые взносы составляют 39 % для ИП и 11 % для самозанятых, но их уплата часто игнорируется в сельских регионах из-за слабого контроля. Самозанятые не имеют права нанимать персонал, а налоговая отчётность обязательна. Государство предоставляет налоговые льготы и микрокредиты для самозанятых, особенно в сфере e-commerce, что способствовало росту их числа на 15 % в 2022–2024 годах.

Проблемы и решения: Основная проблема — низкая социальная защищённость и неравномерное регулирование между городскими и сельскими регионами. В 2024 году Китай запустил пилотные программы по субсидированию пенсионных взносов для самозанятых в провинциях Гуандун и Чжэцзян. Также обсуждается упрощение налоговой отчётности для микропредприятий, чтобы снизить административную нагрузку.

Сравнение зарубежного опыта с Россией и рекомендации

– Правовой статус и регистрация

В России правовой статус самозанятых и ИП чётко разграничен. Самозанятые регулируются Федеральным законом № 422-ФЗ от 27.11.2018, а ИП — Налоговым кодексом РФ [1]. Регистрация самозанятых через приложение «Мой налог» занимает менее 10 минут, что является одним из самых простых процессов в мире. ИП регистрируются через сайт ФНС или МФЦ за 3–5 дней. В США регистрация также упрощена (через сайт IRS), но требует получения EIN, что может занять до недели [4]. В Германии процесс сложнее из-за обязательной регистрации в Finanzamt и, для некоторых категорий, в торговом реестре [10]. В Китае регистрация занимает до 15 дней, что менее удобно, чем в России.

Сравнение: Российская модель регистрации самозанятых превосходит зарубежные аналоги по скорости и простоте. Однако для ИП административные процедуры в США и Германии более гибкие благодаря региональным вариациям, тогда как в России они унифицированы.

цированы. Китай отстаёт по удобству регистрации, но компенсирует это льготами для микропредприятий.

Рекомендации: Сохранить упрощённую регистрацию самозанятых и распространить её принципы на ИП, внедрив полностью цифровую процедуру без необходимости посещения МФЦ. Изучить опыт Германии по дифференциации самозанятых (например, аналог *Freiberufler*) для креативных профессий [12].

– **Налогообложение и социальные взносы**

В России самозанятые платят НПД (4 % для доходов от физлиц, 6 % от юрлиц), что значительно ниже, чем в США (15,3 % SECA + подоходный налог), Германии (14–45 % подоходный налог + социальные взносы) или Китае (10–45 % подоходный налог) [1, 4, 10, 15]. ИП в России используют УСН (6 или 15 %), ПСН или НДФЛ (13 %), а также платят фиксированные взносы (около 45 000 рублей в 2024 году). В США налоговая нагрузка на ИП выше из-за SECA и прогрессивной шкалы подоходного налога [4]. В Германии обязательные социальные взносы для ИП и самозанятых составляют до 32 % дохода, что снижает их конкурентоспособность [10]. В Китае налоговая ставка для ИП (20 %) ниже, чем для самозанятых, но социальные взносы (39 %) создают значительную нагрузку.

Сравнение: Россия предлагает одну из самых низких налоговых ставок для самозанятых, но отсутствие обязательных социальных взносов ограничивает их доступ к пенсиям и медицинскому страхованию. США и Германия обеспечивают социальную защиту, но за счёт высокой налоговой нагрузки. Китайская модель менее эффективна из-за неравномерного контроля и высоких взносов для ИП.

Рекомендации: Ввести добровольные социальные взносы для самозанятых, как в Германии, с возможностью субсидирования для низкодоходных групп [10]. Рассмотреть опыт США по упрощённым налоговым вычетам для ИП, чтобы снизить административную нагрузку [9].

– **Социальная защита и поддержка**

В России самозанятые не имеют доступа к оплачиваемым отпускам, страхованию по безработице или обязательным пенсионным накоплениям, что контрастирует с Германией, где социальные взносы обеспечивают базовую защиту [10]. В США социальная защита минимальна, но программы вроде Project GATE поддерживают стартапы [7]. В Китае социальная защита для самозанятых практи-

чески отсутствует, хотя микрокредиты и льготы стимулируют предпринимательство. В России поддержка ИП и самозанятых ограничена налоговыми льготами и редкими грантами, в отличие от Германии, где существуют комплексные программы финансирования [13].

Сравнение: Германия демонстрирует наиболее сбалансированную модель социальной защиты, тогда как Россия и Китай отстают в этом аспекте. США компенсируют слабую защиту программами обучения и финансирования, что частично применимо к России.

Рекомендации: Разработать программы поддержки самозанятых, аналогичные немецким *Existenzgründungszuschuss*, с акцентом на обучение и гранты [13]. Внедрить пилотные проекты по субсидированию медицинского страхования для самозанятых, как в некоторых штатах США [9].

Анализ зарубежного опыта регулирования самозанятых и ИП в США, Германии и Китае показывает, что каждая страна решает схожие проблемы (теневая занятость, социальная защита, налоговая нагрузка) с учётом национальных особенностей. США делают акцент на экономической свободе, но сталкиваются с низкой социальной защищённостью [6]. Германия успешно интегрирует самозанятых в систему социального страхования, хотя высокие взносы ограничивают их рост [12]. Китай стимулирует массовую самозанятость, но игнорирует социальные гарантии. Россия, внедрив НПД, создала одну из самых простых и низконалоговых систем для самозанятых, но её слабым местом остаётся отсутствие социальной защиты [1].

Для совершенствования российской модели рекомендуется:

- 1) сохранить упрощённую регистрацию и низкие налоговые ставки;
- 2) ввести добровольные социальные взносы с субсидиями для низкодоходных групп;
- 3) разработать программы обучения и грантов, аналогичные немецким и американским.

Эти меры позволят сбалансировать экономическую свободу и социальную защищённость, укрепив роль самозанятых и ИП в экономике РФ. Дальнейшие исследования могут быть направлены на изучение влияния платформенной занятости на регулирование самозанятости в условиях цифровизации.

Литература:

1. Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»». — М.: КонсультантПлюс, 2018.
2. OECD. The Future of Work: OECD Employment Outlook 2020. — Paris: OECD Publishing, 2020.
3. Li, X. Self-Employment and Economic Development in China. — Beijing: China Economic Review, 2022.
4. Internal Revenue Service. Self-Employment Tax (Social Security and Medicare Taxes). — Washington, D.C.: IRS Publication 334, 2023.
5. U. S. Bureau of Labor Statistics. Employment and Earnings: Self-Employment Trends 2023. — Washington, D.C., 2023.
6. Dollarhide, M. The Gig Economy and Social Security. — Journal of Labor Economics, 2020, vol. 38, no. 4, pp. 897–922.
7. U. S. Small Business Administration. Project GATE: Growing America Through Entrepreneurship. — Washington, D.C., 2003.

8. California Labor Code. Assembly Bill No. 5: Worker Status. — Sacramento: California State Legislature, 2019.
9. Internal Revenue Service. Simplified Tax Deductions for Self-Employed: 2024 Update. — Washington, D.C., 2024.
10. Bürgergesetzbuch (BGB) und Gesetz zur Förderung der Selbstständigkeit. — Berlin: Bundesgesetzblatt, 2020.
11. Statistisches Bundesamt. Selbstständigkeit in Deutschland: Statistik 2023. — Wiesbaden, 2023.
12. Zabelina, E. Soziale Marktwirtschaft und Selbstständigkeit. — Wirtschaft und Gesellschaft, 2023, vol. 49, no. 2, pp. 123–145.
13. Bundesministerium für Wirtschaft und Energie. Existenzgründungszuschuss: Förderprogramm 2023. — Berlin, 2023.
14. Bundesministerium für Arbeit und Soziales. Reform der Sozialbeiträge für Selbstständige: Vorschlag 2024. — Berlin, 2024.

Проблемы процессуальных гарантий защиты прав подозреваемых и обвиняемых в рамках проведения допроса на стадии предварительного расследования

Радченко Виктор Евгеньевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Руденко Александр Викторович, доктор юридических наук, профессор
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье описываются некоторые вытекающие из уголовно-процессуального законодательства проблемы, касающиеся реализации подозреваемыми и обвиняемыми своих прав в ходе проведения допроса, обосновывается важность данного следственного действия для стороны защиты. Помимо этого, анализируется судебная практика, касающаяся рассматриваемого вопроса.

Ключевые слова: уголовный процесс, допрос.

Уголовный процесс представляет собой особую, жестко регламентированную процедуру, направленную в первую очередь на защиту государством граждан от преступных посягательств. Осуществление данной деятельности возлагается в первую очередь на специально уполномоченные органы, непосредственно осуществляющих предварительное расследование.

Изобличение виновных в совершении преступления зачастую является достаточно сложной задачей. Дело не только в их естественном стремлении противодействовать расследованию, избежать уголовной ответственности. Получивший сообщение о совершении преступного посягательства следователь сталкивается с недостатком информации. Он может только лишь на основе имеющихся сведений предполагать о случившемся, выстраивать версии [1].

Учитывая особую значимость и затрудненность рассматриваемой деятельности, законодатель наделил органы предварительного расследования рядом полномочий принудительного характера. Однако отмеченная выше неосведомленность следователя относительно фактических обстоятельств дела порой побуждает его применять указанные меры воздействия по отношению к участникам уголовного судопроизводства, в том числе к тем из них, кто не совершал преступного посягательства. Сказанное относится не только к лицам, имеющих процессуальный статус свидетелей или потерпевших. Подозреваемые, а в некоторых случаях и обвиняемые, будучи признанными таковыми, в действительности могут оказаться вовсе не причастными к произошедшему.

Действующий УПК РФ провозглашает назначением уголовного судопроизводства не только защиту прав и законных интересов пострадавших от совершения преступления, но и ограждение невиновных от необоснованных ограничений, обвинений и осуждений [2].

Конституция Российской Федерации закрепляет, что каждый имеет право защищать свои права всеми способами, не запрещенными законом. Об этом также не один раз отмечал Верховный Суд, например в Постановлении от 30 июня 2015 года № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» [3]. Одним из немногих следственных действий, предоставляющим возможность непосредственно защититься от предъявленного подозрения или обвинения, является допрос. Именно посредством дачи показаний, лицо может изложить собственное видение событий, сообщить о наличии алиби и т. д. Более того, допрос является самым распространенным следственным действием, без проведения которого не обходится практически ни одно уголовное дело. Поэтому нам представляется важным более детальное рассмотрение процессуальных гарантий, обеспечивающих допрашиваемым лицам возможность эффективной дачи показаний для защиты своих прав.

Проанализировав нормы УПК РФ, хотим отметить в рамках данной статьи некоторые проблемы. В целях выполнения данных ранее показаний, уголовно-процессуальное законодательство закрепляет возможность проведения дополнительного допроса. С одной стороны, подозреваемый и обвиняемый вправе давать объяснения

и показания по поводу имеющегося в отношении них подозрения или обвинения, что отмечается соответственно в статьях 46 и 47 УПК РФ. На первый взгляд, указанным положениям должна корреспондировать обязанность органов предварительного расследования провести дополнительный допрос по желанию данных лиц. Однако на практике в этом праве могут отказывать в этом, мотивируя это тем, что следователь направляет ход расследования самостоятельно, в том числе решает вопрос о производстве того или иного следственного действия.

Трудно безусловно сказать, верен ли данный подход или нет. Необоснованный отказ от дачи показаний бесспорно является ограничением права на защиту. Например, в постановлении Московский городской суд поддержал позицию следователя, мотивируя это, как было отмечено выше, его процессуальной самостоятельностью. Решение об отсутствии необходимости в проведении дополнительного допроса, как было отмечено судом, не свидетельствует о нарушении уголовно-процессуального законодательства и не может причинить ущерб конституционным правам и свободам обвиняемого, затруднить ему доступ к правосудию [4].

С другой стороны, анализ судебной практики также показал, что, пытаясь реализовать свое право, обвиняемые фактически осуществляли противодействие расследованию. Так Московским городским судом было установлено, что обвиняемым не один раз подавалось ходатайство о проведении дополнительного допроса. Несмотря на то, что данные ходатайства удовлетворялись неоднократно, была предоставлена возможность высказаться по существу предъявленного обвинения, в том числе с учетом изученных материалов уголовного дела, он каждый раз желал дать новые показания. При этом обвиняемый не указывал, по каким обстоятельства его необходимо вновь допрашивать, в связи с чем, суд не нашел оснований для удовлетворения ходатайства дополнительном допросе [5].

Конечно, решение следователя можно обжаловать, а если оно не будет в последствии отменено — предоставить показания в ходе судебного следствия. Но на наш взгляд, такой вариант не всегда является наиболее оптимальным решением для стороны защиты. Ситуации на практике могут складываться самым разным образом, и дача дополнительных показаний на стадии предварительного расследования может быть необходима. Например, это может иметь значение при избрании меры пресечения, заменить ее на менее строгую, тем самым дать дополнительное время на сбор доказательств и т. д.

Еще одной проблемой, которую уже не один раз освещали в научной литературе, является формулировка ч.2

ст.190 УПК РФ, в соответствии с которой «показания допрашиваемого лица записываются, по возможности, дословно». Тем самым следователям предоставляется возможность перефразировать показания, что может иметь особенное значение при установлении признаков субъективной стороны совершенного преступления и, соответственно, повлиять на дальнейшую квалификацию содеянного. Решить данную проблему призвана ч.6 ст.190, в соответствии с которой допрашиваемый может ходатайствовать об уточнении протокола допроса. Но, к сожалению, на практике данная возможность не всегда реализуется. Особенно данная проблема имеет место при допросе свидетелей, у которых зачастую отсутствует заинтересованность в закреплении строго точных формулировок в показаниях.

В этом году в Государственную Думу был внесен законопроект об изменении некоторых положений УПК РФ, в том числе касающиеся проведения допроса. Инициаторы поправок предлагают дополнить ст.217, закрепив право стороны защиты на дополнительный допрос ранее давших показания свидетелей и потерпевших [6]. Хотя это и не является основной целью законодателя, но введение данной меры косвенно может поспособствовать решению проблемы искажения показаний стороной обвинения.

Но все же нельзя сказать, что предложенные нормы будут в должной мере гарантировать защиту прав подозреваемых и обвиняемых. Ведь при таком подходе, например, при смерти, тяжелом состоянии свидетелей, потерпевших исключается сама возможность проведения дополнительного допроса. Поэтому следует согласиться с мнением авторов, утверждающих о необходимости введения наиболее, на наш взгляд, эффективной меры — обязательной аудио фиксации данного следственного действия. В подтверждение данной позиции Узгорская И. А. приводит результаты анализа рассмотрения уголовных дел в судах Краснодарского края, согласно которым среди допущенных искажений показаний, каждое четвертое было ложным (допрашиваемые в суде лица не могли повторить их) [7]. В условиях нынешнего развития науки, техники и производства решение данной задачи представляется вполне возможным.

Таким образом, уголовно-процессуальное законодательство нуждается в дополнениях, усиливающих гарантии защиты прав стороны защиты в ходе проведения допроса. Однако, все обозначенное выше — это лишь малая часть тех проблем, которые содержит в себе ныне действующий УПК РФ, к тому же, по мнению значительной части авторов, усугубляемых так называемым «обвинительным уклоном».

Литература:

1. Воскобитова Л. А. Уголовный процесс: учебник для бакалавров / под ред. Л. А. Воскобитовой. М., 2016. С. 8.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 07.06.2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/

3. О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном процессе: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29 // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181898/.
4. Апелляционное постановление Московского городского суда от 2 июня 2014 г. по делу № 10-7172/14. — URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/777276113>.
5. Апелляционное постановление Московского городского суда по делу 10-23374/2019. — URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/cases/docs/content/bd9bb0f5-c6dd-4e2e-a23f-0d5c4f03b50e>.
6. Законопроект № 856221-8 «О внесении изменений в статьи 217 и 281 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СОЗД ГАС «Законотворчество». — URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/856221-8>.
7. Узгорская И. А. Необходимость применения аудиозаписи при производстве допросов на стадии предварительного расследования // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2020. № 4 (50). С.73.

Информационные технологии в системе государственного управления Российской Федерации

Россошанский Илья Олегович, студент
Ульяновский государственный университет

Статья анализирует процесс глубокого внедрения информационных технологий в систему государственного управления России. Автор исследует ключевые элементы инфраструктуры электронного правительства, нормативно-правовую базу и основные векторы цифровой трансформации. Делается вывод о фундаментальной роли информационных технологий как стратегического ресурса, перестраивающего принципы и методы публичного администрирования РФ вокруг потребностей пользователей и данных.

Ключевые слова: информационные технологии, государственное управление, цифровая трансформация, электронное правительство.

Проникновение информационных технологий (ИТ) в сферу государственного управления представляет собой один из наиболее значимых трендов современного публичного администрирования. В Российской Федерации данный процесс приобрел системный характер, трансформируя традиционные механизмы взаимодействия государства с гражданами и бизнесом, а также внутренние процессы принятия управленческих решений. Информация эволюционировала в стратегический ресурс государственного управления, а технологии её обработки стали инструментом реализации властных полномочий. Современные исследования подчеркивают, что эффективное использование информационных технологий напрямую коррелирует с качеством государственных услуг, уровнем прозрачности власти и способностью государства реагировать на вызовы сложного, динамичного общества. В контексте российской действительности, характеризующейся обширной территорией, социально-экономической дифференциацией регионов и геополитическими вызовами, роль ИТ в управлении приобретает особую значимость.

Концептуальное осмысление роли ИТ в государственном управлении требует четкого определения базовых понятий. В научной литературе под информационными технологиями в государственном управлении понимается совокупность методов и инструментов сбора, обработки, хранения, систематизации и передачи данных,

применяемых в процессе разработки, принятия и реализации управленческих решений органами публичной власти [7, с. 331]. Эта деятельность направлена на достижение стратегических целей государства и повышение эффективности функционирования его институтов.

Историческая ретроспектива позволяет выделить ключевые этапы интеграции ИТ в российскую систему государственного управления. Начальный этап (конец 1990-х — начало 2000-х гг.) связан с осознанием необходимости преодоления цифрового отставания и формированием первых программных документов. Федеральная целевая программа «Электронная Россия (2002–2010 годы)» стала отправной точкой, обозначившей задачи сокращения бюрократии и повышения прозрачности через цифровые инструменты. Следующий этап (2010-е гг.) характеризовался концептуализацией перехода к информационному обществу. Государственная программа «Информационное общество (2011–2020 годы)» и утвержденная в 2017 году «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» закрепили цели повышения доступности электронных госуслуг, развития цифровых компетенций госслужащих и трансформации управленческих процессов. Современный этап определяется логикой цифровой трансформации, предполагающей не просто автоматизацию существующих процессов, а их фундаментальное переосмысление и оптимизацию с использованием возможностей ИТ.

Формирование эффективной системы использования ИТ в государственном управлении потребовало создания развитой нормативно-правовой базы. Ключевыми документами, регулирующими эту сферу, являются Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ, Федеральный закон «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» от 27.07.2010 № 210-ФЗ, а также упомянутая Стратегия развития информационного общества до 2030 года. Эти акты устанавливают принципы информационного обмена, права граждан на доступ к информации, требования к защите данных и регламентируют предоставление услуг в электронной форме.

Инфраструктурная основа электронного правительства в РФ представляет собой сложную многоуровневую систему. Ее ядро составляют:

1. Единый портал государственных и муниципальных услуг (ЕПГУ): ключевая точка входа граждан для получения широкого спектра услуг — от подачи налоговой декларации до записи к врачу. ЕПГУ интегрирован с федеральным реестром государственных услуг, обеспечивая стандартизацию и доступность.

2. Единая система идентификации и аутентификации (ЕСИА): централизованная система, гарантирующая безопасный и однозначный доступ пользователей к электронным сервисам различных ведомств через единую учетную запись, что критически важно для реализации принципа «одного окна».

3. Система межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ): технологическая платформа, обеспечивающая безопасный обмен данными между информационными системами различных органов власти, устраняя необходимость требовать от заявителей документов, уже находящихся в распоряжении государства.

4. Единая система нормативно-справочной информации (ЕСНСИ): поддерживает единство и актуальность классификаторов, справочников и реестров, используемых в государственных информационных системах.

5. Комплексные системы информационной безопасности: включая инфраструктуру удостоверяющих центров, обеспечивают защиту конфиденциальных данных и формируют единое пространство доверия в условиях растущих киберугроз.

Координацию и контроль в сфере государственных информационных ресурсов осуществляют Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ (общая координация, создание ресурсов), ФСБ России

и Роскомнадзор (защита информации), Росимущество (учет ресурсов как имущества), Роспатент (учет интеллектуальной собственности).

Внедрение ИТ трансформирует государственное управление по нескольким основным векторам. Во-первых, кардинально меняется взаимодействие с гражданами и бизнесом. ЕПГУ стал основным каналом получения государственных услуг, существенно сокращая временные и материальные издержки пользователей. Тренд перевода офлайн-услуг в онлайн-формат, ускоренный пандемией COVID-19, продолжает набирать обороты.

Во-вторых, ИТ революционизируют внутриведомственные и межведомственные процессы. Электронный документооборот, системы управления проектами и ресурсами, системы поддержки принятия решений на основе анализа больших данных повышают скорость и обоснованность управленческих решений, сокращают бюрократическую волокиту. СМЭВ обеспечивает интеграцию разрозненных информационных систем, создавая единое информационное пространство власти. Это позволяет преодолевать разобщенность ведомств и повышает скоординированность действий государственного аппарата.

В-третьих, ИТ являются инструментом повышения открытости и подотчетности власти. Публикация проектов нормативных правовых актов на порталах regulation.gov.ru и pravo.gov.ru, функционирование официальных сайтов органов власти в соответствии с едиными требованиями, открытые данные — все это создает возможности для общественного контроля и вовлечения граждан в процессы управления. Информационные технологии становятся основой для развития элементов электронной демократии.

В-четвертых, происходит цифровизация регионального и муниципального управления. Концепция региональной информатизации направлена на преодоление цифрового неравенства между субъектами РФ и обеспечение единого стандарта качества государственных услуг на всей территории страны.

Таким образом, можно сделать вывод, что информационные технологии стали неотъемлемым элементом системы государственного управления Российской Федерации, трансформируя его принципы, методы и инструменты. От первоначальной автоматизации отдельных функций и создания электронного правительства фокус смещается в сторону глубокой цифровой трансформации, предполагающей перестройку процессов и сервисов во круг потребностей пользователя на основе данных.

Литература:

1. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 12.12.2023) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> — 12.12.2023.
2. Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ (ред. от 31.07.2023) «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> — 31.07.2023.

3. Асриянц К. Г., Асриянц Д. В. Информационные технологии в государственном управлении // Индустриальная экономика. 2022. № 3. С. 217–220.
4. Каюмов Р. С., Сайтгареева Р. Ш., Кузяшев А. Н. Роль информационных технологий в государственном управлении и местном самоуправлении // Научный электронный журнал Меридиан. 2020. № 7(41). С. 15–17.
5. Мирсаяпов Э. Р., Ямалетдинова К. Ш. Информационные технологии в государственном управлении в России // Актуальные исследования. 2024. № 45(227). С. 1642.
6. Пащенко И. Ю. Современный этап развития информационного общества в Российской Федерации: цифровая информация, информационные технологии и государственное управление // Административное право и практика администрирования. 2022. № 3. С. 58–68.
7. Троянская М. А., Еременков А. А. Информационные технологии в государственном управлении: понятие, виды, задачи и направления регулирования // Вестник Академии знаний. 2022. № 3. С. 331–337.

Особенности информатизации на муниципальном уровне: проблемы и перспективы

Россошанский Илья Олегович, студент
Ульяновский государственный университет

Статья посвящена исследованию процессов информатизации на муниципальном уровне управления в условиях цифровой трансформации публичного администрирования. Рассматриваются ключевые вызовы, с которыми сталкиваются органы местного самоуправления: ограниченность ресурсов, цифровое неравенство, кадровый дефицит и риски информационной безопасности. Определены перспективные направления цифровизации местного самоуправления, такие как интеграция больших данных, искусственного интеллекта и мобильных решений, адаптированных к локальным условиям.

Ключевые слова: информатизация, муниципальное управление, цифровая трансформация, местное самоуправление.

Информатизация муниципального уровня управления представляет собой сложный многогранный процесс, приобретающий особую актуальность в условиях внешних вызовов и ускоренной цифровой трансформации публичного администрирования. Современные социально-экономические и геополитические реалии, включая внешнеполитическую турбулентность и переход к модели управления развитием, актуализируют вопросы эффективности цифровых коммуникаций между органами местного самоуправления и населением. Муниципалитеты как наиболее приближенный к гражданам уровень власти сталкиваются с уникальными вызовами при внедрении информационных технологий, связанными с ограниченностью ресурсов, спецификой локальных сообществ и необходимостью обеспечения доверия. В условиях реализации федерального проекта «Цифровое государственное управление» в рамках национальной цели «Цифровая трансформация», исследование особенностей информатизации на местном уровне приобретает научную и практическую значимость.

Центральным элементом успешной информатизации муниципального управления выступает фактор доверия, который становится ключевым ресурсом цифровой экономики. Доверие определяет степень принятия гражданами управленческих решений и их уверенность в надёжности цифрового взаимодействия с местными властями.

Исследования демонстрируют, что ускоренный переход к цифровым коммуникациям не только создаёт новые возможности для диалога с населением, но и генерирует репутационные риски, связанные с кризисом доверия к местным органам власти [3, с. 436]. Проблема усугубляется распространением недостоверной информации и фейковых новостей, которые особенно активно циркулируют на местном уровне. В этих условиях цифровые коммуникации превращаются в инструмент не просто информирования, но и формирования устойчивых отношений между властью и обществом, где доверие выступает основным социальным капиталом. Эффективность этого процесса напрямую влияет на легитимность местного самоуправления и способность мобилизовать гражданское участие в решении локальных проблем.

Ключевой особенностью информатизации выступает необходимость создания интегрированного информационного пространства, обеспечивающего согласованность данных между различными службами и ведомствами. На муниципальном уровне достижение этой цели сталкивается с проблемами фрагментации данных, несовместимости технических решений и отсутствия единых стандартов информационного обмена. Особую сложность представляет обеспечение технологической связанности сельских поселений и отдалённых территорий, где ограничены возможности доступа к высокоскоростному ин-

тернету и современным цифровым сервисам. Внедрение систем электронного документооборота частично решает эти проблемы, автоматизируя процессы обработки данных и обеспечивая надёжность хранения информации, однако их адаптация к местной специфике требует существенных доработок.

Одним из наиболее острых ограничений успешной информатизации муниципалитетов выступает кадровый дефицит и недостаточная цифровая компетентность сотрудников местных администраций. Исследования в этой сфере позволяют выделить системные проблемы: недостаточное количество программ повышения квалификации, использование устаревших знаний и технологий в сфере PR и коммуникаций, отсутствие единого языка общения с населением. Цифровая трансформация требует от муниципальных служащих принципиально новых компетенций, включающих навыки онлайн-коммуникации, модерации цифровых площадок, создания доступного контента и взаимодействия с локальными интернет-сообществами. Особое значение приобретают эффективная коммуникация и поддержание доверия, которые не менее важны, чем технические навыки работы с платформами. Кадровый кризис усугубляется слабой привлекательностью муниципальной службы для IT-специалистов, что создаёт замкнутый круг технологического отставания. Решение этой проблемы требует пересмотра подходов к подготовке рабочих кадров. Необходима разработка дифференцированных программ переподготовки, учитывающих специфику различных муниципальных образований и их технологическую оснащённость.

Важной особенностью муниципальной информатизации выступает дисбаланс между информированием населения и получением содержательной обратной связи. Многие местные органы власти сосредоточены преимущественно на трансляции информации о своей деятельности, в то время как механизмы диалога с гражданами остаются неразвитыми. Мониторинг средств массовой информации фиксирует критические комментарии и публикации по проблемам общественного транспорта, качества уборки территорий, переселения из аварийного жилья, однако реакция на эту критику часто носит формальный характер. Такая асимметрия порождает феномен «односторонней прозрачности», когда граждане выступают пассивными реципиентами информации без возможности реально влиять на управленческие решения. Преодоление этого дисбаланса требует внедрения комплексных платформ гражданского участия, интегрированных с региональными и федеральными порталами, но адаптированных к местной специфике. На муниципальном уровне это предполагает создание цифровых инструментов общественного обсуждения локальных инициатив, онлайн-мониторинга исполнения решений и виртуальных приёмных с гарантированными сроками ответа на обращения.

Информатизация муниципального управления сопряжена с существенными рисками информационной без-

опасности, которые на местном уровне приобретают особую специфику. Как отмечают эксперты, современные угрозы включают не только традиционные кибератаки на инфраструктуру, но и воздействие на массовое сознание граждан, осуществляемое через социально-психологические технологии и направленное на разрушение культурного ядра локальных сообществ. Муниципалитеты особенно уязвимы к распространению дезинформации в социальных сетях и мессенджерах, поскольку локальные фейки быстро тиражируются в рамках замкнутых территориальных сообществ. Противодействие этим угрозам требует от местных властей не только технических мер защиты данных, но и развития медийной грамотности населения, создания систем оперативного опровержения ложной информации и сотрудничества с региональными центрами мониторинга информационных угроз. Особую сложность представляет борьба с технологиями информационного противоборства, включающими фабрикацию фактов, утаивание информации, создание информационного шума, которые могут использоваться различными группами влияния в политических или экономических целях на местном уровне [1, с. 158]. Решение этих задач требует пересмотра подходов к информационной безопасности как комплексной системе, сочетающей технические, правовые и социально-психологические компоненты.

Несмотря на многочисленные вызовы, информатизация муниципального уровня открывает значительные перспективы повышения эффективности местного самоуправления. Ключевым направлением развития является создание интегрированных цифровых платформ, объединяющих услуги, обратную связь и механизмы общественного участия в единой среде. Такие платформы должны обеспечивать быстрое действие и прозрачность экономической информации, повышение эффективности рыночных механизмов применительно к локальным рынкам и муниципальным закупкам. Важным ресурсом выступает развитие мобильных решений, адаптированных к возможностям регионов и учитывающих различный уровень цифровой грамотности пользователей. Также, перспективным направлением является внедрение технологий больших данных и искусственного интеллекта для прогнозирования социальных процессов на местном уровне и моделирования эффектов управленческих решений. Однако успех этих инноваций напрямую зависит от решения фундаментальных проблем доверия, кадрового обеспечения и преодоления цифрового неравенства внутри муниципальных образований.

Таким образом, можно сделать вывод, что информатизация на муниципальном уровне представляет собой сложный социотехнический процесс, эффективность которого определяется балансом между технологическими инновациями, кадровым потенциалом и уровнем доверия граждан. Особенности этого процесса связаны с высокой степенью неоднородности муниципальных образований, ограниченностью ресурсов, необходимостью учёта местной специфики и прямым контактом с конеч-

ными потребителями услуг. Успешная информатизация муниципального уровня способна стать катализатором достижения национальных целей развития, обеспечив

«цифровую зрелость» социальной сферы и повышение качества жизни через доступность и персонализацию публичных услуг.

Литература:

1. Крицкая А. А., Безрукова Д. С., Пустовалова Ю. С., Грачев П. В. Роль информационных технологий в обеспечении национальной безопасности // История. Культурология. Политология. 2022. № 4. С. 156–159.
2. Комов Д. А., Таланов А. Д., Кузнецов А. К., Никулин А. С. Информационное обеспечение и единое информационное пространство в сфере государственного и муниципального управления // Экономика и социум. 2020. № 12. С. 635–642.
3. Потапова Е. П., Савельев И. И., Еремеева А. П. Цифровые коммуникации в местном самоуправлении // Экономика и бизнес: теория и практика. 2023. № 6. С. 431–448.
4. Рожков Е. В. Характерные особенности цифровизации на уровне муниципального образования // Инновационная наука, № 2–1. 2023, С. 53–56.
5. Щёголев Е. Н. Муниципальное образование как базис системы управления территорией в условиях цифровизации // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 3. С. 31–35.

Стимулирование исправления и перевоспитания осужденных к лишению свободы с помощью мер уголовно-правового поощрения

Сахно Анжелика Владимировна, студент магистратуры;

Матвеева Сабрина Вячеславовна, студент магистратуры

Научный руководитель: Ключенко Лариса Николаевна, кандидат юридических наук, кандидат филологических наук, доцент
Российский новый университет (г. Москва)

В соответствии с действующим законодательством Российской Федерации, цели уголовного наказания определены в статье 43 УК РФ. Согласно данной норме, наказание применяется не только для восстановления социальной справедливости, но и для исправления осужденного. В уголовно-исполнительном законодательстве цели наказания предусмотрены ч.1 ст.1 УИК РФ. Ими являются: исправление осужденных и предупреждение новых преступлений как осужденными, так и иными лицами.

В уголовно-исполнительном законодательстве исправление осужденных выделено в качестве совокупности правовых норм, которые регламентируют процесс воспитательной работы с осужденными, направленной на формирование необходимых качеств для добропорядочной жизни в обществе.

На наш взгляд, исправление осужденных как главная цель уголовно-исполнительного законодательства, невозможна без средств стимулирования.

В. М. Баранов дает определение стимулирования осужденных. Он пишет: «Стимулирование осужденных-дуалистическое понятие, которое охватывает тождество и единство двух относительных противоположностей-поощрение и ответственность. И если ответственность-его негативная сторона, то поощрение — положительная». [3, с. 6]. В то же время условия применения более сложных мер поощрения, таких как замена неотбытого срока наказания (ст. 80 УК) и условно-досрочное освобождение (ст.

79 УК) достаточно сложны для понимания осужденного. Это вопрос поднимают Шевелева С. В. и Можайкина В.А в работе «Принцип неотвратимости наказания в уголовно-исполнительном праве: от декларирования к возможности реализации». Нельзя не согласиться с их мнением о том, что «Стимулирующие на правопослушное поведение меры должны быть понятны и прозрачны для каждого осужденного. В настоящее время говорить об этом не приходится» [4]

Мы хотели бы более детально углубиться в положительный аспект стимулирования, то есть меры поощрения осужденных.

С. А. Ветошкин предлагал рассматривать меры поощрения в качестве самостоятельного средства исправления. [6] Мы полагаем, что система мер поощрений, будучи самостоятельной в правовом отношении, является формой юридической реакции с определенными последствиями на демонстрируемое осужденным положительное поведение.

Уголовно-исполнительное законодательство не дает конкретного определения мер поощрения, но устанавливает основания и порядок их применения.

В соответствии со ст. 113 УИК РФ основаниями для мер поощрения являются: хорошее поведение, добросовестное отношение к труду или обучению, активное участие в воспитательных мероприятиях. Данная статья предусматривает такие уголовно-правовые меры поощрения к осужденным к лишению свободы, как: благодарность, на-

граждение подарком, денежная премия, разрешение на получение дополнительной посылки или передачи, предоставление дополнительного краткосрочного или длительного свидания разрешения на дополнительное расходование денег до трех тысяч рублей на продукты или предметы первой необходимости, увеличение времени прогулки для осужденных, отбывающих наказание в строгих условиях в колониях или тюрьмах, досрочное снятие ранее возложенного взыскания. В частях 2 и 3 статьи 113 УИК предусмотрены и другие меры поощрения. [1]

Статья 114 УИК РФ определяет порядок применения положительных мер воздействия, перечисленных в предыдущих статьях.

На наш взгляд, меры поощрения к осужденным к лишению свободы — это одно из самых действенных средств исправления осужденных, в которых заложен еще и принцип справедливости — базовый принцип уголовно-исполнительного права. Полагаем, что в целях стимулирования правопослушного поведения необходимо не только расширять перечень указанных мер, но и применять их к наказаниям, не связанным с лишением свободы.

Нельзя не согласиться с Помошниковой Н. В., которая приходит к выводу о том, что меры поощрения являются «особым средством обеспечения непенитенциарного режима» [2]. При оценке мер поощрения, применяемых к осужденным к лишению свободы, следует выделить две основные группы. К первой группе относятся разовые меры, которые в основном применяются за положительные поступки и не предполагают долгосрочных изменений в правовом статусе осужденных. Данные меры обычно проявляются в виде единовременного предоставления каких-либо прав в знак благодарности, их влияние на объем прав незначительно. Вторая группа стимулирующих мер предполагает изменение правового положения осужденного и является реакцией на систематическое добропорядочное поведение.

Таким образом, меры поощрения являются системой стимулирования осужденных к исправлению через улуч-

шение условий отбывания наказания. Мы полагаем, что изменения условий отбывания наказания осужденных следует рассматривать как меры поощрения в более широком смысле, так как данные мероприятия усиливают воспитательный процесс и содействуют формированию у заключенных психологической, этической и нравственной готовности к интеграции в общество после освобождения.

Обратимся к практике применения мер поощрения и их влияния на перевоспитание и исправление осужденных: на 1 января 2023 года в местах лишения свободы находилось 433 006 человек, а уже к 1 января 2025 года их число сократилось до 313 тысяч. Анализ обобщающей информации ФСИН за 2024 год показал: 1) В Российской Федерации за 2024 год применено свыше 490000 (в дальнейшем 100 %) мер поощрения; 2) Самой распространенной мерой поощрения осужденных стала благодарность — более 47 %; 3) На втором месте находится получение дополнительной посылки или передачи — более 30 %; 4) В системе исправительных учреждений достаточно часто применяются меры поощрения, направленные на досрочное снятие дисциплинарных взысканий — 12 % и предоставление дополнительных кратковременных или длительных свиданий — 5 %; 5) Менее распространены меры, связанные с разрешением на выходные дни за пределы колонии и денежными премиями — менее 1 % от общего числа; 6) Почти не применились меры поощрения в виде награждения подарками, увеличения расходов или времени прогулки — менее 0,1 %. [6]

Соотношение заключенных и примененных мер поощрения может свидетельствовать о большом стремлении осужденных к исправлению и перевоспитанию. Тем самым доказывая, что меры поощрения выступают стимулирующим фактором в главных целях уголовно-исполнительного законодательства.

Таким образом, на наш взгляд, меры поощрения как стимулирующий фактор играют ключевую роль в перевоспитании и исправлении осужденных к лишению свободы.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 23.11.2024).
2. Помошкова Н. В. Содержательные свойства уголовных наказаний без изоляции от общества «Современное право», 2024, N 8 СПС КонсультантПлюс: <https://online11.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=155224&cacheid>
3. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 N 1-ФЗ (ред. от 25.10.2024)
4. Уголовно-исполнительное право: учебник для вузов / И. Я. Козаченко [и др.]; под редакцией И. Я. Козаченко, А. П. Деткова, В. А. Попова. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. — 480 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-19081-6. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/555904> (дата обращения: 28. 04. 2025).
5. Шевелева С. В., Можайкина В. А. Принцип неотвратимости наказания в уголовно-исполнительном праве: от декларирувания к возможности. «Вестник Пермского университета. Юридические науки», 2021, N 4 СПС КонсультантПлюс // режим доступа: <https://online11.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=140617&cacheid>
6. Баранов Владимир Михайлович. Поощрительные нормы советского социалистического права [Текст] / Под ред. М. И. Байтина. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1978.
7. Официальный сайт Федеральной службы исполнения наказаний. — URL: <http://www.фсин.рф>

8. Ветошкин С. А. Основные средства исправления осужденных в российском уголовно-исполнительном законодательстве // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2020. № 7. С. 10.

Разрешение споров, связанных с применением специального налогового режима — налога на профессиональный доход: анализ судебных решений

Сергеев Владислав Юрьевич, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный аграрный университет

Настоящая статья посвящена анализу судебной практики разрешения споров, возникающих в связи с применением специального налогового режима — налога на профессиональный доход. В работе исследуются ключевые проблемные области, в которых возникают разногласия в указанной сфере. Особое внимание уделяется анализу судебных решений, вынесенных арбитражными судами различных инстанций, с целью выявления тенденций и формирования унифицированного подхода к разрешению налоговых споров в данной сфере.

Ключевые слова: НПД, налог на профессиональный доход, проблемы применения НПД, судебная практика НПД

С начала 2019 года в Российской Федерации введен экспериментальный налоговый режим — налог на профессиональный доход (НПД). Данный режим действует в течение десятилетнего периода и предназначен исключительно для физических лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без регистрации юридического лица либо индивидуального предпринимателя. Основной целью введения НПД является упрощение налогового администрирования и стимулирование легализации самозанятых граждан путем установления пониженных налоговых ставок и освобождения от обязанности ведения бухгалтерского учета и подачи налоговой отчетности.

Пятилетний эксперимент по введению специального налогового режима для самозанятых граждан позволяет осуществить предварительный анализ результатов функционирования налога на профессиональный доход. Положительные аспекты реализации данного режима включают повышение уровня прозрачности экономической активности и увеличение поступлений в бюджетную систему государства. Вместе с тем выявляются отдельные проблемные вопросы, такие как необходимость совершенствования механизма контроля за соблюдением условий применения указанного налогового режима и оптимизации порядка взаимодействия налогоплательщиков с государственными органами. Предлагается комплекс мер по улучшению налогообложения самозанятых, направленный на обеспечение справедливости налогообложения, снижение административных барьеров и создание благоприятных условий для развития малого бизнеса и индивидуальных предпринимателей.

Институционализация налога на профессиональный доход породила ряд острых дискуссий касательно правового статуса самозанятых граждан, процедуры применения нового налогового режима, механизмов налогового контроля деятельности самозанятых и взаимодействующих с ними юридических лиц, а также проблемы воз-

можной маскировки трудовых правоотношений под договорные отношения гражданско-правового характера.

Необходимо подчеркнуть возникновение новой категории участников налоговых правоотношений, включающей непосредственно самозанятых лиц [6, с. 32] и посредников, обеспечивающих функционирование данного налогового режима [5, с. 57]. Важно отметить, что само понятие «самозанятые» отсутствует в действующем налоговом законодательстве, которое использует термин «плательщики налога на профессиональный доход». Хотя выражение «самозанятый» использовалось в российском правоприменительном обороте задолго до появления налога на профессиональный доход, в современных условиях оно преимущественно воспринимается как синоним лица, зарегистрированного в качестве плательщика НПД, вследствие чего оба термина фактически стали взаимозаменяемыми. Так как основная цель законодателя при учреждении налога на профессиональный доход заключалась главным образом в предоставлении гражданам максимально удобного способа постановки на учет и уплаты налога, прочие аспекты деятельности самозанятых лиц (такие как защита потребительских прав, профессиональная ответственность, участие в процедурах закупок, регистрация торговых марок и пр.) изначально остались вне поля зрения проводимого эксперимента и регулировались постфактум по мере выявления возникающих практических потребностей.

К числу значимых проблем, нуждающихся в детальной проработке и возможных мерах урегулирования, относится ситуация, при которой привлечение труда самозанятых граждан используется работодателями в качестве замены традиционным трудовым договорам. Подобное положение дел нередко приводит к фактической замене полноценных трудовых взаимоотношений формализованными договорами с лицами, обладающими особым налоговым статусом. Что касается эпизодического привлечения самозанятых работников, данная практика обычно

не создает значительных трудностей, так как подобный вид трудовой деятельности зачастую носит характер дополнительной временной занятости.

Напротив, применение формата самозанятости гражданами, выполняющими работу полный рабочий день и рассматривающими такую занятость в качестве основного места трудоустройства, порождает целый ряд важных вопросов и проблем, требующих дополнительного изучения и регулирования. Действующий федеральный закон о налоге на профессиональный доход прямо устанавливает запрет на заключение договоров с бывшими сотрудниками организаций ранее чем спустя два года после их официального увольнения. Тем не менее данное ограничение не распространяется на случаи привлечения новых сотрудников сразу в статусе самозанятых лиц, приступающих к выполнению обязанностей впервые. Подобные условия наиболее типичны для молодых специалистов, начинающих свою карьеру и готовых соглашаться на предложение работать в статусе самозанятых, зачастую игнорируя риски отсутствия социальных гарантий и пенсионных отчислений ввиду недостаточной осведомленности о последствиях такого выбора.

Увеличение численности самозанятых граждан в долгосрочной перспективе способно вызвать расширение практики полной занятости в данном статусе, что делает необходимым принятие государственных решений по вопросам обязательного пенсионного и социального страхования указанных категорий работников. Предоставленная самозанятым возможность добровольно вступать в страховые отношения с Социальным фондом Российской Федерации оказалась недостаточно востребованной и эффективной мерой.

Основным преимуществом сотрудничества организаций с самозанятыми работниками выступает возможность снижения расходов на уплату обязательных страховых взносов, что объясняет высокий уровень интереса работодателей к привлечению указанной категории персонала. Эта тенденция особенно актуальна для предприятий, функционирующих в отдаленных регионах Российской Федерации, таких как арктическая зона, где местные предприниматели активно ищут пути минимизации затрат на заработную плату, включая сокращение расходов на региональные льготы и компенсации [7].

Федеральная налоговая служба Российской Федерации предпринимает шаги по предотвращению злоупотребления схемами найма самозанятых лиц, публикуя разъяснения и рекомендации для налогоплательщиков и страхователей. В своих официальных письмах ФНС выделяет ключевые индикаторы, позволяющие установить наличие признаков трудового контракта в отношениях между организациями и самозанятыми гражданами. Служба предупреждает биз-

нес-сообщество о рисках нарушения налогового и страхового законодательства при умышленном искажении реальных трудовых отношений с целью сокращения обязательств по налогообложению и социальным взносам.

Самозанятые граждане освобождены от налогового контроля в рамках действующего эксперимента благодаря предусмотренному законодательством мораторию. Однако аналогичные ограничения не распространяются на коммерческие структуры, привлекающие услуги самозанятых лиц. Такие предприятия подвергаются регулярным проверкам контролирующих органов, результатом чего становится перераспределение гражданско-правовых соглашений в разряд трудовых контрактов, сопровождающееся начислением дополнительных налоговых платежей.

Судебная практика демонстрирует наличие случаев, когда договоры с самозанятыми лицами переоформлялись в трудовые контракты, что свидетельствует о необходимости дальнейшего усиления налогового надзора за предприятиями, использующими труд самозанятых. Это обусловлено стремлением предотвратить замещение трудовых отношений гражданско-правовыми соглашениями и обеспечить соблюдение норм трудового законодательства [1, 2, 3, 4]. Следовательно, наряду с продолжением налогового контроля над организациями, сотрудничающими с самозанятыми гражданами, необходимо проводить информационно-разъяснительные мероприятия, направленные на повышение информированности как самозанятых лиц, так и работодателей о критериях разграничения трудовых и гражданско-правовых отношений. Практика показывает, что далеко не все участники экономических процессов четко осознают различия между указанными видами договоров, что увеличивает вероятность ошибок и злоупотреблений.

Подводя итог проведенного промежуточного анализа, можно сформулировать следующие выводы. Количество зарегистрированных самозанятых существенно превзошло изначальные прогнозы. Такой рост обусловлен привлекательностью самой модели налогового режима: простотой оформления, низкими ставками налогообложения, стабильностью правовой базы, создающими чувство уверенности и доверия у налогоплательщиков. Кроме того, распространение института самозанятости способствует активному использованию работодателями данного формата с целью снижения собственных финансовых издержек, что неизбежно ведет к трансформации современного рынка труда и формирует потребность в выработке эффективных механизмов социальной защиты и предоставления трудовых гарантий лицам, занимающимся самозанятой деятельностью. Ожидается, что указанные вопросы найдут свое решение в ближайшие годы, оставшиеся до окончания пилотного проекта в 2028 году.

Литература:

1. Определение Верховного Суда РФ от 14.08.2023 № 304-ЭС23-11687 по делу № А46-12519/2022. — URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/cd4765da-256c-47be-8b45-9cc82646ff27> (дата обращения: 30.06.2025).

2. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 25.09.2023 № Ф06–8120/2023 по делу № А55–33688/2022. — URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/717c021f-2c35-4413-a232-035cd61f65ee> (дата обращения: 30.06.2025).
3. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 25.08.2023 № Ф06–7321/2023 по делу № А65–23239/2022. — URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/99fba972-72ab-4793-bd98-c2ec86853d42> (дата обращения: 30.06.2025).
4. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 28.09.2023 № Ф09–6433/23 по делу № А07–32910/2022. — URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/1ee30485-4d5f-430f-a709-ab22f456db30> (дата обращения: 30.06.2025).
5. Лютова, О. И. Операторы электронных площадок как участники налоговых отношений цифровой эпохи (на примере налога на профессиональный доход) / О. И. Лютова // Правоприменение. — 2020. — № 4 (4). — С. 56–67.
6. Ситник, А. А. Самозанятые лица как субъекты налоговых правоотношений / А. А. Ситник // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2018. — № 3. — С. 31–35.
7. Стенограмма конференции «Предприниматели Арктики: путь от выживания к развитию». — URL: <https://clck.ru/3MsCF8> (дата обращения: 25.06.2025).

Иммуни́тет адвокатского высказы́вания

Стегура Евгения Анатольевна, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Научная статья посвящена иммунитету адвокатского высказывания, анализируется правовая природа данного института, закрепленного в ст. 18 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», и его значение для защиты прав доверителей. Автор исследует проблемы правоприменения иммунитета адвокатского высказывания, связанные с разграничением законных действий адвоката и возможных правонарушений.

Ключевые слова: адвокатский иммунитет, независимость адвокатуры, защита прав доверителей, клевета, оскорбление, судебная власть, адвокатская этика.

Провозглашенный в пункте 2 статьи 18 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» запрет на привлечение адвоката к какой-либо ответственности (в том числе после приостановления или прекращения статуса адвоката) за выраженное им при осуществлении адвокатской деятельности мнение, если только вступившим в законную силу приговором суда не будет установлена виновность адвоката в преступном действии (бездействии), имеет немало важное значение в обеспечении независимости адвоката [1]. Данный запрет в юридической литературе носит название иммунитета адвокатского высказывания.

Иммуни́тет адвокатского высказы́вания непосредственно способствует реализации адвокатом своей основной обязанности, а именно представлять законные интересы своих доверителей, не опасаясь при этом быть подвергнутым любому из видов наказания за высказанное им мнение. Данная гарантия направлена на усиление защиты прав обвиняемого, подозреваемого, содействие справедливому отстаиванию адвокатом их интересов.

Несмотря на то, что данный иммунитет законодательно закреплен, именно то, как он закреплен, создает некоторые трудности с точки зрения его правоприменения.

Правоприменение иммунитета адвокатского высказывания напрямую зависит от того, попадают ли действия адвоката в каждом случае в категорию «законный» либо содержат в себе признаки правонарушения, которые попадают под действие Уголовного кодекса и относятся к ка-

тегории «противоправно». Проблема о соотношении действий адвоката к той или иной категории весьма сложна, так как у адвоката не может быть иммунитета от уголовной ответственности за защиту, осуществляемую путем совершения преступлений, таких, например, как оскорбление или клевета. Наряду с этим, любое ущемление либо попираание свободы адвокатского высказывания ставит под сомнение соблюдение права защищаемого адвокатом лица на беспристрастное, справедливое и независимое судебное разбирательство, гарантированное статьей 10 Всеобщей декларацией прав человека [2].

Российским законодательством предусматривается уголовная (статья 128–1, статья 298–1 Уголовного кодекса Российской Федерации) и административная (статья 5.60 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях) ответственность за клевету в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава, в то время как за оскорбление предусмотрена лишь административная ответственность (статья 5.61 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях) [3].

Под клеветой законодатель понимает распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию, а под оскорблением — унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме. Основываясь на рекомендациях, которые ранее

давал Верховный Суд Российской Федерации в своей практике по данному вопросу, можно сказать, что неприличной следует считать циничную, глубоко противоречащую нравственным нормам, правилам поведения в обществе форму унижительного обращения с человеком. Согласно Постановлению Пленума Верховного суда Российской Федерации № 3 от 24 февраля 2005 года, если субъективное мнение было высказано в оскорбительной форме, унижающей честь, достоинство или деловую репутацию истца, то на ответчика может быть возложена обязанность компенсации морального вреда, причиненного истцу оскорблением [4]. То есть, допускается возможность избрать и применить в отношении адвоката меру пресечения.

В силу того, что категория оскорбления есть достаточно абстрактное и оценочное понятие (исключение составляет лишь употребление непристойных выражений, оскорбительный характер которых достаточно очевиден), а клеветой могут быть только те сведения, очевидность которых не доказана, то будут ли считаться клеветой и оскорблением заявления адвоката, например, о недостаточности оснований, вынесенных прокурором для обвинения подсудимого, или заявление адвоката о фальсификации доказательств тем же следователем? Юридически, данного рода высказывания не должны попадать под категорию клеветы либо же оскорбления, если они выражены посредством приемлемых в обществе слов и выражений, не унижающих честь и достоинство человека, имеющих своей главной целью выразить, указать на присутствующие в деле неправомерные действия, доказанность которых подкрепляется соответствующими доказательствами, при наличии причинно-следственной связи между сделанными заявлениями и необходимостью обеспечить эффективную защиту прав подозреваемого, обвиняемого лица [5]. Но фактически, подобные высказывания не могут не задеть достоинство лица, которому они предназначены, так как они указывают на неправильность его деяний, а следовательно, могут сказаться на его репутации. В силу того, что некоторые элементы адвокатского иммунитета носят неопределенный, оценочный характер, а также взаимодействуют с субъективными категориями (например, мнение или взгляд того же прокурора на заявление адвоката против него), есть необходимость обозначить границы данного иммунитета.

Также необходимо отметить, что адвокат может открыто не соглашаться с позицией прокурора, следователя

по делу, и в этом случае такое поведение не может быть квалифицировано как противоправное. Более того, адвокат обязан указывать на ошибки и недостатки, замеченные им. Исходя из этого адвокат свободен критиковать все, что имеет отношение к делу. Но, тем не менее, такого рода критика должна основываться на фактах и быть уместной и обдуманной [6].

В процессе исполнения своих обязанностей у адвоката может возникнуть необходимость акцентировать внимание суда на тех или иных его действиях, которые затрудняют производство защиты. Закон не запрещает адвокату возражать против действий судей и других участников процесса, но при условии делать это в корректной форме и в соответствии с законом (статья 12 Кодекса профессиональной этики адвоката) [7]. Но если адвокат понимает, что закон уполномочивает суд наложить на него штраф или подвергнуть его тюремному заключению за использование не того стиля речи или не того тона голоса, то есть вероятность, что адвокат изменит свое поведение в суде, из-за чего будет нанесён ущерб интересам защищаемого им лица.

Таким образом, на основе выше представленных положений, можно прийти к выводу, что адвокат недостаточно защищен при осуществлении своей деятельности, он не может свободно, в полной мере выражать свое мнение при исполнении своих обязанностей, что делает работу адвоката наименее эффективной. Именно поэтому необходимо обозначить конкретные границы иммунитета адвокатского высказывания, соблюдая которые, адвокат будет иметь возможность должным образом исполнять свои обязанности без опасения быть подвергнутым мерам пресечения за какое-либо свое высказывание, которое в силу своего субъективизма может быть оценено судом как «противоправное». Р. Г. Мельниченко предлагает следующие ограничения, которые применимы к иммунитету адвокатского высказывания: во-первых, под иммунитет адвокатского высказывания не должен попадать настоящий факт оскорбления, под которым уголовное право понимает унижение чести и достоинства лица, выраженное в неприличной форме; во-вторых, необходимо исключить из иммунитета оскорбления судебной власти, когда они несут в себе серьезный, неотвратимый риск нарушения в отправлении правосудия и связаны с недобросовестностью адвоката; в-третьих, высказывание адвоката не может считаться неправомерным, если оно сделано исключительно в интересах его доверителя [8].

Литература:

1. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 31 мая 2002 г. № 63 — ФЗ: (ред. от 31 июля 2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 23. — Ст. 2102.
2. Всеобщая Декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 дек. 1948 г. // Российская газета. — 1998.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон Рос. Федерации от 30 дек. 2001 г. № 195 — ФЗ: (ред. от 16 апр. 2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 1. — Ст. 1.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 фев. 2005г. № 3. «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // Российская газета. — 2005. — № 50.
5. Дабижа Т. Г. Иммунитет адвокатского высказывания // Адвокатская практика. 2012. — № 5. — С. 25–27.
6. Астахов П. А. Адвокатский иммунитет как гарантия права на защиту: монография / П. А. Астахов. — М.: Изд — во Новая юстиция, 2005. — С. 37–42.
7. Кодекс профессиональной этики адвокатов: принят I Всероссийским съездом адвокатов от 31 янв. 2003 г.: (ред. от 15 апр. 2021) // Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. — 2017. — № 2.
8. Мельниченко Р. Г. Об иммунитете устного высказывания адвоката // Адвокат. 2005. — № 9. — С. 29–32.

Применение Федерального закона № 214-ФЗ в строительном сегменте при работе с физическими лицами

Тюменцева Наталья Викторовна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Тридцатого декабря 2004 года был принят Федеральный закон «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (далее — закон № 214-ФЗ), регулирующий отношения, связанные с привлечением денежных средств физических (покупателей) и юридических лиц (застройщиков) для долевого строительства многоквартирных домов, а также иных объектов недвижимости.

Сторонами в рамках договора долевого строительства (далее — ДДУ) выступают застройщик и будущий собственник квартиры — дольщик. Поскольку физически застройщик еще ничего не построил, дольщик передает ему свои денежные средства на создание объекта недвижимости (дома), становясь при этом своего рода инвестором, который готов, вложив деньги, определенное количество времени ждать, пока застройщик этот дом возведет. При этом застройщик может строить дом как за счет привлеченных денежных средств, так и на собственные.

Все условия ДДУ регулируются законом № 214-ФЗ. Первого июля 2019 года в него были внесены существенные изменения в отношении процедуры внесения дольщиком денежных средств в счет оплаты по договору, что позволило обеспечить этой категории граждан надежную защиту. Ранее в рамках исполнения своих обязательств дольщик перечислял денежные средства застройщику напрямую, и далее ему оставалось только ждать постройки дома. Однако объекты недвижимости не всегда достраивались и проходили процедуру сдачи (получали разрешение на ввод в эксплуатацию) вовремя — нередко застройщики существенно затягивали процесс строительства и сдачи объекта. Случались и более плачевные для дольщиков ситуации, когда застройщик, не выполнив обязательств, объявлял о банкротстве, а люди оставались без недвижимости и без денег. Проблему обманутых дольщиков удалось частично решить только на

законодательном уровне путем включения посредника между застройщиком и дольщиком — банка.

С 1 июля 2019 года, после внесения изменений в закон № 214-ФЗ, дольщики перечисляют свои денежные средства на специальный эскроу-счет в банке, а застройщик возводит объект или на собственные деньги, или на средства банковского кредита. При этом деньги дольщиков надежно защищены, так как застройщик не может получить доступ к эскроу-счетам, пока не построит соответствующий объект недвижимости и тот не будет введен в эксплуатацию. Сроки строительства жестко зафиксированы — теперь возводить заявленные объекты необходимо вовремя, в противном случае деньги вернутся к покупателям.

Если застройщик не успевает построить и сдать дом в эксплуатацию в срок, он должен инициировать процедуру оповещения дольщиков о задержке сдачи объекта недвижимости. В соответствии со ст. 6 закона № 214-ФЗ предупреждать об этом нужно не позднее чем за два месяца до указанного в ДДУ срока передачи объекта долевого строительства. Далее дольщик самостоятельно принимает решение, согласиться ли на новые предложенные застройщиком сроки передачи объекта долевого строительства. Если дольщик согласен, он совместно с застройщиком подписывает дополнительное соглашение, которое будет являться неотъемлемой частью ДДУ. Все остальные условия могут остаться прежними либо быть изменены по соглашению сторон. Но главное, что получают в случае подписания дополнительного соглашения обе стороны, — это гарантии: дольщик получит свою квартиру, а застройщик — деньги.

На практике нередки случаи, когда застройщик не рассчитал свои силы или произошло не зависящее от сторон событие, которое в очередной раз не позволяет ему выполнить взятые на себя обязательства и построить объект недвижимости к новому согласованному сроку. В ряде случаев застройщик просто не предупреждал дольщиков

о задержке сдачи дома в эксплуатацию и не предлагал за два месяца до установленного договором срока подписать дополнительное соглашение о его переносе. Подобные нарушения договора со стороны застройщика также предусмотрены законодателем. Так, согласно п. 2.1 ст. 6 закона № 214-ФЗ предусмотрены штрафные санкции в виде неустойки, выплачиваемой застройщиком в пользу дольщика, размер которой составляет 1/300 ставки рефинансирования Центрального банка, действующей на день исполнения обязательства, от стоимости объекта недвижимости, указанной в ДДУ. Размер неустойки рассчитывается за каждый день просрочки.

Все существенные условия договора должны быть детально прописаны. В ДДУ необходимо указать данные дольщика, включая паспортные, и данные застройщика, в том числе его реквизиты. В описании объекта долевого строительства необходимо указать стоимость квартиры, строительный адрес или адрес дома и кадастровый номер участка, этаж, номер квартиры, ее площадь, планировку, другие характеристики, срок окончания строительства, гарантийный срок.

Основное преимущество покупки квартиры на этапе строительства для дольщика — значительная «скидка» на жилплощадь. Для многих это единственная возможность приобрести жилье.

У покупки недвижимости по ДДУ есть определенные плюсы: безопасность сделки; хранение денег дольщика на бесплатном для него эскроу-счете; сделки по ДДУ подлежат обязательной регистрации в Росреестре, что исключает повторную продажу той же квартиры другому покупателю; в случае нарушения срока передачи квар-

тиры дольщик может рассчитывать на неустойку. В законе № 214-ФЗ прописаны условия приемки квартиры от застройщика и варианты действий, если она построена с нарушением соответствующих технических нормативов.

Укажем и минусы ДДУ: у каждого застройщика свой вариант договора, и в нем могут быть прописаны условия, ущемляющие права дольщика; из-за инфляции деньги обесцениваются, а стоимость квадратного метра растет каждый месяц, поэтому в случае банкротства дольщик получит ту же сумму, что заплатил при покупке, однако за это время цены на жилье могут вырасти в несколько раз, и купить аналогичную квартиру за те же деньги будет невозможно; в процессе строительства может меняться проектная декларация.

ДДУ предполагает процедуру расторжения, в том числе из-за низкого качества строительства — такая возможность предусмотрена ст. 9 закона № 214-ФЗ. Также расторжение договора возможно в случае, если строительство прекратилось, дом не построен и очевидно, что он никогда не будет сдан.

На данный момент договор долевого участия — самый популярный способ стать дольщиком и купить строящееся жилье по цене, которая ниже стоимости готовых к заселению квартир. Федеральный закон № 214-ФЗ гарантирует безопасность таких сделок для миллионов дольщиков, а застройщикам позволяет развивать их бизнес. Это основной закон, регламентирующий правила составления ДДУ. В нем детально прописаны все нюансы заключения и расторжения такого договора, возможности внесения изменений в его условия и обязательства сторон с целью защиты и дольщиков, и застройщиков.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. — URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102033239> (дата обращения: 29.06.2025).
2. Федеральный закон от 30.12.2004 № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации». — URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102090480> (дата обращения: 29.06.2025).
3. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей». — URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102014512> (дата обращения: 29.06.2025).
4. Потопальский, С. С. Правовое регулирование участия в долевом строительстве в системе норм гражданского права / С. С. Потопальский // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. — 2023. — № 2. — С. 202–208. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-uchastiya-v-dolevom-stroitelstve-v-sisteme-norm-grazhdanskogo-prava> (дата обращения: 29.06.2025).
5. Постановление от 13.06.2023 по делу № А40–245757/2015. — <https://sudact.ru/arbitral/doc/33kC5VQQRCZX/?ysclid=m8ubuyyda3578693259> (дата обращения: 29.06.2025).
6. Рагулина, Н. Применение договора счета эскроу в долевом строительстве / Н. Рагулина. — URL: <https://h-cons.ru/wp-content/uploads/2022/03/ekspertnaya-statya-n.ragylina-eskry-scheta.pdf?ysclid=m8uc6cmc3a654976079> (дата обращения: 29.06.2025).

Цифровое право как отдельная юридическая отрасль: необходимость революционного подхода

Усольцев Александр Евгеньевич, студент магистратуры
Международный юридический институт (г. Москва)

Ускорение смен технологических укладов последние три десятилетия меняет не только технологии как таковые, но и социальные и государственные уклады современных обществ, что неизбежно приводит к все более заметному устареванию традиционных юридических конструкций, формировавшихся веками. В попытке догнать эти изменения, законодатели вносят точечные поправки о криптовалютах, искусственном интеллекте или больших данных, и о других технологиях, как возникающих заново, так и вносящих кардинальные изменения в уже имеющиеся. Однако изменения касаются не только цифровизации общества. Обычно говорят о большой четверке, в которую входят цифровые технологии, биотехнологии, нанотехнологии и когнитивные технологии [11]. Работа по трансформации правового пространства носит пока что во всех этих сферах принцип латания дыр, без формализации новых подходов к адаптации правовых систем к этим изменениям. Решение данного вопроса может быть только радикальным: учитывая, что цифровизация так или иначе является костяком всех современных изменений общества, цифровое право должно быть признано самостоятельной отраслью с перспективой полного замещения им традиционных правовых систем в обозримом будущем.

Нынешний подход к регулированию цифровых отношений через модификацию старых норм приводит к парадоксальным ситуациям. Мы пытаемся описать блокчейн-смартконтракты языком гражданского права XIX века, квалифицировать утечки данных через призму устаревших составов преступлений, регулировать алгоритмы ИИ нормами, созданными для промышленных станков. Это не просто неэффективно — это опасно. Правовая система, действующая с запаздыванием в 5–7 лет (средний срок принятия комплексных законов), в цифровую эпоху становится фактором торможения технологического развития и угрозой национальной безопасности.

Цифровое право как отдельная отрасль — это не просто новая глава в учебнике юриспруденции. Это принципиально иная система координат, где базовые категории приобретают новую основу и содержание. Право собственности в условиях NFT и токенизации активов, договорные отношения в эпоху автономных алгоритмов, юридическая личность искусственного интеллекта — эти вопросы невозможно адекватно решить в рамках существующих гражданско-правовых или административных конструкций. Попытки «вписать» цифровые активы в категорию имущественных прав или регулировать машинное обучение нормами об ответственности за действия животных демонстрируют методологическую беспомощность традиционного подхода [12].

Ядро новой отрасли должно формироваться вокруг трех революционных принципов. Во-первых, приоритет технологической нейтральности — нормы должны регулировать не конкретные технологии (что неизбежно ведет к их устареванию), а принципы взаимодействия в цифровой среде. Во-вторых, алгоритмизация самого права — переход от текстовых норм к исполняемому коду, где законодательные положения непосредственно интегрированы в цифровую инфраструктуру. В-третьих, динамическое регулирование — механизмы автоматической корректировки норм в зависимости от изменения технологического ландшафта, реализуемые через системы машинного обучения и анализа больших данных.

Критики этой позиции утверждают, что «право есть право» и цифровая среда не требует революционных изменений. Однако они упускают фундаментальное отличие: традиционное право создавалось для регулирования отношений между людьми в физическом мире, тогда как цифровое право должно регулировать взаимодействия между людьми, алгоритмами и автономными системами в виртуальной среде с совершенно иными свойствами [13]. Когда контракт исполняется автоматически блокчейн-протоколом, когда решение принимает нейросеть, когда права удостоверяются криптографически без участия государства — традиционные правовые инструменты оказываются вне процессов как правовой реализации, так и правового контроля.

Опыт последних лет показывает, что подобный «эволюционный» путь ведет в тупик. GDPR в ЕС, законы о криптовалютах в разных странах, регулирование ИИ — все эти попытки «адаптировать» существующие системы демонстрируют свою неэффективность уже на этапе применения. В отличие от них, подходы, основанные на признании цифрового права как отдельной отрасли (как в ОАЭ с их Цифровым правовым кодексом или Сингапуре с регуляторными песочницами), показывают значительно лучшие результаты [14].

Переход к цифровому праву как самостоятельной отрасли потребует радикальных изменений в правовой доктрине, юридическом образовании, системе правоприменения. Необходимо создание:

- экспериментальных цифровых юрисдикций с полным циклом правового регулирования;
- принципиально новых кодексов, построенных на логике цифровых взаимодействий;
- системы «правовых API» — стандартизированных интерфейсов между юридическими нормами и технологическими системами;
- механизмов автоматизированного правоприменения через смарт-контракты и алгоритмические регуляторы.

Исторические параллели очевидны: когда-то торговое право выделилось из гражданского, потому что купцам нужны были особые нормы. Промышленная революция 19 века привела к появлению трудового и социального права. Сегодня цифровая экономика требует аналогичного революционного шага. Промедление с признанием цифрового права самостоятельной отраслью создает риски полной утраты управляемости цифровой трансформацией. Уже через 5–7 лет традиционное право может оказаться в положении средневековых цеховых уставов в эпоху промышленной революции — формально существующим, но фактически неработоспособным.

Будущее принадлежит правовым системам, которые не пытаются «обуздать» цифровую реальность, а органично вырастают из нее. Цифровое право — это не дополнение к существующей системе, а ее неизбежная замена. И чем раньше мы начнем строить эту новую систему, тем меньше будет цена перехода. В противном случае нас ждет мучительный процесс постоянного догоняющего реформирования, который в итоге все равно приведет к необходимости революционных изменений — но в условиях кризиса и под давлением обстоятельств, а не в результате осознанного выбора.

Создание цифрового права как самостоятельной отрасли требует не просто декларации о его необходимости, а разработки целостной архитектуры, принципиально отличающейся от традиционных правовых систем. Эта архитектура должна отражать саму природу цифрового пространства — его сетевую структуру, глобальный характер, алгоритмическую основу и динамическую изменчивость. В отличие от традиционного права, развивавшегося линейно через накопление прецедентов и текстовых норм, цифровое право должно создаваться как живая, самонастраивающаяся система, встроенная в саму ткань цифровых взаимодействий.

Основой новой отрасли должен стать принцип «правового программирования», где юридические нормы существуют не только в виде текстов, но и в форме исполняемого кода. Смарт-контракты, автоматизированные регулятивные системы, алгоритмы правоприменения — все это становится не просто инструментами, а первичными носителями правовых норм [15]. В такой системе закон перестает быть внешним регулятором по отношению к цифровой среде, а становится ее внутренней логикой. Например, налоговые обязательства могут исполняться автоматически при совершении транзакции, условия лицензирования встраиваться непосредственно в программные интерфейсы, а механизмы разрешения споров запускаться самими блокчейн-протоколами.

Ключевым отличием цифрового права становится изменение самой природы правовых субъектов. Если традиционное право знает только физических и юридических лиц, то цифровая отрасль должна оперировать значительно более широким спектром акторов: автономными программными агентами, децентрализованными

организациями (DAO), искусственными интеллектуальными системами [16]. Это требует разработки принципиально новых концепций правосубъектности, где способность быть носителем прав и обязанностей определяется не биологическими или организационными критериями, а функциональными возможностями и уровнем автономности цифрового субъекта.

Особую сложность представляет вопрос юрисдикции в цифровом праве. Традиционные территориальные принципы совершенно неприменимы к децентрализованным сетям, работающим поверх национальных границ. Новая отрасль должна основываться на принципах транснационального регулирования, где юрисдикция определяется не местоположением серверов или пользователей, а природой самих цифровых отношений. Возникает потребность в создании «цифрового правового пространства» — особой среды, где действуют унифицированные нормы, признаваемые всеми участниками независимо от их физической локализации.

Система источников цифрового права также требует переосмысления. Наряду с традиционными законами и подзаконными актами, ключевую роль начинают играть:

- протокольные правила блокчейн-сетей,
- стандарты цифровых платформ,
- решения алгоритмических арбитражных систем,
- коллективные договоренности сообществ разработчиков.

Эти источники обладают уникальной особенностью — они действуют не через принуждение государством, а через непосредственную техническую реализацию, что делает их значительно более эффективными в цифровой среде.

Методология цифрового права должна радикально отличаться от традиционных юридических подходов. Если классическое право опирается на казуистику и аналогию, то цифровая отрасль требует математической точности и формальной спецификации. Юридические конструкции превращаются в проверяемые алгоритмы, правовые принципы — в параметры системного дизайна, а процесс правоприменения — в автоматизированные процедуры верификации. Это не просто изменение формы, а смена самой парадигмы правового мышления — переход от гуманитарной интерпретации к инженерной реализации [17].

Образование в области цифрового права должно строиться на принципиально иной основе. Юриста будущего необходимо готовить не как интерпретатора текстовых норм, а как архитектора правовых систем, сочетающего юридические знания с глубоким пониманием компьютерных наук, криптографии и теории алгоритмов. Юридические факультеты должны превратиться в междисциплинарные центры, где право изучается в неразрывной связи с технологиями его реализации.

Соппротивление этой трансформации со стороны традиционной юридической системы неизбежно. Однако история показывает, что все попытки сохранить устаревшие

правовые формы в условиях технологической революции обречены на провал. Цифровое право не просто дополнит существующие отрасли — оно поглотит и трансформирует их [18], как когда-то гражданское право вобрало в себя архаичные обычаи и традиции.

Скорость этого перехода будет определяться не юридическим сообществом, а темпами цифровой трансформации экономики и общества. Уже сегодня де-факто существуют целые сферы (криптовалюты, метавселенные, автономные системы), где традиционное право практически не работает. По мере расширения этих «правовых вакуумов» необходимость в цифровом праве как самостоятельной отрасли станет очевидной для всех.

Вопрос не в том, произойдет ли эта трансформация, а в том, будет ли она управляемой или хаотичной. Создание цифрового права как отдельной отрасли — это шанс провести революцию осознанно, сохранив правовые ценности и гарантии в новых условиях. Альтернатива — болезненный коллапс традиционной системы под давлением цифровой реальности, после которого новое право все равно возникнет, но ценой потери преемственности и правовой безопасности.

Цифровое право — это не будущее. Это настоящее требование сегодняшнего дня. Чем быстрее мы осознаем эту необходимость, тем более гладким будет переход к новой правовой эпохе. Цифровое право для России сегодня — это вопрос технологического суверенитета и выживания национальной правовой системы в условиях глобальной цифровой трансформации.

Сейчас, когда западные цифровые платформы диктуют свои правила, а санкционное давление усиливается, России критически важно создать собственную систему цифрового права, которая не просто адаптирует зарубежные нормы, а станет основой для формирования независимого правового пространства в цифровой сфере. Без этого мы рискуем оказаться в положении догоняющих, вынужденных подстраиваться под чужие стандарты или существовать в правовом вакууме, где технологии развиваются быстрее, чем законы.

Цифровое право для России — это:

— щит от внешнего цифрового колониализма, когда транснациональные корпорации и иностранные государства навязывают свои правила игры;

— инструмент для защиты цифровых активов, персональных данных и критической инфраструктуры;

— фундамент для развития собственных технологий — от блокчейна и искусственного интеллекта до национальных цифровых валют;

— условие для сохранения юридического контроля над цифровым пространством страны в условиях, когда старые правовые механизмы уже не работают.

Если Россия не займет активную позицию в формировании цифрового права сейчас, через несколько лет может оказаться, что регулировать цифровые процессы будет попросту нечем — либо потому, что законы устареют, либо потому, что все значимые решения уже будут приниматься на уровне алгоритмов и протоколов, разработанных за пределами страны.

Цифровое право для России сегодня — это не просто новая отрасль юриспруденции. Это вопрос сохранения правового суверенитета в цифровую эпоху. Цифровое право для России XXI века сегодня — это как Санкт-Петербург для России XVIII века: прорыв в новую эпоху, окно в будущее и единственный шанс не остаться на обочине мировой истории.

Так же, как Петр I строил новую столицу как символ модернизации и вызова устоям, так и сейчас России необходимо возвести цифровое право в ранг национального приоритета — системообразующей отрасли, которая определит место страны в грядущем цифровом мире. В XVIII веке отказ от преобразований означал бы превращение России в периферию Европы; сегодня промедление с цифровым правом грозит маргинализацией в технологической реальности XXI столетия.

Как Санкт-Петербург стал лабораторией новых государственных, научных и культурных практик, так цифровое право должно стать полигоном для радикального обновления всей правовой системы. Это не просто адаптация к изменениям — это сознательное конструирование альтернативы устаревающим западным моделям регулирования. В эпоху, когда алгоритмы заменяют законы, а смарт-контракты вытесняют суды, Россия стоит перед выбором: либо создать собственную систему цифрового права, либо навсегда потерять юридический контроль над своим цифровым пространством.

Если в XVIII веке прорывом стала «твердыня на болоте» (как язвили современники о Петербурге), то сегодня таким прорывом должно стать «право в коде» — живая, динамичная система, где юриспруденция встречается с криптографией, а суверенитет обеспечивается не пушками, а алгоритмами.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 № 1-ФКЗ, с изм. от 04.10.2022 № 8-ФКЗ) // Рос. газета. 1993. 25 дек.; СЗ РФ. 2020. № 11. Ст. 1416; 2022. № 41. Ст. 6933.
2. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 04.08.2023 № 422-ФЗ) // СЗ РФ. 2020. № 31. Ст. 5018; 2023. № 40. Ст. 5996.
3. Абдрахманов Д. В., Архипов В. В., Богданов Д. Е. и др. Цифровое право: учебник / под ред. Э. Л. Сидоренко. — М.: Юрлитинформ, 2024. — 718 с.

4. Баукин А. О., Бут Н. Д., Тихомиров Ю. А. и др. Обеспечение законности в сфере цифровой экономики: учебное пособие для вузов / под ред. Н. Д. Бут, Ю. А. Тихомирова. — М.: Юрайт, 2024. — 250 с.
5. Вайпан В. А. Источники цифрового права // Вестник арбитражной практики. 2024. № 1. С. 3–29.
6. Сергеев Л. И., Сергеев Д. Л., Юданова А. Л. Цифровая экономика: учебник для вузов / под ред. Л. И. Сергеева. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрайт, 2024. — 437 с.
7. Захаров А. Е. Феномен цифрового права. Возможен ли цифровой кодекс? // Евразийская адвокатура. 2025. № 1 (72). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-tsifrovogo-prava-vozmozhen-li-tsifrovoy-kodeks> (дата обращения: 21.06.2025).
8. Богданова М. Д., Масютина А. В., Синёва Н. А. Принципы римского права и их применение в условиях цифровой экономики // Вестник науки. 2025. № 5 (86). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsipy-rimskogo-prava-i-ih-primenenie-v-usloviyah-tsifrovoy-ekonomiki> (дата обращения: 21.06.2025).
9. Краснов А. В., Алемпеев Г. С. Трансформация принципов права посредством использования цифровых технологий (на примере доступности судопроизводства) // Образование и право. 2025. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-printsipov-prava-posredstvom-ispolzovaniya-tsifrovyyh-tehnologiy-na-primere-dostupnosti-sudoproizvodstva> (дата обращения: 21.06.2025).
10. Степанова М. Н. Регулирование правоотношений в эпоху цифровой трансформации // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 1 (44). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regulirovanie-pravootnosheniy-v-epohu-tsifrovoy-transformatsii> (дата обращения: 21.06.2025).
11. Пашенцев Д. А. Система права России в условиях перехода к новому технологическому укладу // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2020. № 4 (40). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-prava-rossii-v-usloviyah-perehoda-k-novomu-tehnologicheskomu-ukladu> (дата обращения: 20.06.2025).
12. Сысоев Н. С., Мухамбеталиева О. Р. Проблемы внедрения и перспективы развития цифровых финансовых активов в России // Фундаментальные исследования. 2024. № 3. С. 48–52; URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=43580> (дата обращения: 20.06.2025).
13. Плотникова Т. В., Харин В. В. Феномен «цифровых прав» в контексте правового регулирования виртуального пространства // Право: история и современность. 2022. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-tsifrovyyh-prav-v-kontekste-pravovogo-regulirovaniya-virtualnogo-prostranstva> (дата обращения: 20.06.2025).
14. Синюков В. Н. Цифровое право и проблемы этапной трансформации российской правовой системы // Lex Russica. 2019. № 9 (154). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoe-pravo-i-problemy-etapnoi-transformatsii-rossii-skoi-pravovoi-sistemy> (дата обращения: 20.06.2025).
15. Бурова С. М. Смарт-контракт как основной вид цифровой формы договора // Вопросы российской юстиции. 2024. № 33. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/smart-kontrakt-kak-osnovnoy-vid-tsifrovoy-formy-dogovora> (дата обращения: 20.06.2025).
16. Легостаева Н. И. Цифровая трансформация системы государственного управления: классификация цифровых акторов государственных структур // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2021. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-transformatsiya-sistemy-gosudarstvennogo-upravleniya-klassifikatsiya-tsifrovyyh-aktorov-gosudarstvennyh-struktur> (дата обращения: 20.06.2025).
17. Кравченко А. Г. Сдвиг правовой парадигмы в эпоху цифровой экономики // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sdvig-pravovoy-paradigmy-v-epohu-tsifrovoy-ekonomiki> (дата обращения: 21.06.2025).
18. Ладенков Н. Е. Трансформация правовой системы под влиянием цифровизации: причины и тенденции // Философия права. 2021. № 1 (96). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-pravovoy-sistemy-pod-vliyaniem-tsifrovizatsii-prichiny-i-tendentsii> (дата обращения: 21.06.2025).

Проблемы совершенствования законодательства о правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации

Филиппова Марина Юрьевна, студент

Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Санкт-Петербург)

В данной статье рассматриваются актуальные проблемы правового регулирования положения иностранных граждан в Российской Федерации. Анализируются противоречия в действующем миграционном законодательстве,

включая вопросы трудовой миграции, особенности реализации Указа Президента РФ № 1126 от 30 декабря 2024 года, а также правовые риски, связанные с упрощённой процедурой признания иностранных водительских удостоверений. Автор отмечает необходимость комплексной модернизации нормативно-правовой базы в целях повышения эффективности миграционной политики и обеспечения баланса между защитой национальных интересов и соблюдением прав иностранных граждан. Предлагаются направления для совершенствования законодательства и правоприменительной практики.

Ключевые слова: миграционное законодательство, иностранные граждане, трудовая миграция, миграционная амнистия, правовой статус, безопасность, водительские удостоверения.

Введение

Правовой режим иностранных граждан в Российской Федерации представляет собой одну из наиболее сложных и актуальных сфер миграционного законодательства. В условиях стремительно меняющихся политико-правовых реалий становится очевидным, что ряд положений действующих нормативных актов требует серьёзного пересмотра. Некоторые положения Федерального закона № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» уже не в полной мере отвечают требованиям времени и могут вступать в противоречие с национальными интересами. Современное миграционное законодательство сталкивается с многочисленными вызовами как в области обеспечения законности, так и в части соблюдения прав как иностранных граждан, так и граждан Российской Федерации.

Трудовая миграция: вызовы и противоречия

Трудовая миграция остаётся одним из ключевых направлений притока иностранных граждан в Россию. Несмотря на наличие установленных законодательных предпочтений для граждан дружественных государств (в частности, стран СНГ), практика их реализации выявляет ряд серьёзных проблем. Упрощённый режим въезда и получения гражданства зачастую используется в целях получения экономических выгод без должного соблюдения требований трудового законодательства.

Для российской экономики массовое прибытие иностранных работников означает усиление конкуренции на рынке труда. Даже несмотря на формальное преимущество граждан РФ при трудоустройстве, на практике происходит вытеснение отечественных кадров с ряда позиций, особенно в низкоквалифицированных сегментах. Это ведёт к росту безработицы среди социально уязвимых категорий граждан.

С другой стороны, мигранты, находящиеся в России в нелегальном статусе, становятся жертвами трудовой эксплуатации. Отсутствие правового статуса лишает их возможности защищать свои права в надлежащем порядке. Нередко такие лица подвергаются административной ответственности вплоть до депортации. Однако механизмы выявления и выдворения нарушителей остаются недостаточно эффективными.

Указ Президента РФ № 1126: правовое регулирование и последствия

30 декабря 2024 года был издан Указ Президента Российской Федерации № 1126, предусматривающий временные меры по легализации отдельных категорий иностранных граждан, находящихся на территории страны с нарушениями миграционного режима. Данный нормативный акт был воспринят как «миграционная амнистия» и вступил в силу с 5 февраля 2025 года. Его основная цель — упорядочить правовой статус лиц, нарушивших установленные сроки пребывания.

Документ определяет два пути: иностранные граждане могут либо добровольно покинуть страну, избежав запрета на въезд, либо пройти процедуру легализации, включающую дактилоскопическую регистрацию, медицинское освидетельствование и, при необходимости, подтверждение знаний русского языка и правовой базы РФ. Однако стоит отметить, что даже лица с административными правонарушениями могут получить разрешительные документы, если иные основания для отказа отсутствуют.

Несмотря на благие намерения, указ вызывает определённую обеспокоенность. Он может быть воспринят как сигнал о недостаточном контроле со стороны миграционных органов и провоцировать повторные нарушения. Кроме того, приоритетное внимание к легализации иностранных граждан может восприниматься как пренебрежение к интересам граждан России, особенно в условиях высокой социальной нагрузки на государственные институты.

Проблемы признания иностранных водительских удостоверений

Дополнительной проблемой, заслуживающей внимания, является действующий порядок признания иностранных водительских удостоверений на территории РФ. В настоящее время допускается замена таких удостоверений на российские без прохождения обязательного экзамена в органах ГИБДД. Это положение вызывает серьёзные сомнения с точки зрения обеспечения безопасности дорожного движения.

Различия в дорожных правилах, знаках и условиях эксплуатации транспортных средств в других государствах могут приводить к тому, что водитель, ранее не сталки-

вавшийся с российскими реалиями, не способен адекватно реагировать в нестандартных дорожных ситуациях. Даже при наличии опыта управления автомобилем в другой стране это не гарантирует готовности к специфике российского дорожного движения, включая климатические условия, особенности разметки, дорожного покрытия и манеры вождения.

Отсутствие экзаменационной проверки знаний ПДД и практических навыков способствует снижению уровня дорожной безопасности и может создавать угрозу для жизни и здоровья граждан. Помимо этого, упрощённая процедура замены создаёт условия для коррупционных злоупотреблений и возможного оборота поддельных документов, что также требует немедленного вмешательства законодателя.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года (с изм. и доп. по состоянию на 2024 г.).
2. Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации».
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ.
4. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ (в ред. от 01.05.2024 г.).
5. О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию: Федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ (в ред. от 29.12.2023 г.).
6. Указ Президента РФ от 30 декабря 2024 г. № 1126 «О временных мерах по урегулированию правового положения отдельных категорий иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с применением режима высылки».
7. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.).
8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ.
9. О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации: федеральный закон от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ.
10. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ.

Классификация фактов, составляющих предмет доказывания по гражданскому делу

Филоненко Анастасия Владимировна, студент магистратуры
Научный руководитель: Балугина Татьяна Сергеевна, доцент
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье автором анализируется понятие предмета доказывания в гражданском процессе и предлагаются различные основания для классификации входящих в него фактов. Рассматривается значение каждой классификационной группы для теоретического осмысления и практического применения в судопроизводстве.

Ключевые слова: предмет доказывания, юридический факт, классификация фактов, гражданский процесс, доказывание, материально-правовые факты, процессуальные факты, доказательственные факты.

Правосудие по гражданским делам в Российской Федерации основано на установлении юридически значимых фактов. Их совокупность составляет предмет доказывания, от верного определения которого напрямую зависит справедливость и законность судебного решения, что определяет эффективность защиты прав.

Однако, в настоящее время в теории гражданского процессуального права нет единого мнения о том, что такое «предмет доказывания», поскольку в законодательстве отсутствует его четкое определение. Косвенное

указание содержится в ст. 55 ГПК РФ, согласно которой доказательства устанавливают обстоятельства, обосновывающие требования и возражения сторон, а также иные обстоятельства, имеющие значение для правильного рассмотрения и разрешения дела [1].

Таким образом, в ходе судебного разбирательства устанавливаются факты разного характера, которые можно сгруппировать следующим образом:

1. Материально-правовые факты — основа для применения норм материального права и решения дела по су-

существу (например, факт заключения договора займа в ст. 807–818 ГК РФ [2], факт отцовства — ст. 49 СК РФ [3]).

2. Доказательственные факты — косвенные обстоятельства, помогающие установить основные факты (например, алиби).

3. Факты, имеющие исключительно процессуальное значение — влияют на движение дела и реализацию процессуальных прав (например, соблюдение досудебного порядка урегулирования спора).

4. Факты, установление которых суду необходимо для выполнения воспитательных и предупредительных задач правосудия — установление данного вида фактов требуется для обоснования судом частного определения, т. е. принятия мер профилактического характера. Так, выявляя при рассмотрении спора случаи нарушения законности, суд вправе вынести частное определение (ст. 226 ГПК РФ).

На основе того, какие из этих фактов следует включать в предмет доказывания, в науке сформировались два основных подхода:

1. Узкий подход. Сторонники этого подхода (М. К. Треушников [4, с. 28], В. В. Молчанов [5, с. 58–64] и др.) утверждают, что предмет доказывания включает только факты материально-правового характера. По их мнению, именно эти факты определяют исход дела по существу. Все остальные (доказательственные, процессуальные) важны для процесса, но относятся к «пределам доказывания», а не к его предмету.

2. Широкий подход. Представители этого подхода (И. В. Решетникова [6, с. 52], А. А. Власов [7, с. 184], М. С. Шакарян [8, с. 168] и др.) считают, что предмет доказывания должен охватывать всю совокупность обстоятельств, имеющих значение для дела. Они включают в него не только материально-правовые, но и доказательственные, процессуальные и иные факты, поскольку их установление необходимо для вынесения всестороннего и справедливого решения.

Таким образом, дискуссия сводится к ключевому вопросу: должен ли предмет доказывания ограничиваться фактами, непосредственно влияющими на исход спора по существу, или он должен охватывать все обстоятельства, необходимые для правильного разрешения дела.

Однако, несмотря на дискуссионность понятия «предмет доказывания», его практическая реализация требует классификации фактов.

Такая классификация, подлежащих доказыванию, имеет важное теоретическое и практическое значение. Она позволяет систематизировать процесс доказывания, обеспечить полноту и всесторонность исследования обстоятельств дела, определить круг необходимых доказательств, а также способствует правильной квалификации правоотношений. В конечном счете, четкая классификация повышает качество судебных решений, делая их законными, обоснованными и убедительными для сторон.

В юридической науке факты, входящие в предмет доказывания, классифицируются по нескольким ключевым основаниям.

1. По волевому признаку (соответствие воле субъектов) — это фундаментальное деление разграничивает факты в зависимости от того, являются ли они результатом воли участников правоотношений [4, с. 35].

События — это юридически значимые факты, наступление которых не зависит от воли участников спора, но с которыми закон и судебная практика связывают правовые последствия.

Ярким примером такого события служит достижение ребенком десятилетнего возраста. Этот не зависящий от воли родителей факт порождает для суда новую обязанность: в соответствии со ст. 57 СК РФ, учет мнения ребенка становится обязательным [3]. Пленум Верховного Суда РФ в своем Постановлении от 27.05.1998 № 10 дополнительно разъясняет, что выяснение этого мнения является неотъемлемой частью правильного разрешения спора о месте жительства несовершеннолетнего при раздельном проживании его родителей [9].

Действия — это юридические факты, являющиеся результатом волевого и осознанного поведения (активного действия или бездействия) субъектов. Примером такого явления является добровольное и осознанное заключение соглашения об определении места жительства ребенка или о порядке осуществления родительских прав.

Практическое значение этой классификации проявляется в распределении бремени доказывания. Например, родитель, ссылающийся на болезнь (событие) как на причину невозможности исполнять обязанности, должен доказать факт этого заболевания. Однако, родитель, утверждающий, что другой родитель совершает неправомерное действие (например, препятствует общению), должен доказать не только факт самого действия (или бездействия), но и его умышленный, осознанный и противоречащий интересам ребенка характер.

2. По соответствию правопорядку. Данный критерий делит действия, как юридические факты, на соответствующие (правомерные) и не соответствующие закону (неправомерные) [4, с. 35].

Примерами правомерного действия являются законное заключение договора, добросовестное приобретение имущества, надлежащее исполнение обязательства, регистрация юридического лица, добросовестное содействие общению ребенка с отдельно проживающим родителем.

В качестве ключевого примера неправомерного действия выступает злоупотребление родительскими правами — использование их в ущерб интересам ребенка. Это может выражаться, например, в препятствовании получению им общего образования или в склонении к бродяжничеству. Как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ в п. 16 Постановления от 14.11.2017 № 44, такие действия являются одним из оснований для лишения родительских прав [10].

Практическое значение этого разграничения проявляется в институте преюдиции. Неправомерные действия, установленные вступившим в законную силу судебным актом, не требуют повторного доказывания. Например,

приговор суда в отношении родителя за умышленное преступление против жизни или здоровья ребенка является безусловным основанием для лишения родительских прав, что прямо указано в п. 11 того же Постановления Пленума [10].

Помимо основных, в юридической науке существуют и другие полезные способы систематизации фактов. Рассмотрим два ключевых подхода.

Классификации С. В. Курылева [11, с. 49–50]. Данный подход носит преимущественно теоретический характер и делит факты по двум ключевым основаниям:

- 1) По характеру утверждаемого обстоятельства:
 - положительные факты — утверждают наличие события или отношения (например, заключение договора, поставка товара);
 - отрицательные факты — утверждают отсутствие чего-либо (например, «родитель не проявляет заботу»). Их доказывание, как правило, объективно сложнее.

- 2) По временному характеру:
 - факты-явления — разовые, одномоментные события в прошлом (например, случай жестокого обращения);
 - факты-состояния — длящиеся во времени процессы или отношения (например, привязанность ребенка к родителю, жилищные условия).

Подход А. А. Хмырова [12, с. 13–14]. Эта классификация имеет высокое практическое значение, так как описывает поэтапную логику работы суда с доказательствами. Он выделял три вида фактов:

- 1) Доказательственные факты — это сведения, содержащиеся непосредственно в источниках доказательств

(например, запись в школьном журнале, показания свидетеля, справка о зарплате).

- 2) Промежуточные факты — это логические выводы, которые суд делает на основе анализа совокупности доказательственных фактов. Сами по себе они не решают спор, но служат мостом к искомым фактам. Например: на основе справки из школы, характеристики и показаний соседей (доказательственные факты) суд устанавливает промежуточный факт — наличие сильной эмоциональной привязанности ребенка к матери.

- 3) Искомые факты — это главные, юридически значимые факты, совокупность которых и составляет предмет доказывания по делу. Именно от их установления зависит решение суда. Пример: при определении места жительства ребенка искомыми фактами являются: возможность каждого из родителей создать надлежащие условия для развития, их личные качества, характер взаимоотношений с ребенком, мнение ребенка и т. д.

Подход А. А. Хмырова наглядно показывает, что, хотя в предмет доказывания входят только искомые факты, их установление невозможно без тщательного анализа доказательственных фактов и формирования на их основе верных промежуточных выводов.

Таким образом, классификация фактов предмета доказывания выступает не просто элементом теории, а незаменимым аналитическим инструментарием судебной деятельности. Она придает системность процессу доказывания, позволяя суду перейти от разрозненных сведений к целостной картине дела и вынести законное и обоснованное решение.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 № 138-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 № 14-ФЗ (ред. от 13.12.2024) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/
4. Треушников М. К. Судебные доказательства / М. К. Треушников. 5-е изд., доп. М., 2021.
5. Молчанов В. В. Доказательства и доказывание в административном судопроизводстве // Законодательство. 2016. № 8.
6. Абознова О. В., Аверков Ю. В., Беяева Н. Г. и др. Особенности арбитражного производства: учебно-практическое пособие / под ред. И. В. Решетниковой. М., 2019.
7. Власов А. А. Гражданский процесс: учебник и практикум для вузов / А. А. Власов. 11-е изд., перераб. и доп. М., 2025.
8. Шакарян М. С. Гражданское процессуальное право: учебник / М. С. Шакарян. М., 2014.
9. О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 1998 № 10 (ред. от 26.12.2017) / СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18980/
10. О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 ноября 2017 № 44 / СПС «КонсультантПлюс». — https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_282678/
11. Курылев С. В. Основы теории доказывания в советском правосудии. Минск, 1969.
12. Хмыров А. А. Теория доказывания: учебное пособие. 3-е изд., исправ. и доп. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2006.

Ответственность органов и должностных лиц местного самоуправления Российской Федерации

Цыганков Александр Валерьевич, студент магистратуры

Брянский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Система местного самоуправления Российской Федерации является одной из основ государственного строя, что подтверждается законодательно. Функционирование системы напрямую завязано на эффективных принципах, полномочиях и ответственности лиц и органов муниципалитетов. В российском праве существуют различные виды ответственности, которые применимы к муниципальным служащим. В рамках работы проанализированы понятие и виды ответственности в области местного самоуправления Российской Федерации.

Ключевые слова: местное самоуправление, ответственность, орган местного самоуправления, ответственность должностного лица.

Responsibility of local self-government bodies and officials of the Russian Federation

The system of local self-government of the Russian Federation is one of the foundations of the state system, which is confirmed by legislation. The functioning of the system is directly linked to effective principles, powers and responsibilities of individuals and bodies of municipalities. In Russian law, there are various types of liability that apply to municipal employees. Within the framework of the work, the concept and types of responsibility in the field of local self-government of the Russian Federation are analyzed.

Keywords: local government, responsibility, local government, responsibility of an official.

Вопрос ответственности органов и должностных лиц Российской Федерации активно обсуждается в правовой сфере, научных статьях и на научных конференциях. Органы и должностные лица системы местного самоуправления занимают ключевое положение в системе народовластия Российской Федерации, которое закреплено статьей 3 Конституции Российской Федерации: «Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления» [1].

В научной литературе есть мнение, что органы и должностные лица в местном самоуправлении являются неким каркасом и основой государственного строя Российской Федерации. В целом данный вопрос имеет особую актуальность, поскольку именно от ответственности зависит общий уровень законодательного регулирования сферы, а также его эффективность. В законодательстве Российской Федерации существует ряд мер ответственности, которые применимы по отношению к органам и отдельным лицам местного самоуправления. В рамках настоящей работы будут проанализированы меры ответственности на современном этапе.

К органам и должностным лицам местного самоуправления могут применяться разные виды ответственности, предусмотренные отечественным законодательством, а именно: уголовная, административная, дисциплинарная, гражданско-правовая и конституционная. Рассмотрим более подробно указанные виды ответственности:

— уголовная ответственность может быть применена как результат совершения лицом деяний, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации.

Например, халатность депутата Брянского городского Совета народных депутатов предусмотрена статьей 293 Указанного Кодекса, а получение взятки — статьей 290;

— административный вид ответственности может быть применен к лицу в рамках совершения правонарушения, предусмотренного Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях. Например, непредставление лицом информации в Банк России, которое предусмотрено статьей 19.7.3;

— дисциплинарная ответственность возможна в случае совершения служебных проступков, которые предусмотрены статьей 14 Федерального закона № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации»;

— гражданско-правовая ответственность возможна в случае нарушения прав граждан или причинения им убытков;

— конституционный вид ответственности может наступать в случае издания незаконных нормативных правовых актов, а также при ненадлежащем исполнении предусмотренных законом полномочий или их неисполнении.

Рассматривая вопрос ответственности в отечественном праве современной России, стоит отметить такую меру, как роспуск. Данная мера применима к представительному органу муниципального образования — для Брянской области им является Брянский городской Совет народных депутатов, который состоит из 32 депутатов, согласно статье 29 Устава городского округа город Брянск [2].

В период 2008–2014 годов данная мера применялась к 30 представительным органам субъектов Российской Фе-

дерации: Республикам Алтай и Дагестан, а также Амурской, Псковской, Брянской и другим областям. В следующий период 2015–2020 годов данная мера применялась 20 раз.

Более конкретно основания для наступления мер ответственности по отношению к муниципальным служащим изложены в статьях 72–74 Федерального закона № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

В настоящей работе в рамках предложений по усовершенствованию действующего законодательства предлагается конкретизировать принципы ответственности органов и должностных лиц местного самоуправления Российской Федерации и изложить их новым пунктом 2 статьи 70 указанного выше Федерального закона, а именно:

- законность;
- справедливость;
- неотвратимость ответственности;

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации, 01.07.2020, № 31, ст. 4398.
2. Устав городского округа город Брянск от 30.11.2005 № 213-п (принят Брянским городским Советом народных депутатов Брянской области) // «Брянск», № 23, 07.12.2005.

Порядок признания гражданина ограниченно дееспособным по действующему законодательству

Чернышев Алексей Николаевич, студент магистратуры;
Анисимова Анна Михайловна, кандидат юридических наук, доцент
Московский университет «Синергия»

В статье рассматриваются процессуальные вопросы признания гражданина ограниченно дееспособным. Акцентируется внимание на перечне лиц, имеющих право подать в суд такое заявление, и на основаниях признания гражданина ограниченно дееспособным судом.

Ключевые слова: гражданский процесс, дееспособность, ограничение дееспособности, заявление об ограничении дееспособности гражданина.

Понятие дееспособности в гражданском праве означает способность лица осуществлять свои гражданские права и обязанности. С наступлением совершеннолетия дееспособность возникает в полном объеме. Исключение составляет признание гражданина дееспособным в случае вступления его в брак до 18 лет, а также в тех случаях, когда лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста, осуществляет трудовую деятельность по договору или контракту. Занятия предпринимательской деятельностью лица, не достигшего совершеннолетия, возможны только в случае данного на них согласия со сто-

- целесообразность;
- гуманность и комплексность;
- публичность и комплексность.

Представляется, что предлагаемые изменения смогут конкретизировать теоретический массив информации и улучшить существующие нормы, поскольку формируемый институт ответственности будет в большей мере основываться на указанных принципах.

Завершая работу, стоит подчеркнуть, что к муниципальным служащим могут быть применены различные виды ответственности, установленные действующим законодательством, а именно: уголовная, гражданско-правовая, административная, конституционная и дисциплинарная. Органы и должностные лица в местном самоуправлении являются неким каркасом и основой государственного строя Российской Федерации, поэтому институт ответственности указанных лиц имеет ключевое значение для эффективного функционирования системы местного самоуправления.

роны родителей, либо усыновителей — об этом гласит пункт первый статьи 27 Гражданского кодекса РФ.

Ограничение дееспособности гражданина, о котором говорится в статьях 22 и 30 Гражданского кодекса, возможно в случае, если лицо, в силу врожденного или приобретенного психического расстройства, не может руководить своими действиями и понимать их значение, а также в силу склонности к алкоголизму или наркомании, либо пристрастия к азартным играм. В этих случаях закон ограничивает дееспособность таких лиц, устанавливая над ними опеку или попечительство.

В связи с этим, ограничение дееспособности может быть выражено следующим образом:

- сделки, совершаемые лицами с ограниченной дееспособностью (вследствие психического расстройства) могут заключаться только с согласия их опекунов или попечителей;

- лица, страдающие наркотической и алкогольной зависимостью, либо склонностью к азартным играм, вправе совершать только мелкие сделки бытового назначения. Для более крупных сделок законом требуется обязательное письменное согласие попечителя. Денежные средства, получаемые ограничено дееспособными лицами, контролируются их попечителями и расходуются строго в интересах их подопечных. По усмотрению суда, лицо, ограниченное в дееспособности, имеет возможность распоряжаться выдаваемыми ему небольшими денежными средствами, в том числе, стипендией, свои личным заработком или иными доходами. Социальная пенсия, алименты и другие выплаты лицу, ограниченному законом в дееспособности, получают и расходуются попечителем на нужды подопечного [6, с. 47].

В необходимых случаях с заявлением об ограничении дееспособности лица, страдающего психическим расстройством, либо наркотической и алкогольной зависимостью, а также склонностью к азартным играм, могут обратиться: члены его семьи, медицинская организация, оказывающая гражданину психиатрическую помощь, а также органы опеки и попечительства. Отметим, что суд рассматривает дела об ограничении дееспособности только в порядке особого производства — об этом гласит статья 262 Гражданско-процессуального кодекса.

В заявлении истец должен указать: название суда, свои фамилию, имя, отчество, место жительства, дату и место рождения, номер одного из идентифицирующих документов, электронную почту и телефон. Кроме того, в заявлении отмечается информация о заинтересованных лицах, а также описываются обстоятельства, которые побудили заявителя обратиться в суд с заявлением об ограничении способности гражданина [5, с. 53]. Следовательно, в зависимости от основания ограничения гражданина в дееспособности будут различаться как предмет доказывания, так и определение необходимых для суда доказательств [8, с. 406]. Заявление должно сопровождаться полным перечнем документов, необходимых для принятия заявления к рассмотрению судом [1, с. 52].

Как правило, заявление подаётся в районный суд по месту жительства гражданина, дееспособность которого

нуждается в ограничении. В случае, если гражданин находится в психиатрической больнице или психоневрологическом диспансере, в заявлении указывается адрес этого учреждения. Заявление может быть подано как в письменном виде на бумажном носителе, так и в электронном виде.

В судебном процессе при рассмотрении подобного рода заявлений должны в обязательном порядке присутствовать прокурор, представитель органа опеки, сам заявитель, а также другие заинтересованные лица. В заседании может участвовать и лицо, в отношении которого рассматривается дело об ограничении его дееспособности, но только в том случае, если оно не представляет опасности для окружающих или своего собственного здоровья [7, с. 243]. В противном случае, заседание может быть назначено по месту нахождения психиатрического учреждения, в котором получает лечение лицо, страдающее психическим расстройством.

Если суд рассматривает дело об ограничении дееспособности в отношении гражданина, страдающего психическим расстройством, он назначает судебно-психиатрическую экспертизу. Если суд придёт к выводу что заявитель намеренно, в своих интересах, желал лишить дееспособности гражданина, в действительности не страдающего психическим расстройством, либо не склонного к алкогольной и наркотической зависимости, а также к азартным играм, все издержки на проведение судебного заседания и назначение психиатрической экспертизы, будут взысканы с него [3, с. 49]. Рассматривая заявление об ограничении в дееспособности гражданина на основании предоставленных документов, суд может одновременно решить вопрос и о его праве распоряжаться доходами самостоятельно, как об этом гласит пункт 20 Постановления Пленума ВС РФ № 25 от 23.06.2015 [2, с. 173]. Решение суда вступает в законную силу после истечения срока апелляционного обжалования, который составляет один месяц после принятия судебного решения.

Таким образом, основанием для назначения попечительства над гражданином со стороны органов опеки и попечительства вследствие ограничения его дееспособности, выступает решение суда. В случае отмены судебного решения о признании гражданина недееспособным и принятии решения об ограничении его дееспособности, согласно Гражданского и Гражданского процессуального кодекса, опека отменяется и устанавливается только попечительство.

Литература:

1. Воронцова, И. В. Материальные и процессуальные аспекты правового регулирования состояния дееспособности лица при оценке его сознания и элементов психики / И. В. Воронцова, Р. Р. Долотина, А. Ш. Сулейманова // Вестник гражданского процесса. — 2022. — № 6. — С. 43–64.
2. Гражданское процессуальное право: учебник: в 2 т. / Т. К. Андреева, С. Ф. Афанасьев, В. В. Блажеев и др.; под ред. П. В. Крашенинникова. 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Статут, 2022. Т. 2: Особенная часть. Производство по отдельным категориям. — 348 с.

3. Зайков Д. Е. Понятие и содержание злоупотребления процессуальными правами в арбитражном и гражданском процессах / Д. Е. Зайков // Арбитражный и гражданский процесс. — 2024. — № 9. — С. 48–53.
4. Лозовская С. О. Отдельные аспекты правоприменительной практики ограничения дееспособности лиц, страдающих психическими расстройствами / С. О. Лозовская // Хозяйство и право. — 2022. — № 8. — С. 98–108.
5. Михайлов С. М., Олегов М. Д. Установление обстоятельств гражданских дел: некоторые доктринальные и практические подходы / С. М. Михайлов, М. Д. Олегов // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — № 12. — С. 53–68.
6. Михайлова Е. В. К проблеме правовой природы дел о лишении и ограничении дееспособности гражданина / Е. В. Михайлова // Юрист. — 2023. — № 8. — С. 45–50.
7. Останина Е. А. Процессуальный статус гражданина, признанного недееспособным или ограниченно дееспособным, в делах искового производства: сравнительно-правовое исследование / Е. А. Останина // Вестник гражданского процесса. — 2024. — № 5. — С. 235–271.

Механизмы защиты российских лиц от негативного влияния международных санкций на международный коммерческий арбитраж, предусмотренные российским законодательством

Чжао Елена Сергеевна, выпускник магистратуры

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва)

Настоящая статья посвящена рассмотрению одного из аспектов особо актуальной в настоящее время проблемы влияния санкций на международный коммерческий арбитраж с участием российских лиц, а именно — процессуальным механизмам, предусмотренным Законом Лугового. Автором разбираются причины принятия Закона Лугового, его содержание, отношение к нему в научном сообществе, анализируется практика его применения российскими судами.

Ключевые слова: международный коммерческий арбитраж, санкции, Закон Лугового, исключительная компетенция, антиисковой запрет.

Вопрос взаимосвязи санкций и международного коммерческого арбитража стал особенно актуален в последние несколько лет в связи с применением США, ЕС и иными юрисдикциями ограничительных мер в отношении РФ и российских лиц. Ограничительные меры, введенные после 2022 года, значительно снизили доступность международного арбитража для российских лиц. В текущих условиях сложности возникают на каждом этапе арбитражного разбирательства, от организации до признания и приведение в исполнение решений.

Одним из основных способов противодействия санкциям для российских лиц является использование процессуальных механизмов, предусмотренных так называемым Законом Лугового [1]. Данный закон дополнил Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — «АПК РФ») статьями 248.1 и 248.2, которые распространили исключительную компетенцию российских государственных судов на определенные виды споров и стороны, затронутые ограничительными мерами. Согласно пояснительной записке новые статьи были приняты в качестве ответной меры на санкции, введенные против российских юридических и физических лиц к 2020 году рядом государств, с целью установления гарантий обеспечения прав и законных интересов подсанкционных лиц [2].

Ст. 248.1 АПК РФ устанавливает исключительную компетенцию арбитражных судов в Российской Федерации в отношении двух категорий споров:

— по спорам с участием лиц, в отношении которых применяются меры ограничительного характера иностранным государством, государственным объединением и (или) союзом и (или) государственным (межгосударственным) учреждением иностранного государства или государственного объединения и (или) союза;

— по спорам одного российского или иностранного лица с другим российским или иностранным лицом, если основанием для таких споров являются ограничительные меры, введенные иностранным государством, государственным объединением и (или) союзом и (или) государственным (межгосударственным) учреждением иностранного государства или государственного объединения и (или) союза в отношении граждан Российской Федерации и российских юридических лиц.

Статья предусматривает возможность обращения за разрешением спора в арбитражный суд субъекта Российской Федерации по месту своего нахождения или месту жительства. Данный вариант возможен при соблюдении следующих условий: в производстве иностранного суда или международного коммерческого арбитража, находящихся за пределами территории Российской Федерации,

отсутствует спор между теми же лицами, о том же предмете и по тем же основаниям; между сторонами отсутствует соглашение сторон, которым рассмотрение споров с их участием отнесено к компетенции иностранных судов, международных коммерческих арбитражей, находящихся за пределами территории Российской Федерации.

Требование об отсутствии между сторонами арбитражного соглашения фактически нивелировано ч. 4 ст. 248.1 АПК РФ, которая предусматривает, что наличие соглашения не препятствует исключительной компетенции российских судов в случае, если такое соглашение неисполнимо по причине применения в отношении одного из лиц, участвующих в споре, мер ограничительного характера, создающих такому лицу препятствия в доступе к правосудию.

Другой возможный вариант действий — обращение в порядке ст. 248.2 АПК РФ, с заявлением о запрете инициировать или продолжать разбирательство в иностранном суде, международном коммерческом арбитраже, находящихся за пределами территории Российской Федерации. Так, лицо, в отношении которого инициировано разбирательство по спорам с участием подсанкционных лиц и спорам, основанием которых являются санкции, или при наличии доказательств того, что такое разбирательство будет инициировано, вправе обратиться с заявлением о запрете инициировать или продолжать такое разбирательство в иностранном суде, международном коммерческом арбитраже, находящихся за пределами территории Российской Федерации. Компетентным в этом случае будет являться российский государственный арбитражный суд по месту нахождения или месту жительства заявителя.

Дополнительно ч. 10 ст. 248.2 АПК РФ предусматривает возможность присуждения денежной суммы, подлежащей взысканию с лица, в отношении которого вынесен запрет инициировать или продолжать разбирательство, на случай неисполнения им судебного акта. Размер штрафа ограничен размером исковых требований, предъявленных в иностранном суде, иностранном арбитражном трибунале и понесенных стороной спора судебных издержек.

Институт «антиискового запрета» (*anti-suit injunction*) заимствован из английского права. Английские суды используют этот инструмент в крайних случаях, адресуют запрет исключительно стороне, в отношении которой английский суд обладает юрисдикцией *in personam*, а не иностранному арбитражному институту. При вынесении запрета суды учитывают совокупность факторов: наличие согласованного сторонами органа для разрешения спора, несправедливость действия стороны, необходимость защиты английского публичного порядка, стадию разбирательства и иные. Подход российского законодательства и судебной практики, однако, кардинально отличается от условий применения антиискового запрета в английском праве. Норма АПК РФ устанавливает факультативность

доказывания препятствий в доступе к правосудию, не требует доказать недобросовестный или обременительный характер параллельного производства, а суды распространяют свою юрисдикцию на иностранную сторону разбирательства без учета личного закона [3, с. 122–125].

Новеллы были неоднозначно восприняты российском научным сообществом. Так, В. В. Хвалей еще на этапе рассмотрения законопроекта отмечал, что принятие Закона Лугового увеличит для иностранных компаний риски ведения бизнеса в России, что негативно скажется на инвестиционной привлекательности страны и на привлекательности ведения бизнеса с российскими лицами [4]. С. В. Гландин, комментируя Закон Лугового, указал: «Политика победила право. Российский законодатель экстерриториально распространил юрисдикцию арбитражных судов на нерезидентов вопреки их личному закону. Это приведет к конкуренции юрисдикций и появлению двух судебных актов по спору между теми же лицами по одному предмету и основаниям» [5]. Б. Р. Карабельников среди наиболее значимых недостатков Закона Лугового отмечает, что отсутствие необходимости доказывать наличие реальных препятствий в доступе к правосудию создает почву для злоупотреблений и нарушения процессуальных обязательств перед иностранными контрагентами, а также утверждает, что введение Закона Лугового может повлечь ответные меры, вплоть до лишения российских лиц доступа к иностранному правосудию [6, с. 110, 121]. А. Мальцев также обращает внимание на расплывчатость формулировки «меры ограничительного характера, создающие препятствия в доступе к правосудию» и указывает, что само по себе применение судом иностранного государства или арбитражным трибуналом санкционных норм не может и не должно быть основанием неисполнимости юрисдикционной или арбитражной оговорки [7]. Ю. В. Тай и С. Л. Будылин подчеркивают, что принятие Закона Лугового создает противоречия в регулировании процессуальных отношений [8, с. 111].

Диаметрально противоположную позицию занимает А. И. Шукин, указывающий, что ст. 248.1 и 248.2 были введены в АПК РФ в целях обеспечения гарантии доступа к правосудию для российских лиц, и подчеркивающий, что принятие Закона Лугового соответствует мировым стандартам и способствует защите национальной экономики [9, с. 148–149]. М. Л. Гальперин полагает, что ограничение компетенции российских судов случаями отсутствия исполнимого пророгационного или арбитражного соглашения сторон «автоматически выводит из-под действия ст. 248.1 АПК РФ львиную долю споров из международных контрактов, почти в 100 % случаев содержащих арбитражную или пророгационную оговорку» [10, с. 78]. Однако, нельзя не отметить, что подход российских судов свидетельствует о том, что на практике наличие арбитражного соглашения зачастую не имеет значения.

Подавая заявление о запрете инициировать или продолжать разбирательство в международном коммерческом арбитраже, находящемся за пределами территории

Российской Федерации, заявители обычно используют следующие блоки аргументов:

— санкции препятствуют осуществлению надлежащей правовой защиты в международном арбитраже, так как: отсутствует возможность привлечения квалифицированных юристов, отсутствует возможность участия в заседаниях, а также возможность уплаты арбитражных и иных сборов по причине запрета на заключение сделок с российскими компаниями, находящимися под санкциями, замораживания активов и запрета банковских переводов через международную систему SWIFT;

— беспристрастность и гарантии справедливого разбирательства в международном арбитраже отсутствуют ввиду имплементации многочисленных санкций и проведения политики, направленной на дискредитацию российских компаний [12].

Ключевым для толкования российскими судами ст. 248.1 и 248.2 АПК РФ стало дело по заявлению Уральского завода транспортного машиностроения («Урал-трансмаш») о запрете акционерному обществу «Рельсовые транспортные средства ПЕСА Быдгощ» («РТС ПЕСА Быдгощ») продолжать разбирательство в Арбитражном институте Торговой палаты города Стокгольма (SCC). Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ сформулировала позицию, которая впоследствии стала активно применяться нижестоящими судами при рассмотрении аналогичных дел: «... из системного толкования приведенных правовых норм и с учетом целей законодательного регулирования следует, что сам по себе факт введения в отношении российского лица, участвующего в споре в международном коммерческом арбитраже, находящемся за пределами территории Российской Федерации, мер ограничительного характера, предполагается достаточным для вывода об ограничении доступа такого лица к правосудию». Суд сделал вывод о том, что не требуется доказывать связь между введением санкций и появлением препятствий в доступе к правосудию, а перевод спора под юрисдикцию российских судов может осуществляться в заявительном порядке. Кроме того, судебная коллегия отметила, что принятие ограничительных мер поражает российских лиц в правах как минимум репутационно, что заведомо ставит их в неравное положение с остальными участниками разбирательства. По мнению суда, в таких условиях возможность справедливого и беспристрастного судебного разбирательства в государстве, которое ввело санкции, вызывает сомнения [13].

Подобный подход получил дальнейшее развитие в споре между АО «НС Банк» и ПАО «Лукойл», в котором ПАО «Лукойл» ходатайствовало об оставлении искового заявления АО «НС БАНК» без рассмотрения на основании того, что в проспекте облигаций содержится арбитражная оговорка, в соответствии с которой все споры подлежат рассмотрению Лондонским международным арбитражным судом (LCIA). Хотя ВС РФ и отметил, что при возникновении спора о наличии компетенции российского суда следует установить, имеются ли препятствия

в доступе к правосудию, в итоге логика соответствовала решению, рассмотренному выше. Так, судебная коллегия указала, что если причиной возникновения спора стало введение ограничительных мер со стороны государства, в котором должно осуществляться его рассмотрение, то арбитры (судьи) автоматически не могут считаться беспристрастными и независимыми. Помимо этого, наличие барьеров для доступа к правосудию демонстрирует не только полная невозможность защиты прав, но и обстоятельства, которые усложняют процедуру рассмотрения спора, например, трудности с оплатой арбитражного сбора, отсутствие финансовых или практических возможностей привлечения иностранного представителя, ограничение личного присутствия на слушаниях. Следовательно, любые условия, которые несоразмерно увеличивают финансовые, временные, репутационные и иные затраты для инициирования, продолжения или завершения разбирательства, свидетельствуют о нарушении права на судебную защиту [14].

Зачастую можно сделать вывод о том, что нижестоящие суды осуществляют более тщательный анализ наличия реальных препятствий доступа к правосудию, не ограничиваясь формальным установлением факта введения в отношении стороны ограничительных мер. Так, например, Арбитражный суд города Москвы в решении от 18.08.2022 по делу № А40–50169/2022, которым АО «БМ-Банк» было отказано в удовлетворении заявления о запрете АО «Риццани де Эккер» С. П. А. (Италия) продолжать разбирательство в Международном арбитражном суде при Международной торговой палате (ICC), проанализировал каждый из приведенных истцом аргументов о том, что введение в отношении него международных санкций препятствует осуществлению надлежащей правовой защиты в международном коммерческом арбитраже:

— В отношении невозможности привлечения квалифицированных международных юристов в связи с прямым запретом на заключение сделок с российскими компаниями, находящимися под санкциями ЕС, США или Великобритании, суд указал, что запрет на привлечение иностранных фирм для оказания юридических услуг, касающихся права на судебную защиту, не входит в введенные ЕС и США санкции в отношении российских организаций и граждан;

— В отношении невозможности оплаты арбитражных и иных сборов по причине запрета банковских переводов через международную систему SWIFT, суд указал, что сам по себе факт отключения банка от системы SWIFT не запрещает осуществлять платежи иным образом, в том числе через счета иных банков, кроме того, существует возможность запросить официальное разрешение финансового регулятора на осуществление или получение платежей от сторон, в отношении которых введены санкции, даже если ее активы заморожены;

— В отношении невозможности участия в заседаниях ввиду запрета на воздушное сообщение со странами, входящими в состав ЕС, суд указал, что современный подход

к арбитражу предусматривает различные варианты проведения разбирательства, в том числе, телефонные конференции, письменную форму.

По вопросу гарантий справедливости и беспристрастности судебного разбирательства суд отметил наличие у ИСС аккредитации Минюста России в качестве постоянно действующего арбитражного учреждения в порядке установленном ст. 44 Федерального закона от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»; публикацию международным арбитражем специализированного положения, посвященного санкциям, в котором декларируется равное отношение к сторонам разбирательства; порядок формирования состава арбитража, факт подписания каждым из арбитров заявления о своей беспристрастности и независимости и факт выбора двух из трех арбитров истцом. Кроме того, судом было учтено, что особенностью ИСС является то, что разбирательство не имеет привязки к определенному государству.

Суд подчеркнул, что при наличии доказательств соблюдения международным арбитражем гарантий справедливости и беспристрастности разбирательства, применение ст. 248.1 и 248.2 АПК РФ нарушает основополагающий принцип справедливости судебного разбирательства и равенства сторон, поскольку ставит вторую сторону в заведомо невыгодное положение. Для обеспечения баланса противоположная сторона должна иметь возможность доказать, что само по себе применение ограничительных мер не препятствует получению надлежащей судебной защиты и не влечет нарушение международным арбитражем гарантий справедливости и беспристрастности разбирательства [15]. Впоследствии данное определение было отменено постановлением Арбитражного суда Московского округа [16].

В деле № А40–214726/2023, рассмотренном ранее, суды первой, апелляционной и кассационной инстанций также оставили исковое заявление без рассмотрения на основании того, что истцом не были представлены доказательства, свидетельствующие о невозможности подачи иска в LCIA, которому Управлением по применению финансовых санкций Казначейства Великобритании выдана генеральная лицензия INT/2022/1552576, позволяющая принимать платежи от резидентов РФ [17]. Тем не менее, как было указано, вышестоящая инстанция отменила эти акты и направила дело в Арбитражный суд города Москвы для рассмотрения по существу.

Согласно статистике, собранной С. Султановым и А. Рябовой за период с 09.12.2021 года до 01.09.2024 года из 480 дел, предметом которых являлось применение Закона Лугового, суд проанализировал реальный доступ к правосудию лишь в 1 % дел. В 392 делах статьи 248.1 и 248.2 АПК РФ были применены судом в административном (заявительном) порядке без анализа фактических обстоятельств дела, а в 109 делах суды применили статьи, несмотря на то, что непосредственно в отношении заявителя отсутствовали санкции [18].

Судебные решения, сохраняющие действие арбитражной оговорки, встречаются в практике гораздо реже. Так, суд в деле по спору между ООО «Европейские Биологические Технологии» и Компанией «Cabinplant A/S» не принял к производству исковое заявление ООО «Европейские Биологические Технологии», сославшись на то, что истцом не доказано наличие обстоятельств, указанных в статье 248.1 АПК РФ. Утверждение о невозможности внесения платы за рассмотрение спора в SCC не было подтверждено надлежащими доказательствами, а позиция истца опиралась исключительно на предположения о предвзятости арбитров в отношении истца [19].

Тринадцатый арбитражный апелляционный суд оставил без изменения определение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области, которым было оставлено без рассмотрения исковое заявление ООО «Стимул» к ООО «Сонджер». Права требования были приобретены истцом на основании договора уступки права требования № 2–2024 от 09.09.2024 с первоначальным кредитором — немецкой компанией xChange Solutions GmbH. Суд отклонил ссылку истца на положения ст. 248.1 АПК РФ, указав, что, истец, заключая договор цессии, был уведомлен о наличии арбитражной оговорки, ни истец, ни ответчик не находятся под санкциями иностранных государств, равно не введены санкции и в отношении предмета спора. В отсутствие таких обстоятельств наличие препятствий в доступе к правосудию не доказано [20].

Отдельно можно отметить, что до недавнего времени в судебной практике превалировал подход, согласно которому положения ст. 248.1 АПК РФ направлены на обеспечение прав и интересов российских и связанных с ними лиц и подлежат применению лишь по заявлению таких лиц [21]. Тем не менее, существуют и решения, основанные на иной логике: суды принимают к рассмотрению иски иностранных лиц, опирающихся на ст. 248.1 АПК РФ [22]. Так, Двенадцатый арбитражный апелляционный суд рассмотрел исковое заявление китайской компании, проигнорировав доводы российского лица о наличии согласованной арбитражной оговорки, предусматривающей разрешение споров в LCIA [23].

Таким образом, в российской судебной практике применение ст. 248.1 и 248.2 АПК РФ является скорее заявительной процедурой, а не состязательным процессом. Суды фактически освободили подсанкционных лиц от бремени доказывания ограничения доступа к правосудию, приравняв введение ограничительных мер к неисполнимости юрисдикционного соглашения. На наш взгляд, сложившаяся практика применения ст. 248.1 и 248.2 АПК РФ является произвольной и нарушает баланс интересов сторон. Российскому законодателю и правоприменителю необходимо установить пределы применения вышеуказанных статей АПК РФ и определить круг ситуаций, в которых вмешательство в компетенцию иностранного арбитража является недопустимым. В настоящий момент высок риск возникновения параллельных разбирательств, что в свою

очередь может привести к вынесению конкурирующих арбитражных решений. Наличие у каждой из сторон противоположных решений неизбежно повлечет сложности с признанием и приведением их в исполнение. В перспективе подобный подход может снизить привлекательность

российских контрагентов и ограничить возможности российских лиц заключать международные контракты. Полагаем, что суды должны применять данные положения законодательства с осторожностью, чтобы сохранить доверие к международному коммерческому арбитражу.

Литература:

1. Федеральный закон от 08.06.2020 № 171-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации в целях защиты прав физических и юридических лиц в связи с мерами ограничительного характера, введенными иностранным государством, государственным объединением и (или) союзом и (или) государственным (межгосударственным) учреждением иностранного государства или государственного объединения и (или) союза» // СПС КонсультантПлюс
2. Законопроект № 754380-7. [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/754380-7>. (Дата обращения: 22.06.2025)
3. Доев А. М., Старцев В. А. Российский опыт рецепции института антиискового запрета в сравнении с англо-американским и континентальным правом. *Коммерческий арбитраж* № 1(8). 2022. С. 117–125.
4. Хвалей В. В. В поисках нейтрального суда для санкционных споров. [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/blog/2019/10/08/v_poiskah_nejtralnogo_suda_dlya_sankcionnyh_sporov. (Дата обращения: 22.06.2025)
5. Гландин С. В. Антиисковой запрет, или мина замедленного действия для бизнеса // Как протекционизм по «закону Лугового» победил право. [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/blog/2020/06/08/antiiskovoj_zapret_ili_mina_zamedlennogo_dejstviya_dlya_biznesa_kak_protekcionizm_po_zakonu_lugovog/. (Дата обращения: 22.03.2025)
6. Карабельников Б. Р. Российское правосудие защитит обиженных россиян // Закон. 2020. № 7. С. 109–121.
7. Мальцев А. Железной рукой заставим Родину любить! [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/blog/2020/5/26/zheleznoj_rukoj_zastavim_rodinu_lyubit. (Дата обращения: 22.06.2025)
8. Тай Ю. В., Будылин С. Л. Длинная рука деликтного права. Компетенция судов США в диффамационных исках против иностранных ответчиков // Вестник гражданского процесса. 2021. № 4. С. 87–111.
9. Шукин А. И. Совершенствование российского судопроизводства в условиях экономических санкций: исключительная компетенция и получение экзекватуры (часть 1) // Закон. 2021. № 1. С. 125–148
10. Шукин А. И. Совершенствование российского судопроизводства в условиях экономических санкций: неисполнимость юрисдикционного соглашения и антиисковый запрет (часть 2) // Закон. 2021. № 2. С. 131–149
11. Гальперин М. Л. Битва юрисдикций: есть ли процессуальное оружие у российских судов? Комментарий к изменениям, внесенным в АПК РФ Федеральным законом от 08.06.2020 № 171-ФЗ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 1. С. 72–81
12. Определение Арбитражного суда города Москвы от 05.09.2022 по делу № А40–55650/22, Решение Арбитражного суда Самарской области от 28.09.2023 по делу № А55–11151/2023, Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 16.11.2023 по делу № А40–49573/2023 и другие // СПС Консультант Плюс
13. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 09.12.2021 № 309-ЭС21–6955 (1–3) по делу № А60–36897/2020 // СПС Консультант Плюс.
14. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 28.11.2024 № 305-ЭС24–13398 по делу № А40–214726/2023 // СПС Консультант Плюс.
15. Определение Арбитражного суда города Москвы от 18.08.2022 по делу № А40–50169/2022 // СПС Консультант Плюс.
16. Определение Арбитражного суда Московского округа от 26.09.2022 № Ф05–23583/2022 по делу № А40–50169/2022 // СПС Консультант Плюс.
17. Определение Арбитражного суда города Москвы от 11.12.2023 по делу № А40–214726/2023, Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 13.02.2024 № 09АП-200/2024 по делу № А40–214726/2023, Определение Арбитражного суда Московского округа от 28.05.2024 № Ф05–7595/2024 по делу № А40–214726/2023 // СПС Консультант Плюс.
18. Обзор судебной практики. Антиисковые запреты и исключительная компетенция российских судов по Закону Лугового (статьи 248.1, 248.2 АПК РФ). С. 2–4 Приложения «Анализ практики применения российскими судами статей 248.1, 248.2 АПК РФ». [Электронный ресурс]. URL: https://kiaplav.ru/upload/iblock/f0a/uobf64mr2u6d7qoha72azgo12dxmca8t/KIAP-Alert-po-Zakonu-Lugovogo-RU_s-prilozheniem_16.09.2024.pdf. (Дата обращения: 22.06.2025).
19. Определение Арбитражного суда Самарской области от 24.08.2022 по делу № А55–24707/2022 // СПС Консультант Плюс.

20. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 20.06.2025 по делу № А56–111059/2024 // СПС Консультант Плюс.
21. Определение Арбитражного суда Курской области от 16.10.2024 по делу № А35–6432/2024, Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда № 19АП–6642/2024 от 24.12.2024 по делу № А35–6432/2024 // СПС Консультант Плюс.
22. Решение Арбитражного суда города Москвы от 11.06.2025 по делу № А40–232285/2023 // СПС Консультант Плюс.
23. Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда № 12АП–9470/2022 от 06.06.2025 по делу № А12–22543/2022 // СПС Консультант Плюс.

International legal analysis of the consequences of disappearing state territory due to climate change

Churakova Ekaterina Dmitriyevna, doctoral student
University of National and World Economy (Sofia, Bulgaria)

This article explores the debate surrounding the continuity of statehood in cases where a state loses its territory. The article examines two primary positions: the first asserts that statehood is intrinsically tied to territorial possession, referencing the dominant 19th-century view that territory, population, and government are essential components of a state; the second challenges this assumption, pointing to earlier legal traditions that recognized the possibility of a state continuing to exist even without territory. By analysing historical and legal perspectives, the article highlights the complexity and evolving nature of the legal concept of statehood in international law.

Keywords: climate change, legal analysis, disappearing state, disappearing territory, statehood, territory, international law, sovereignty, recognition in international law.

There is no consensus on whether a state ceases to exist after losing territory. Throughout history, some states have maintained their status despite losing territory, while others have not. Let us examine various scenarios of this phenomenon:

Position 1: Statehood automatically ends when territory is lost.

Since the beginning of the 19th century, most international lawyers have held the position that a state is defined by three essential elements: territory, population, and power. It is widely accepted that territory is a necessary legal requirement for statehood, and the loss of it results in automatic termination.

Applying this approach to disappearing states means that their statehood will automatically terminate once the entirety of a state's territory is completely submerged. If the population of the disappearing state successfully settles on a new territory as an independent sovereign entity, it would constitute the formation of a new state and a distinct subject of international law. According to some scholars with more radical views, the statehood of these states could be considered to have ended when the population began to relocate, even before the territory was completely submerged.

Territory disappearance due to climate change is characterized by gradual submergence under water, rather than instantaneous disappearance caused by a natural disaster. Therefore, the evacuation of affected populations is likely to unfold incrementally over an extended period of time, unless alternative legal or political arrangements—such as extraterritorial sovereignty or international territorial concessions—are put in place.

The international legal personality of state-like entities is more limited than that of fully sovereign states, so it is not in the interest of disappearing states to become *sui generis* entities. In this case, disappearing states will face the following negative consequences:

— Article 4 (1) of the UN Charter provides that only states can be UN members. Exclusion from membership could weaken the disappearing states' position in international forums. However, even if they lose statehood, they may still engage in certain UN activities, provided they retain some degree of international legal personality. Importantly, participation in the UN does not determine a state's legal personality. [1]

— A disappearing state would lose the right to bring cases before the International Court of Justice, as Article 34(1) of its Statute allows only states to be parties to proceedings. [2]

— A disappearing state would be unable to claim rights to maritime zones under the 1982 UN Convention on the Law of the Sea, as Articles 2, 24, 33, 55, and 76 explicitly assign such rights and obligations to states and coastal states only. [3]

In practice, *sui generis* entities can engage in international relations largely depending on recognition by other states. This raises a key issue arising regarding legal succession in international treaty participation, given the unique change in the subject of international law. States have universal legal personality, and many international treaties apply exclusively to states. Thus, Article 1 of the Vienna Convention on the 1969 Law of Treaties limits its scope to treaties between states, [4] while the 1978 Vienna Convention on the Succession of States in respect of Treaties applies only to written treaties concluded

between states. Consequently, continued participation in treaties and international organizations remains uncertain and depends largely on recognition by the international community. [5]

Given the unique loss of state territory caused by climate change, international law must develop alternative concepts to help preserve the statehood of disappearing states. This necessity has prompted scholarly debate on which existing legal frameworks, if any, can be adapted to address this unprecedented situation. In particular, several authors examine whether the concepts of 'governments in exile' and 'failed states' are applicable to states whose territory is gradually sinking underwater. Ultimately, the evolution of international law in this area will be crucial in determining how disappearing states can retain their legal identity and continue to participate in global governance.

Position 2: Statehood does not automatically end with the loss of territory unless there is a clear and irrevocable loss of territory.

It has already been noted that, prior to the nineteenth century, international legal doctrine placed little emphasis on territory, and a state was considered capable of existing without it. Consequently, the loss of territory was not viewed as necessarily terminating statehood. [6, p. 112]

Most modern scholars define territory as an essential feature of a state's legal structure. However, a different approach may be necessary when a state loses its territory. As English professor T. D. Grant states, «Territory is not a necessary criterion, at least after the state was created. It is obvious that if a state is already recognized by the international community, then it does not lose its status as a state, having lost its territory or effective control over the territory». [7] Similarly, J. McAdam argues, «The idea of statehood is based on the concept of control over a territory, not simply on the fact that there is a particular territory as such». [8]

Failed states are still regarded as states, even during periods of failure. The requirement for effective government control over territory is applied less strictly to them. For instance, during World War II, Belgium was considered a failed state for a year but retained its state status.

Another relevant concept is that of governments in exile, which allows states to operate outside their territory without

losing statehood. Throughout history, several governments in exile, such as those of France, Belgium, and Czechoslovakia during World War II, have concluded international treaties and maintained diplomatic relations. For example, the UN Secretary-General, as depositary, permitted the Cambodian government-in-exile to sign key multilateral treaties, including the 1966 International Covenant on Civil and Political Rights and the 1966 International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights, despite objections from other states.

Do governments in exile apply to disappearing states? The key similarity is that the continuation of statehood for both depends on continued recognition by the international community. This is also true for failed states in the context of territorial loss. The constitutive theory of state recognition, which posits that a state only exists as a legal entity once it is recognized by other states, is particularly relevant here. The same could apply to disappearing states if, during their migration, their government temporarily lacks effective control over any territory, thus failing to meet the criteria for statehood.

The main differences between disappearing states and governments in exile are twofold. Firstly, in disappearing states, both the government and the population are effectively 'in exile' due to the loss of territory. Secondly, while a government in exile is a temporary situation, the loss of territory for disappearing states is permanent and irreversible, except in cases of territorial expansion through artificial structures, which does not apply to governments in exile.

Thus, the territorial element of statehood is applied less strictly to states already recognized in the international arena: statehood does not cease if the loss of territory or resettlement of the population is temporary. However, when the physical territory of a state permanently disappears, the state itself ceases to exist. This position is widely supported at the international level by the UNHCR, the UN General Assembly's Sixth Committee, specialists in international law, participants in climate change conferences, and national refugee committees. As climate change accelerates, it is essential for international law to evolve, offering new frameworks that not only address the disappearance of state territory but also safeguard the rights and legal status of affected populations.

References:

1. UN Charter, Article 4 (1): <https://legal.un.org/repertory/art4.shtml>
2. Statute of the International Court of Justice, Article 34(1): <https://www.icj-cij.org/en/statute>
3. United Nations Convention on the Law of the Sea 1982, Articles 2, 24, 33, 55, and 76: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_e.pdf
4. Vienna Convention on the Law of Treaties, 1969, Article 1: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/conventions/1_1_1969.pdf
5. Vienna Convention on Succession of States in respect of Treaties, 1978: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/conventions/3_2_1978.pdf
6. Vattel, Emer de. The Law of Nations, 1758, p. 112.
7. Grant, T. D. Defining Statehood: The Montevideo Convention and its Discontents. — 1999. — p. 435: <https://www.worldcat.org/title/defining-statehood-the-montevideo-convention-and-its-discontents/oclc/822457524>
8. Burson, Bruce, Kälin, Walter, and McAdam, Jane. Statehood, Human Rights and Sea-Level Rise. 13 Apr 2023: https://brill.com/view/journals/yido/4/1/article-p265_12.xml?language=en

Условия действительности сделок по гражданскому законодательству Российской Федерации

Щукова Дарья Евгеньевна, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье исследуются условия действительности сделок, закрепленные в российском законодательстве. Проводится анализ таких элементов действительности, как законность, надлежащий субъектный состав, совпадение воли и волеизъявления субъектов, совершающих сделку, и надлежащая форма сделки.

Ключевые слова: сделка, действительность сделки, правоспособность, дееспособность, форма сделки.

Действующее гражданское законодательство Российской Федерации позволяет выделить условия, необходимые для действительности сделок.

Стоит начать с законности содержания сделки, под которой понимается отсутствие противоречий нормативным правовым актам Российской Федерации. А именно: Конституции Российской Федерации, Гражданскому кодексу Российской Федерации, принятых в соответствии с ним федеральным законам, указам Президента РФ и иным правовым актам, принятым в установленном порядке. В случае коллизии между нормами, содержащимися в вышеперечисленных правовых актах, законность содержания сделок определяется с учетом иерархической подчиненности правовых актов, установленной ст. 3 ГК РФ [1].

Не менее важным условием действительности выступает надлежащий субъектный состав, под которым подразумевается дееспособность физических лиц и правоспособность юридических лиц. Дееспособность, согласно ст. 21 ГК РФ, — это способность гражданина своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их [1].

Несовершеннолетние граждане, не достигшие восемнадцати лет, обладают неполной дееспособностью и, в зависимости от своего возраста, могут совершать определенные сделки самостоятельно. В соответствии с п. 2 ст. 28 ГК РФ малолетние в возрасте от 6 до 14 лет вправе самостоятельно совершать: мелкие бытовые сделки; сделки, направленные на безвозмездное получение выгоды, не требующие нотариального удостоверения либо государственной регистрации; сделки по распоряжению средствами, предоставленными законным представителем или с его согласия третьим лицом для определенной цели или для свободного распоряжения.

На основании п. 2 ст. 26 ГК РФ, объем дееспособности несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет становится чуть шире, к тем сделкам, которые вправе самостоятельно совершать малолетние, добавляются иные: осуществление права автора произведения науки, литературы или искусства, изобретения или иного охраняемого законом результата своей интеллектуальной деятельности; вносить вклады в кредитные организации и распоряжаться ими; распоряжаться своим заработком, стипендией и иными доходами. Сделки, которые малолетние и несовершеннолетние не вправе осуществлять самостоятельно, могут

производиться только с письменного согласия законных представителей [1].

В полном объеме дееспособность гражданина возникает при достижении им восемнадцатилетнего возраста. Однако гражданин может стать полностью дееспособным и ранее в ряде исключительных случаев. Так, согласно ст. 27 ГК РФ, несовершеннолетний, который достиг шестнадцати лет, может быть эмансипирован, если он работает по трудовому договору (контракту) или занимается предпринимательской деятельностью с согласия законных представителей (родителей/усыновителей/попечителей) [1].

Эмансипация производится по решению органа опеки и попечительства, если имеется согласие всех законных представителей, или при отсутствии такого — по решению суда. Кроме этого, граждане, не достигшие восемнадцати лет, при наличии предусмотренных законом оснований вступают в брак и с этого момента приобретают полную дееспособность. Важно отметить, что приобретенная в результате заключения брака дееспособность сохраняется в полном объеме и в случае расторжения брака до достижения восемнадцати лет [1].

Однако дееспособные граждане при наличии оснований, установленных законом, могут стать недееспособными. Гражданский кодекс РФ закрепляет, что в случае установления опеки над гражданином от его имени сделки совершает его опекун, учитывая мнение недееспособного, а при невозможности установления его мнения — с учетом информации о его предпочтениях, полученной от родителей такого гражданина, его прежних опекунов, иных лиц, оказывавших такому гражданину услуги и добросовестно исполнявших свои обязанности. А в случае установления попечительства все значимые юридические действия ограниченный в дееспособности совершает с письменного согласия попечителя, исключения составляют только мелкие бытовые сделки и распоряжение заработной платой, стипендией и иными доходами [1].

Особой формой попечительства выступает патронаж, то есть, согласно п. 1 ст. 41 ГК РФ, установление попечительства с письменного согласия совершеннолетнего дееспособного гражданина, который по состоянию здоровья не может самостоятельно осуществлять и защищать свои права и исполнять обязанности. Распоряжение имуществом, принадлежащим подопечному, осуществляется его помощником на основании договора поручения (для со-

вершения конкретных юридических действий) или также на основании договора доверительного управления (при необходимости долгосрочного управления этим имуществом) [1].

Стоит отметить, что ограничение прав на совершение ряда сделок касается и банкротов. На основании Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» после внесения сведений в Единый федеральный реестр сведений о банкротстве о внесудебном банкротстве физическое лицо (гражданин) не имеет права в течение процедуры банкротства совершать сделки по получению займов, кредитов, выдаче поручительств и иные обеспечительные сделки. После введения процедуры реструктуризации долга (судебное банкротство) гражданин имеет право совершать следующие сделки только с письменного согласия финансового управляющего: по отчуждению имущества стоимостью выше 50 тысяч рублей, а также недвижимого имущества, ценных бумаг, долей в уставном капитале и транспортных средств; по получению и выдаче займов, получению кредитов, выдаче поручительств и гарантий, уступке прав требования, переводу долга, а также учреждению доверительного управления имуществом гражданина; по передаче имущества гражданина в залог. Денежными средствами в сумме до 50 тысяч рублей в месяц должник может распоряжаться свободно (вправе открыть отдельный банковский счет).

По ходатайству гражданина, в отношении которого ведется процедура банкротства, суд может увеличить ежемесячный лимит операций. Кроме того, в течение пяти лет с даты завершения в отношении гражданина процедуры реализации имущества или прекращения производства по делу о банкротстве в ходе такой процедуры он не вправе принимать на себя обязательства по кредитным договорам и (или) договорам займа без указания на факт своего банкротства [2].

Говоря о сделкоспособности юридических лиц, важно понимать, что легального определения Гражданский Кодекс не содержит, в нем закреплено лишь то, что юридическое лицо может иметь гражданские права, соответствующие целям деятельности, предусмотренным в его учредительном документе, и нести связанные с этой деятельностью обязанности. Сделкоспособность юридического лица возникает с момента внесения в Единый государственный реестр юридических лиц сведений о его создании, и прекращается в момент внесения в Реестр сведений о его прекращении. Юридические лица, являясь участниками гражданского оборота, приобретают гражданские права и обязанности через свои органы, которые действуют в соответствии с законодательством и учредительными документами [1].

Третье условие — совпадение воли и волеизъявления субъектов, совершающих сделку. Волевой характер сделки предусматривает два критерия: субъективный, выражающийся в воле субъекта, и объективный, то есть его волеизъявление. Воля представляет собой желание или намерение субъекта достичь определенного правового результата, а именно: возникновения, изменения или

прекращения правоотношений. Первоначально у лица формируется именно воля, как совокупность мотива, представления о правовой цели сделки и соответствия содержания сделки требованиям законодательства, а уже после она выражается вовне в качестве волеизъявления. При отсутствии волеизъявления наличие воли не будет оказывать никакого воздействия на правоотношения, то есть воля сама по себе не имеет никакого юридического значения. Волеизъявление является необходимостью для извещения других лиц о своем намерении и, соответственно, порождения правовых последствий. Важно и то, чтобы внутренняя воля совпадала с внешним ее выражением, поскольку при их противоречии сделка может быть признана недействительной.

Для признания сделки действительной она должна быть заключена в надлежащей форме, соответствующей требованиям закона. Гражданским кодексом РФ закреплено две основных формы сделок: устная и письменная. Устная форма сделки возможна при условии, что из поведения лица становится очевидна его воля, а также законом или соглашением не предусмотрена письменная форма. Письменная же форма совершается путем составления документа, который выражает содержание сделки и подписывается лицом или лицами, заключающими сделку. Кроме того, письменная форма бывает двух видов: простая письменная форма и нотариальная (обязательная и необязательная). В свою очередь, согласно ст. 161 ГК РФ, простая письменная форма подразумевается для двух категорий сделок: 1) сделки юридических лиц между собой и с гражданами; 2) сделки граждан между собой на сумму, превышающую десять тысяч рублей, а в случаях, предусмотренных законом, — независимо от суммы сделки.

На основании ст. 163 ГК РФ, нотариальная форма сделки означает проверку законности сделки, в том числе наличия у каждой из сторон права на ее совершение, и осуществляется нотариусом или должностным лицом, имеющим право совершать такое нотариальное действие, в порядке, установленном законом о нотариате и нотариальной деятельности. Обязательное нотариальное удостоверение сделки требуется в случаях, прямо предусмотренных законом, а также стороны сделки могут предусмотреть в соглашении нотариальное удостоверение, хотя для их категории сделок по закону эта форма не предусматривалась [1].

Как представляется, можно выделить следующие преимущества заключения сделки в письменной форме:

- возможность выявления истинного содержания сделки;
- обеспечение единообразного понимания всех условий;
- при возникновении спора может выступать доказательством заключения сделки;
- позволяет сторонам перед заключением сделки подробно ознакомиться со всеми ее условиями, внести коррективы в ее содержание;
- упрощение контроля за соблюдением исполнения условий сделки.

Таким образом, для признания сделки действительной, необходимо соблюдение всех вышеперечисленных условий. При отсутствии любого из них возникает вероятность оспаривания этой действительности.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ: (ред. от 08.08.2024 г.) // КонсультантПлюс: надежная правовая поддержка. — М., 2025. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения 04.04.2025).
2. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ: (ред. от 28.12.2024 г.) // КонсультантПлюс: надежная правовая поддержка. — М., 2025. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/ (дата обращения: 06.04.2025).

Установление и оспаривание дееспособности завещателя

Щукова Дарья Евгеньевна, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье исследуются порядок установления и оспаривания дееспособности завещателя, установленные действующим законодательством Российской Федерации.

Ключевые слова: завещание, дееспособность завещателя, нотариус, оспаривание дееспособности.

Одной из важных проблем нотариальной деятельности по удостоверению завещаний является установление дееспособности наследодателя.

На основании п. 2 ст. 1118 Гражданского кодекса РФ завещание может быть совершено гражданином, обладающим в момент его совершения дееспособностью в полном объеме [2]. Согласно ст. 21, 27 ГК РФ, дееспособность в полном объеме у граждан Российской Федерации возникает по достижении лицом восемнадцатилетнего возраста, за исключением случаев эмансипации или вступления в брак до достижения восемнадцати лет [1].

Федеральной нотариальной палатой были утверждены Методические рекомендации по удостоверению завещаний и наследственных договоров, благодаря которым обеспечиваются единые стандарты и качество нотариальной деятельности.

В соответствии с Методическими рекомендациями при удостоверении завещания нотариусу необходимо установить личность и проверить дееспособность завещателя, других участников наследственного договора и иных лиц, присутствующих при совершении завещания (наследственного договора): исполнителя завещания, рукоприкладчика, свидетеля, переводчика (сурдопереводчика) [3].

При этом нотариус должен иметь в виду, что способность лица к составлению и отмене завещания, в том числе в отношении недвижимого имущества, определяются по праву страны, где завещатель имел место жительства в момент составления такого завещания или акта об отмене завещания. При этом нотариус учитывает и разъясняет завещателям риски, связанные с возможностью неисполнения завещания за пределами Российской Федерации, если по

личному закону завещатель еще не достиг возраста дееспособности (завещательной способности) [3].

Нотариус, согласно Методическим рекомендациям по удостоверению завещаний и наследственных договоров, проверяет достижение возраста полной дееспособности либо приобретение полной дееспособности до достижения данного возраста на основании:

- документа, удостоверяющего личность и подтверждающего возраст;
- документа, подтверждающего заключение брака несовершеннолетним;
- решения органа опеки и попечительства или решения суда [3].

Способность завещателя понимать значение своих действий или руководить ими проверяется путем проведения нотариусом беседы с обратившимся лицом. В ходе беседы нотариус анализирует адекватность поведения и ответов на задаваемые вопросы и делает вывод о способности гражданина понимать сущность и значение совершаемых им действий, руководить ими и осознавать их правовые последствия [3].

При наличии сомнений в способности завещателя понимать значение своих действий, руководить ими или осознавать их последствия нотариус вправе отложить совершение нотариального действия (ст. 41 Основ) и запросить сведения из Единого государственного реестра недвижимости о наличии (отсутствии) судебного акта о признании завещателя недееспособным или ограниченно дееспособным, а также в рамках ст. 15 Основ предложить представить документы, исключающие сомнения в его способности понимать значение своих действий

и руководить ими (например, заключение эксперта о дееспособности и сделкоспособности) [3].

Если завещатель не может понимать значения своих действий или руководить ими (например, вследствие болезни, наркотического или алкогольного опьянения и т. п.), нотариус во избежание последствий, предусмотренных ст. 177 ГК РФ, отказывает в совершении нотариального действия в соответствии со ст. 48 Основ, поскольку сделка не соответствует требованиям закона [3].

В случае, если наследники сомневаются в законности действий нотариуса по проверке дееспособности наследодателя при удостоверении завещания, они вправе защитить свои права в судебном порядке.

Оспаривание может быть осуществлено в рамках разных видов гражданского судопроизводства. Особый порядок предусмотрен в тех случаях, когда оспариваются непосредственно действия нотариуса, порядок удостоверения им завещания, а исковой порядок — в случаях возникновения между заинтересованными лицами спора о праве, то есть оспаривается способность завещателя понимать значение своих действий и руководить ими.

В целом в правоприменительной практике не выработано единого стандарта доказывания неспособности завещателя понимать характер и значение своих действий и руководить ими. Анализируя судебные акты, можно сделать вывод, что в качестве доказательств истцы приводят заключения посмертной судебно-психиатрической экспертизы, медицинские справки, иные медицинские заключения, а также на свидетельские показания. Кроме этого, в качестве доказательств может быть предоставлена видеозапись, сделанная нотариусом при совершении нотариального действия.

Зачастую истцам не удается доказать свою позицию при рассмотрении дела, поскольку не каждое состояние или заболевание завещателя и не каждый лекарственный препарат, который он принимает, приводит к утрате способности понимать значение своих действий и руководить ими. Об этом свидетельствуют данные судебной статистики [4]. Из 1689 исковых заявлений, по которым было вынесено судебное решение в 2023 году, исковые требования были удовлетворены полностью по 452 делам, частично — по 90 делам.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ: (ред. от 08.08.2024) // КонсультантПлюс: надежная правовая поддержка. — М., 2024. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения 15.09.2024).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья): фед. закон от 26.11.2001 № 146-ФЗ: (ред. от 24.07.2023) // КонсультантПлюс: надежная правовая поддержка. М., 2024. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34154/ (дата обращения: 17.09.2024).
3. Методические рекомендации по удостоверению завещаний и наследственных договоров: утв. решением Правления ФНП от 02.03.2021, протокол № 03/21 // КонсультантПлюс: надежная правовая поддержка. М., 2024. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_414568/cfd8f6fb01706852d1d7601b114bedaab3a202cb/ (дата обращения: 17.09.2024).
4. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских, административных дел по первой инстанции за 2023 год // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. [Б. м.], 2009–2024. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=8688> (дата обращения: 20.09.2024).

Актуальные проблемы исполнения судебных решений органами местного самоуправления

Юферев Вадим Сергеевич, студент магистратуры

Дальневосточный институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Хабаровск)

В статье освещены недостатки правового регулирования обеспечения объектами инфраструктуры в соответствии с параметрами планируемого строительства систем инженерно-технического обеспечения, предусмотренными проектами планировки территории в границах земельных участков, предоставляемых гражданам, имеющим трех и более детей, находящихся в государственной собственности края, муниципальной собственности, государственная собственность на которые не разграничена, а также проблемы исполнения судебных актов об обязанности муниципального образования выполнить проектирование и строительство объектов инфраструктуры и инженерно-технического обеспечения.

Ключевые слова: исполнение судебных решений, органы местного самоуправления, муниципальное образование.

Current issues of execution of court decisions by local governments

Yuferev Vadim Sergeevich, student master's degree

Far Eastern Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia) (Khabarovsk)

The article highlights the shortcomings of legal regulation of provision of infrastructure facilities in accordance with the parameters of the planned construction of engineering and technical support systems, envisaged by the territory planning projects within the boundaries of land plots provided to citizens with three or more children, which are in the state ownership of the region, municipal property, the state ownership of which is not delimited, as well as the problems of enforcement of judicial acts on the obligation of a municipality to carry out the design and construction of infrastructure facilities and engineering and technical support.

Keywords: enforcement of court decisions, local government bodies, municipality.

Общественные отношения по обеспечению граждан Российской Федерации доступным и комфортным жильем актуальны в силу улучшения жилищных условий семей, имеющих трех и более детей, включая создание при поддержке субъектов Российской Федерации и муниципальных образований необходимой инфраструктуры на земельных участках, предоставляемых указанной категории граждан на бесплатной основе. Важным аспектом является создание необходимой инфраструктуры для возможности гражданам осваивать и использовать предоставленные земельные участки по назначению.

Общественные отношения по обеспечению граждан Российской Федерации доступным и комфортным жильем регулируются Указом Президента от 07.05.2012 № 600 «О мерах по обеспечению граждан Российской Федерации доступным и комфортным жильем и повышению качества жилищно-коммунальных услуг» которым Правительству Российской Федерации совместно с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации поручено разработать комплекс мер по улучшению жилищных условий семей, имеющих трех и более детей, включая создание при поддержке субъектов Российской Федерации и муниципальных образований необходимой инфраструктуры на земельных участках, предоставляемых указанной категории граждан на бесплатной основе. Федеральным законом от 23.06.2014 № 171-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» введена статья 39.5 ЗК РФ, которой предусмотрено предоставление гражданам, имеющим трех и более детей, земельных участков в собственность бесплатно при установлении законом субъекта Российской Федерации соответствующих случаев и порядка предоставления. Законом Хабаровского края № 104 «О регулировании земельных отношений в Хабаровском крае», статья 3 которого устанавливает случаи и условия предоставления земельных участков, находящиеся в государственной собственности края, муниципальной собственности, земельных участков, государственная собственность на которые не разграничена, гражданам в собственность бесплатно. Постановлением Правительства Хабаровского края от 08.12.2015 № 424-пр которым утвержден Перечень документов, подтверждающих право граждан на приобре-

тение земельного участка в аренду без проведения торгов и в собственность бесплатно на территории Хабаровского края, и Порядок распределения земельных участков гражданам, имеющим трех и более детей, в целях предоставления в собственность бесплатно. Распоряжением Правительства РФ от 29.06.2012 № 1119-р утвержден комплекс мер по улучшению жилищных условий семей, имеющих трех и более детей, во исполнение которых приказом Министерства регионального развития Российской Федерации от 09.09.2013 № 372 утверждены методические рекомендации субъектам Российской Федерации по порядку и случаям бесплатного предоставления земельных участков гражданам, имеющим трех и более детей.

В силу закона у семей с тремя и более детьми есть возможность получить от государства земельный участок под индивидуальное жилищное строительство, условия и правила выделения земельных участков устанавливают субъекты Российской Федерации.

Ключевая сложность заключается в отсутствии в правовых механизмов регламентации процесса создания необходимой инфраструктуры для возможности гражданам осваивать и использовать предоставленные земельные участки по назначению, до предоставления земельных участков им в собственность, а также отсутствие механизмов исполнения решений судов при не возможности исполнения решения суда муниципальным образованием по объективным причинам из-за дефицита местного бюджета образовавшегося из-за вступившего в законную силу решения суда

Большое количество земельных участков находящиеся в государственной собственности края, муниципальной собственности, земельные участки, государственная собственность на которые не разграничена предоставлялись и предоставляются в лесах, полях, без подъездных путей, без инфраструктуры, инженерно-технического обеспечения, что дает почву для подачи исковых заявлений органами прокуратуры в защиту интересов неопределенного круга лиц к муниципальным образованиям на территории которых предоставлены такие земельные участки с требованием о возложении обязанности на муниципальное образование выполнить проектирование и строительство объектов инфраструктуры в соответствии с параметрами планируемого строительства систем инженерно-техниче-

ского обеспечения, предусмотренными проектами планировки территории в границах указанных земельных участков.

Решения судов направлены на обеспечение справедливости и защиты прав граждан, и обеспечение справедливости и уважения к закону, поддержания правопорядка и создания уверенности в правовой системе.

Согласно судебной практике, суды удовлетворяют такие требования органов прокуратуры. Так как согласно статьи 40 Конституции Российской Федерации каждый имеет право на жилище, органы государственной власти и органы местного самоуправления создают условия для реализации этого права.

Рассмотрим на примере решение Хабаровского районного суда Хабаровского края от 17.10.2017 года по гражданскому делу № 2–1933/2017 к администрации сельского поселения «Село Некрасовка» Хабаровского муниципального района Хабаровского края о возложении обязанности выполнить проектирование и строительство автомобильных дорог в квартале «Восточный» с. Некрасовка, котором предоставлены в собственность земельные участки для семей, имеющих трех и более детей, в течение одного года со дня вступления решения суда в законную силу.

Администрацией сельского поселения «Село Некрасовка» решение суда на 1 января 2025 года исполнено частично в части проектирования автомобильных дорог в квартале «Восточный» с. Некрасовка.

Орган местного самоуправления на который возложена обязанность по строительству автомобильных дорог в квартале «Восточный» с. Некрасовка к таким земельным участкам не в силу закона и даже по решению суда не может исполнить свою обязанность по причине образо-

вавшиеся дефицита местного бюджета из за вступившего в законную силу решения суда, так как согласно проектно-сметной документации цена строительства не асфальтированной автомобильной дороги достигает 67 000 000 рублей за 1 километр при этом годовой бюджет сельского поселения «Село Некрасовка» на 2025 год составляет 42 037,629 тыс. рублей.

Так как орган местного самоуправления, на который возложена обязанность по строительству автомобильных дорог в квартале «Восточный» с. Некрасовка, по объективным причинам не может исполнить решение суда, нарушаются конституционные права граждан.

Для предупреждения появления новых судебных решений по обеспечению необходимой инфраструктурой к земельным участкам предоставленным данной категории граждан в Закон Хабаровского края от 29 июля 2015 г. № 104 «О регулировании земельных отношений в Хабаровском крае» требуется внесение следующего изменения «в случае предоставления земельных участков находящиеся в государственной собственности края, муниципальной собственности, земельные участки, государственная собственность на которые не разграничена, предоставление таких земельных участков допускается только после обеспечения указанных земельных участков объектами инфраструктуры в соответствии с параметрами планируемого строительства систем инженерно-технического обеспечения, предусмотренными проектами планировки территории в границах указанных земельных участков», по аналогии с частью 1.1 статьи 14 Федерального закона от 24 июля 2008 г. № 161-ФЗ «О содействии развитию жилищного строительства, созданию объектов туристской инфраструктуры и иному развитию территорий».

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) — Доступ из справочной правовой системы «Гарант».
2. Федеральный закон от 23.06.2014 № 171-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» — Доступ из справочной правовой системы «Гарант».
3. Закон Хабаровского края № 104 «О регулировании земельных отношений в Хабаровском крае» — Доступ из справочной правовой системы «Гарант».
4. Постановление Правительства Хабаровского края от 08.12.2015 № 424-пр — Доступ из справочной правовой системы «Гарант».
5. Распоряжение Правительства РФ от 29.06.2012 № 1119-р — Доступ из справочной правовой системы «Гарант».
6. Приказ Министерства регионального развития Российской Федерации от 09.09.2013 № 372 — Доступ из справочной правовой системы «Гарант».
7. Решение Хабаровского районного суда Хабаровского края от 17.10.2017 года делу № 2–1933/2017 — Доступ из справочной правовой системы «Гарант».
8. Апелляционное определение Пермского краевого суда от 13 февраля 2024 г. по делу N 33а-2281/2024 — Доступ из справочной правовой системы «Гарант».
9. Апелляционное определение СК по административным делам Хабаровского краевого суда от 07 августа 2024 г. по делу N 33а-4288/2024 — Доступ из справочной правовой системы «Гарант».
10. Определение СК по гражданским делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 21 января 2025 г. по делу N 8Г-38132/2024 [88–1583/2025–(88–39693/2024)] — Доступ из справочной правовой системы «Гарант».

11. Решение Краснофлотского районного суда г. Хабаровска Хабаровского края от 14 августа 2024 г. по делу N 2а-1629/2024 — Доступ из справочной правовой системы «Гарант».
12. Решение Шигровского районного суда Курской области от 19 декабря 2024 г. по делу N 2а-524/2024 — Доступ из справочной правовой системы «Гарант».

Изменение и прекращение гражданско-правового договора как проявление свободы договора

Якушева Лейсен Миннивазыховна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Статья посвящена анализу принципа свободы договора в гражданском праве Российской Федерации, который является основой для регулирования обязательственно-правовых отношений. Принцип свободы договора, вытекающий из принципа диспозитивности, предоставляет участникам гражданского оборота возможность самостоятельно устанавливать условия своих обязательств. В статье рассматриваются три ключевых положения принципа свободы договора применительно к изменению и расторжению: добровольность, право сторон на определение условий сделки, а также возможность заключения договоров, не упомянутых в ГК РФ. В статье подчеркиваются ограничения свободы договора, такие как императивные нормы и принципы добросовестности, которые защищают стороны от злоупотреблений. Также предлагается дополнение ГК РФ, направленное на защиту прав более слабых участников гражданских отношений, что обеспечит справедливый баланс между свободой договора и защитой охраняемых интересов.

Ключевые слова: изменение и расторжение договора, принцип свободы договора, принцип добросовестности, правовые ограничения.

Modification and termination of a civil law contract as a manifestation of freedom of contract

Yakusheva Leysen Minnivazykhovna, master's student
Moscow University of Finance and Law

The article is devoted to the analysis of the principle of freedom of contract in the civil law of the Russian Federation, which serves as the foundation for regulating obligatory-legal relationships. The principle of freedom of contract, stemming from the principle of dispositivity, provides participants in civil turnover with the opportunity to independently determine the terms of their obligations. The article discusses three key aspects of the principle of freedom of contract concerning amendments and termination: voluntariness, the parties' right to define the terms of the transaction, and the possibility of concluding contracts not mentioned in the Civil Code of the Russian Federation. The article highlights the limitations on freedom of contract, such as imperative norms and the principles of good faith, which protect the parties from abuse. It also proposes an amendment to the Civil Code of the Russian Federation aimed at protecting the rights of weaker participants in civil relationships, ensuring a fair balance between the freedom of contract and the protection of safeguarded interests.

Keywords: modification and termination of the contract, principle of freedom of contract, principle of good faith, legal restrictions.

Изменение и расторжение договора осуществляется в рамках принципа свободы договора. Принцип свободы договора является основой гражданского права, определяя структуру обязательственно-правовых отношений между участниками гражданского оборота. Он вытекает из принципа диспозитивности, который регулирует частноправовые отношения, предоставляя субъектам возможность свободно формировать свои гражданские права и обязанности, что позволяет сторонам самостоятельно определять условия договора, опираясь на свои интересы и предпочтения.

В отличие от частного права принцип свободы договора противопоставляется императивности, характерной для публичных правовых отношений. Публичное право накладывает ограничения на действия субъектов, определяя рамки их полномочий. Основное различие между диспозитивностью и императивностью заключается в степени свободы участников и их возможностях для самореализации в правовой сфере [1].

Принцип свободы договора в гражданском праве является важным аспектом реализации более общего принципа диспозитивности, который регулирует частно-

правовые отношения между субъектами гражданского оборота. Согласно Е. М. Солонецкой принцип свободы договора включает три ключевых положения, которые обосновывают свободу сторон в процессе заключения и исполнения договоров.

Во-первых, договор должен заключаться, изменяться и расторгаться исключительно на основе взаимного согласия сторон, без принуждения, за исключением тех случаев, которые прямо предусмотрены законодательством или условиями самого договора.

Во-вторых, стороны обладают правом самостоятельно определять условия договора, если только законодательство не вводит императивные нормы, которые ограничивают их свободу выбора. В случае, когда нормы закона или других нормативных актов устанавливают обязательные условия, стороны могут отклоняться от них лишь в пределах, указанных в данных актах. Также стороны имеют право выбирать форму договора, которая может быть представлена как единый документ, обменом офертой и акцептом или иной формой, которая соответствует деловым обычаям, потребностям сторон и требованиям российского законодательства.

В-третьих, стороны могут заключить, изменить и расторгнуть как договоры, прямо предусмотренные ГК РФ, так и те, которые не имеют прямого упоминания в данном кодексе, включая соглашения, которые сочетают признаки нескольких договорных форм, признанных гражданским законодательством [2].

Принцип свободы договора играет фундаментальную роль в обеспечении гибкости для сторон, участвующих в экономическом обороте, что способствует заключению сделок с высокой скоростью и эффективностью. Этот правовой принцип является проявлением экономической свободы рыночных отношений, в которых условия сделок, такие как цена в возмездных договорах и другие ключевые параметры, формируются на основе воли сторон. В условиях динамично развивающихся гражданско-правовых отношений обязательственное право выступает как основа для регулирования процесса передачи объектов гражданских прав, что обеспечивает бесперебойное и эффективное движение активов между участниками оборота. Благодаря принципу свободы договора субъекты гражданских отношений могут оперативно адаптировать условия своих сделок, что позволяет им более гибко реагировать на изменения рыночных и правовых условий. С учетом этого принцип становится неотъемлемым элементом правовой структуры, обеспечивающим стабильно функционирующий и развивающийся гражданский оборот. Таким образом, свобода договора способствует не только гибкости в правовых отношениях, но и повышению общей адаптивности правовой системы в условиях рыночной экономики.

Принцип свободы договора в гражданском праве, несмотря на свою основополагающую роль, не является абсолютным. И. С. Шляхтин указывает, что основным ос-

нованием для ограничения свободы договора является предотвращение злоупотреблений, которое может привести к экономическому неравенству без законных ограничений [3]. В связи с этим важно рассмотреть ограничения этого принципа, установленные действующим законодательством.

Одним из основных ограничений является императивно-правовое регулирование, которое, по мнению И. А. Попковой, постепенно сокращается в гражданском праве и остается только в тех областях, где оно невозможно исключить [4]. Однако полностью отказаться от императивных норм в гражданских отношениях невозможно, так как они обеспечивают стабильность гражданского оборота. Эти нормы направлены на защиту интересов сторон договора, предотвращая злоупотребления правом. Императивно-правовое регулирование затрагивает как форму договора, требуя соблюдения письменной формы в большинстве случаев, так и его содержание.

Еще одним ограничением является принцип добросовестности участников гражданско-правовых отношений. Этот принцип включает недопустимость злоупотребления правом, что означает, что даже при отсутствии явного запрета, условия договора, направленные на причинение вреда контрагенту, не будут защищаться правом. Таким образом, свобода договора ограничивается обязательностью добросовестного поведения сторон в процессе заключения и исполнения соглашений [5].

Вопрос установления пределов свободы договора в гражданско-правовых отношениях связан с правовыми проблемами, поскольку законодатель должен найти справедливый баланс между свободой договора и ее ограничениями. Например, С. П. Степкин отмечает, что в договорах на авиаперевозку животных существует излишняя свобода договора, дающая авиаперевозчику право запрещать перевозку определенных пород собак [6].

Исходя из вышеизложенного, предлагается дополнить ст. 421 ГК РФ частью шестой следующего содержания: «Суд вправе ограничить действие принципа свободы договора в случае, если положения договора явно и непропорционально нарушают права одного из участников договора».

Введение данной нормы в российское законодательство обеспечит дополнительную защиту прав более слабых субъектов гражданских отношений, устанавливая справедливый баланс между принципом свободы договора и защитой интересов участников. Несмотря на ключевую роль принципа свободы договора в гражданском праве и экономическом обороте, этот принцип не является абсолютным. Любые ограничения свободы договора должны быть обоснованы законной целью, пропорциональны этой цели и закреплены на законодательном уровне. Такой баланс между свободой договора и защитой иных охраняемых государством интересов обеспечит эффективный и добросовестный гражданско-правовой оборот в России.

Литература:

1. Примак Т. К., Зайцев О. В. Принцип диспозитивности как основа развития экономических отношений // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2014. № 3. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-dispozitivnosti-kak-osnova-razvitiya-ekonomicheskikh-otnosheniy> (дата обращения 15.04.2025).
2. Солонецкая Е. М. Принцип свободы договора // Наука, образование и культура. 2021. № 4. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-svobody-dogovora> (дата обращения 15.04.2025).
3. Шляхтин И. С. Предпосылки и цели ограничения свободы договора // Вопросы современной юриспруденции. 2017. № 3–4. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/predposylki-i-tseli-ogranicheniya-svobody-dogovora> (дата обращения 15.04.2025).
4. Попкова И. А., Пономарева В. В. К вопросу о проблеме места императивных норм в гражданском праве, на основе сравнения современного российского и античного права // Контентус. 2019. № 5. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-probleme-mesta-imperativnyh-norm-v-grazhdanskom-prave-na-osnove-sravneniya-sovremennogo-rossiyskogo-i-antichnogo-prava> (дата обращения 15.04.2025).
5. Жалоб А. В. Принцип свободы договора в гражданском праве // Правовая реформа. 2022. № 2. С. 40.
6. Степкин С. П. Проблемы свободы договора при авиаперевозке багажом животных на примере ПАО «Аэро-флот» // Вестник КГУ. 2018. № 2. С. 316.

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 26 (577) / 2025

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 09.07.2025. Дата выхода в свет: 16.07.2025.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.